

ДЖЕННИ НИММО

Поларный экспресс

ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

Annotation

Новая книга о приключениях Чарли Бона!

У Чарли есть все для настоящего английского детства – учеба в мрачной школе, властные тетушки, чудаковатый дядя и несколько «скелетов в шкафу». А теперь добавьте к этому общество удивительно способных детей – и вы поймете, как «повезло» одиннадцатилетнему Чарли. Впрочем, он не унывает. Конечно, академия Блура – местечко не из приятных, но зато друзей мальчик там обрел гораздо больше, чем врагов, и к тому же тайн и приключений в академии всегда с избытком. На этот раз Чарли предстоит иметь дело с удивительным волшебным кристаллом, который проделывает со временем невероятные вещи. И не только со временем, но и с людьми.

- [Дженни Ниммо](#)
 - [ОДАРЕННЫЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Дженни Ниммо
Призрак из прошлого

ОДАРЕННЫЕ

Все одаренные ведут свой род от Алого короля и его десяти отпрысков. Алый король был африканским королем-чародеем, который уехал из Африки в двенадцатом веке в сопровождении троих верных леопардов.

Король жил на свете уже не первую сотню лет, когда он создал чудесный стеклянный шарик, в который вложил все свои воспоминания о странствиях по свету. С помощью этого шарика, Времяворота, король путешествовал во времени то в прошлое, то в будущее.

В руках любого другого человека Времяворот – опасная и непредсказуемая игрушка.

Потомки Алого короля, или одаренные:

Манфред Блур – староста академии Блура. Владеет даром гипноза. Потомок Борлата – жестокого тирана, старшего сына Алого короля.

Аза Пик – оборотень. Ведет свой род от племени дикарей, обитавших в северных лесах и державших странных животных. На закате Аза умеет перекидываться в дикое волкоподобное существо.

Билли Гриф – понимает язык животных и птиц. Один из его предков беседовал с грифами, которые сидели на виселицах и питались мертвечиной. За этот дар его изгнали из родной деревни.

Зелда Добински – девочка из древнего рода польских колдунов. Владеет даром телекинеза – способна передвигать предметы силой воли.

Бет Бицепс – также владеет даром телекинеза, но происходит из рода потомственных циркачей.

Лизандр Вед – родом из племени африканских мудрецов. Умеет общаться с духами умерших, и особенно своих предков.

Танкред Торссон – повелевает бурей. Его скандинавские предки получили свою фамилию от имени бога-громовержца Тора. Танкред умеет вызывать бурю, гром, молнии, ветер и дождь.

Габриэль Муар – наделен даром ощущать судьбу и переживания владельцев той или иной вещи, особенно одежды. Происходит из рода медиумов.

Эмма Толли – умеет летать. Фамилия ее происходит от испанского рыцаря из города Толедо, чья дочь стала женой Алого короля. Таким образом, толедский рыцарь – общий предок всех одаренных детей.

Чарли Бон – обладает даром слышать голоса людей, изображенных на картинах и фотографиях. Происходит из рода Юбимов, богато одаренного разнообразными магическими способностями.

Бинди и Доркас – две одаренные девочки, суть талантов которых пока остается непоясненной.

Глава 1

ИГРА В ШАРИКИ^[1]

Зимой 1916 года январь выдался самый холодный, какой только знала история. В академии Блура царила почти такая же темнота, что и на улице. Генри Юбим, торопливо трусивший по одному из вымерзших коридоров академии, начал тихонько напевать себе под нос, чтобы взбодриться.

В дальнем конце коридора шипели и мигали в своих металлических рожках синие язычки газа. Пахло там отвратительно. «Как будто где-то в углу что-то сдохло, и довольно давно», — передернулся Генри.

Вообще-то Генри жил в уютном домике на берегу моря, но его сестренка, Дафна, захворала дифтерией, и вот Генри с младшим братом, Джеймсом, поспешно отослали сюда, к дяде, сэру Гидеону Блуру.

Генри ни за что бы не поехал к дяде, будь у него выбор. Сэр Гидеон был суров, холоден и величествен, как айсберг в океане. Директор солидной старой школы с давними традициями, он никому ни на минуту не позволял забыть о том, какой высокий пост занимает.

Представители семейства Блур издавна возглавляли академию. Это была школа для талантливых музыкантов, актеров и художников. Кроме того, принимали в нее и тех, кто отличался особой одаренностью, необычными, сверхъестественными способностями, при одной мысли о которых Генри делалось еще холоднее.

Между тем мальчик добрался до комнат своего кузена Зики, единственного сыночка сэра Гидеона; худшего кузена невозможно было и представить. Зики как раз принадлежал к особо одаренным, но Генри полагал, что способности кузена — из разряда каких-нибудь весьма мерзких.

Генри приоткрыл дверь и опасливо заглянул внутрь. На подоконнике выстроились в ряд стеклянные баночки и скляночки. А внутри, в прозрачной жидкости, корчились какие-то непонятные и странные существа, бесформенные, бесцветные, только одно было

мертвенно-голубоватого оттенка. «Сдается мне, это не вода», – подумал Генри.

– Что это ты затеял, мальчик? – грянуло за спиной у мальчика.

По коридору прямо на него надвигалась тетка Гудрун; шаги ее заглушал шелест черных юбок.

– Э-э-э... – растерялся Генри.

– Твоего эканья мне недостаточно, Генри Юбим. Ты ведь, если не ошибаюсь, шпионишь в комнате моего сына?

– И не думаю, – возразил Генри.

– Нечего разгуливать по коридорам и всюду совать свой нос. Живо иди обратно в гостиную. – Леди Блур властно поманила Генри мизинцем, и ему ничего не оставалось, как последовать за теткой.

Леди Блур вела мальчика за собой мимо таинственных запертых дверей, которые Генри некоторое время назад так и не удалось открыть. Генри от природы был любопытен и скуки не переносил. Поэтому, когда его по длинным коридорам и скрипучей лестнице отвели обратно к двери надоевшей гостиной, он глубоко вздохнул. Тоска!

Семейство Блур обитало в западном крыле академии, но первый этаж почти полностью занимал огромный холл, где гуляли сквозняки и эхо, часовня, несколько залов поменьше и школьные классы. Генри уже успел частично обследовать первый этаж и был страшно разочарован. Ничегошеньки интересного – только ряды выщербленных парт и стульев да полки с пыльными книгами.

– Вот мы и пришли! – Леди Блур распахнула дверь и втокнула Генри в гостиную. Маленький мальчик, маявшийся у окна, тут же спрыгнул с подоконника и кинулся к Генри.

– Ты где был? – пискнул он. и

– Так, на разведку ходил, – уклончиво ответил брату Генри.

– А я думал, ты домой ушел.

– Джейми, до дома ехать и ехать. – Генри плюхнулся в глубокое кожаное кресло у камина. Над дровами, сложенными на кованой подставке, вился дым, принимая причудливые формы. Генри прикрыл глаза, и ему как наяву представилась их уютная гостиная в домике у моря. Он снова вздохнул. Тетка Гудрун строго посмотрела на Генри и многозначительно предупредила:

– Мальчишки, ведите себя прилично, – после чего удалилась.

Как только дверь за ней затворилась, Джейми уселся на ручку братнина кресла.

– Знаешь, Зики тут такое вытворял! – шепотом сообщил он.

Только теперь Генри заметил, что его бледный и угрюмый кузен Иезекииль, он же Зики, молча замер на другом конце гостиной, у стола, и что-то сосредоточенно изучает. Он сидел неподвижно, как статуя, с застывшим лицом. Казалось, он даже не дышит.

– Мне без тебя было страшно, – признался Джейми.

– Почему? Что он такого делал? – приглушенно спросил Генри.

– Ну, он складывал пазл – большой такой, по всему столу валялись кусочки. А потом как уставится на него, и все кусочки стали сползаться, прямо как пауки. То есть почти все. И сложились в картинку. Он мне показал – получился корабль, только несколько кусочков не подошло.

– К сведению некоторых, шушукаться невежливо, – объявил Зики, не отводя взгляда от складной картинки-пазла.

Генри неохотно выбрался из кресла и направился к кузену. Он посмотрел на незаконченный пазл и на дюжину кусочков, которые пока не удавалось никуда пристроить. Генри подумал и точно понял, куда их надо вставить.

– Та-ак, – пробормотал он, а затем принялся брать кусочки и по одному класть их на место. Два фрагмента пошли на небо, пять он распределил по корпусу и оснастке корабля, а четыре вписались в морские волны.

Несколько мгновений Зики как зачарованный следил за движениями рук Генри. И только когда тот уже определял на место последний кусочек морской лазури, Зики внезапно будто проснулся. Он вскинулся и сердито закричал:

– Зачем ты полез без спросу? Я бы и сам справился! Сам! Без тебя!

– Генри ловко управляет с пазлами, – похвастался Джейми.

– Что ж, а я ловко управляюсь *кое с чем другим*, – ощерился Зики.

Но Джейми был слишком мал, чтобы почуять надвигающуюся опасность; злобного блеска в черных глазах кузена он не заметил и беспечно продолжал:

– Магия не всегда помогает. Генри тебя умнее, Зики.

Сам того не ведая, этими словами он определил дальнейшую судьбу брата – и свою, конечно же, тоже.

– А ну, вон отсюда! – заорал Зики. – Я сказал, пошли вон оба! Пр-р-роклятые Юбимы! Убирайтесь, видеть вас не могу!

Мальчики кинулись прочь из гостиной. Искажённое яростью лицо кузена ничего хорошего не сулило, а что именно плохого – они проверять не стали.

– Куда пойдем? – пропыхтел Джейми, поспешая по гулким коридорам вслед за братом.

– В большой холл. Там можно поиграть в шарики, Джейми. – Генри вытащил из кармана кожаный мешочек и показал братишке. В мешочке глуховато перестукивались шарики.

Но игре не суждено было состояться. Мальчики не успели дойти до холла, когда под сводами коридора разнесся глас тетки Гудрун:

– Джеймс, пора в постель.

Младший племянник сделал вид, что не услышал.

– Джеймс, я кому сказала! Немедленно!

– Но я хочу в шарики поиграть! – воспротивился Джейми.

Генри огорченно развел руками:

– Извини, Джейми, придется послушаться. Шарики завтра. А сегодня я к тебе еще приду и почитаю.

– Обещаешь? Ты мне про Алису в Зазеркалье не дочитал.

– Джеймс, не заставляй меня ждать! – крикнула тетка Гудрун.

– Честное слово, дочитаю. – Генри был намерен сдержать слово, но Зики уже имел на него кое-какие другие виды.

Джейми понуро зашлепал к монументальной фигуре тетки, высившейся в дальнем конце коридора.

– Смотри мне, Генри! – предупредила тетка Гудрун. – Чтоб без глупостей.

– Да, тетя, – покорно отозвался мальчик.

Генри уже двинулся к дворцовых масштабов лестнице, что вела в холл, но тут его осенило. И так уже холодина такая, что изо рта облачка пара вылетают, – в холле, наверно, вообще лютая стужа, он, Генри, там насмерть замерзнет. Мальчик развернулся и направился в комнату, которую уже успел обследовать раньше, а именно в большую кладовку, где хранилась одежда, оставленная бывшими учениками академии. Тут по стенам висели ряды синих, зеленых и фиолетовых

плащей, на полках лежали театральные костюмы и шляпы, на полу выстроилась поношенная кожаная обувь.

Генри выбрал и надел теплый синий плащ, доходивший ему чуть ли не до щиколоток, – для стылого холла с его сквозняками и ледяным каменным полом в самый раз. Завернувшись в плащ, Генри спустился в холл и извлек из кармана мешочек с шариками – коллекцией, служившей предметом зависти всех его приятелей. Папа Генри много путешествовал и ни разу не возвращался из поездки без одного, а то и двух-трех новых шариков. В кожаном мешочке у Генри хранились шарики из оникса, агата, стекла, известняка, кварца и даже из расписного фарфора.

Свет в холле не горел, но в высокие окна, посеребренные морозными узорами, лился лунный свет, и каменные плиты пола переливались металлически-серым блеском.

Генри решил сыграть в свою любимую игру, «двойное кольцо», но, поскольку играл он один, оставалось только практиковаться в меткости. Мальчик вытащил из кармана припасенный кусочек мела и очертил на полу посреди холла большой круг, а внутри него второй, поменьше. Затем он выбрал тринадцать шариков и разложил их крестом внутри малого круга.

Для игры все было готово. Генри встал на колени за пределами большого круга и потер озябшие руки. Зубы у него отчаянно клацали. Генри подоткнул край плаща под коленки и бережно извлек свой любимый шарик – чистейшей синевы, он слегка мерцал изнутри серебристыми искорками, будто внутри было звездное небо. Заветный шарик всегда служил у Генри битой, им он выбивал остальные.

Генри оперся ладонями об пол, пристроил перед правой синий шарик и щелчком большого пальца пустил его в выложенный из двенадцати шариков крест. Раздался звонкий стук, и апельсиновый шарик выкатился за пределы большого круга.

– Есть! – ликующе завопил Генри.

За спиной у него что-то скрипнуло. Генри опасливо покосился в дальний темный угол. Что там шевелится? Но он не увидел ничего, кроме обшитых дубовыми панелями стен и выцветшего гобелена. Померещилось? Или гобелен и впрямь колыхнулся? Дверца рядом с гобеленом вела в западное крыло, но таким темным и жутким

коридором, что Генри предпочитал добираться туда в обход, по главной лестнице.

По ногам мальчика пролетел холодный сквозняк, и гобелен опять колыхнулся. В окна застучал град, и во дворе вдруг тоскливо завыл ветер.

– Просто ветер, – сказал себе Генри и плотнее завернулся в плащ, подоткнув его край под колени, а потом даже натянул на голову капюшон.

А за гобеленом между тем затаился Зики. В одной руке у него был фонарь, а в другой – что-то маленькое и блестящее. Это был стеклянный шарик, который как будто жил своей жизнью – в нем выгибалась и таяла радуга, он озарялся изнутри то солнечным, то лунным светом, в нем вспыхивали и гасли то золотистые, то серебристые искры. Зики знал, что шарiku не одна тысяча лет и глядеть на него нельзя.

Шарик завещала Зики, уже будучи при смерти, его двоюродная бабушка Беатриса, колдунья такого могущества, каких свет не видывал.

– Это Времяворот, – надтреснутым слабым голосом произнесла она и вложила шарик в руку внука. – Для путешествий во времени. В него можно смотреть, только если собираешься в путешествие, Зики.

Зики в путешествие не собирался. Он благоденствовал в огромном угрюмом здании, которое было ему родным домом, и мало кто и что могло его отсюда выманить. Однако он жаждал проверить, какая судьба постигнет человека, поглядевшего во Времяворот. И лучшей кандидатурой на то, чтобы вылететь куда-нибудь в прошлое или будущее, по мнению Зики, был именно его надоедливый кузен Генри Юбим.

К этому времени Генри уже удалось выбить из малого круга три шарика и, хотя пальцы у него заоченели, он ни разу не промазал, чем был очень доволен. Генри занял позицию для очередного броска, и тут к нему подкатился невесть откуда возникший стеклянный шарик. Незнакомый шарик был чуть побольше заветной биты, которой играл Генри. В нем танцевали радужные искры.

– Ничего себе, – в восхищении выдохнул Генри. Он замер, и шарик подкатился к самым его ногам.

Генри поднял его и стал рассматривать. Шарик дышал и переливался, в нем возникали золотые купола и залитые ослепительным солнцем города, сияли голубые безоблачные небеса, пенились морские волны... Чего там только не было! Генри, не в силах оторвать взгляда от мелькавших перед ним картинок, вдруг почувствовал неладное. С ним происходило что-то непонятное. Наверно, зря он посмотрел в этот шарик, ой зря.

Мальчик попытался отвести взгляд от переливчатого нутра шарика, но тщетно. Краешком глаза он успел заметить, что обшитые дубом стены холла расплываются и тают, тают вместе с гаснущим лунным светом и морозными узорами на окнах. Голова у Генри закружилась, земля ушла из-под ног. Где-то в бесконечной дали замяукал кот. Потом еще один. И еще.

«Ой, а как же Джейми?» – в ужасе спохватился Генри.

Что делать? Успеет ли он позвать братишку, прежде чем исчезнет? Или Джейми напугается, увидев, как старший брат тает в воздухе? Ему же потом кошмары будут сниться! И Генри решил оставить брату записку.

Из последних сил он схватил кусочек мела и левой рукой (правая как прилипла к таинственному шарiku), накорябал на каменном полу:

«Джейми, извини. Эти шарики...»

Больше Генри ничего написать не успел. Одиннадцатилетний Генри Юбим с невероятной скоростью мчался из 1916 года в будущее – в год, когда почти все, кого он знал, уже умрут.

... А в крошечной холодной спальне на последнем этаже западного крыла тщетно ждал брата Джейми. Он так продрог, что натянул поверх фланелевой ночной рубашки пальто. Но вот пламя свечи на ночном столике дрогнуло. Ну где же Генри? Куда он запропал?

Джейми потерял глаза. Он ужасно устал, но заснуть от холода не получалось. Мальчик натянул одеяло до самого носа и сонно прислушался к стуку града за окном. И тут свечка мигнула и погасла.

Джейми резко сел в кровати. Он так испугался, что не решался даже позвать на помощь. Тетя Гудрун разгневается, а кузен Зики будет дразнить его трусишкой и сопляком. Вот Генри понимает, почему ему страшно в темноте.

– Генри! Генри, куда ты делся? – проскулил Джейми. Он зажмурился от страха, упал носом в подушку и тоненько заплакал.

Слезы еще катились у него по щекам, но дрожать Джейми перестал. В комнате почему-то стало теплее. Мальчик открыл глаза и с удивлением различил очертания подушки, окна, столика. По потолку разлился мягкий свет. Джейми приоткрыл рот и, повертев головой, увидел, что возле его кровати кружат три кота – один оранжевый, другой желтый, а третий – медно-рыжий.

Как только коты поняли, что мальчик их увидел, они вспрыгнули к нему на одеяло и стали тереться о замерзшие руки, нос и щеки Джейми. Шубки их светились и были горячими, как солнечные лучи. Джейми гладил котов и постепенно успокаивался. «Пойду-ка поищу Генри», – решил он. Не успел мальчик это подумать, как коты соскочили с кровати и на мягких лапках побежали к двери. Они с тревожным мяуканьем оглядывались на Джейми, а он поспешно натянул носки и башмаки.

Кошачья тройца уверенно повела мальчика по узким коридорам и крутым ступенькам – так быстро, что он едва поспевал за ней. Там, где в окна падали лунные лучи, огненные кошачьи шкурки начинали серебриться, как будто их присыпало инеем. На подходе к главной лестнице коты мяукали так громко, что Джейми даже замер и не сразу решился войти в холл.

Генри в холле не было.

Только блестящие шарики раскатились по каменному полу, на котором лежал морозно-лунный узор.

Джейми на подгибающихся ногах спускался по лестнице, а коты бежали впереди и мяукали все настойчивее – мол, скорее, что же ты! Когда мальчик наступил на меловые линии на полу, мяуканье сменилось ворчанием.

Джейми смотрел в пол. А, так Генри играл в свое любимое «двойное кольцо»!

– Генри! – позвал он. – Генри, ты где? Куда ты пропал?

В огромном холодном холле, залитом луной, маленький Джейми Юбим почувствовал себя еще меньше. Ему никогда еще не было так плохо без брата. Генри исчез, это ясно. И даже не попрощался. Джейми хлопнул носом.

Но заплакать он не успел – коты ринулись в меловой круг, и мальчик заметил, что на полу смутно белеют какие-то буквы. Записка? Эх, если бы он, Джейми, толком умел читать! Генри его учил-учил, но пока что без особого успеха.

«А может, я просто не старался по-настоящему? – спросил себя Джейми. – Вот сейчас мне точно надо быстро научиться».

– Из... – забормотал он, не сводя взгляда с белых строчек, вдоль которых сновали светящиеся коты. – Из-ви...

Потом следовало «н», потом «и», а потом его, Джейми, имя. И вдруг мальчик разом прочитал всю записку.

«Извини, Джейми. Эти шарики...»

На этом послание обрывалось.

«Ясно, Генри хотел, чтобы я собрал и сберег его шарики», – решил Джейми. Он поднял с пола кожаный мешочек, но не успел подобрать синий шарик-биту, как оранжевый кот игриво поддел его лапкой, и шарик покатился прочь. Желтый кот мягкими прыжками понесся за синим шариком, а медный тем временем выбил из мелового круга еще три.

Под сводами холла заплясало эхо: шарики звонко сталкивались и разбегались. Коты, мурлыча, гоняли их туда-сюда. Джейми ошалело вертел головой: коты плясали, как языки пламени, шарики сверкали разноцветными вспышками в лунных лучах. Джейми смотрел, как коты играют в шарики, и невольно улыбался.

– Кисоньки, не уходите! – робко попросил он.

Коты не уйдут. Пока Джейми Юбим не покинет мрачную холодную громаду академии Блура, они будут оберегать и согревать его, ведь только так и подобает обращаться с маленькими мальчиками.

Глава 2

БАБУШКА ХЛОПАЕТ ДВЕРЬЮ

Зима зажала город в безжалостных ледяных пальцах. Крыши, печные трубы, окна, деревья и даже все, что двигалось, покрылось коркой замерзшего снега.

Поэтому Чарли Бон предвкушал, что рождественские каникулы продлят еще на день, а то и на два. Ведь не начнется же новая четверть в такую холодину? Но бабушка Бон разрушила его надежды.

– И не надейся увильнуть, – своим обычным язвительным тоном заявила она. – Академия Блура не закрывается ни в дождь, ни в град, ни в пургу. Снег на главной улице уже расчистили, так что школьный автобус остановится в начале Филберт-стрит утром в понедельник, ровно в восемь. Ни секундой позже! – Последнее слово она прошипела, как гусыня или змея.

Чарли всю неделю, кроме выходных, учился и ночевал в академии Блура, так что воскресными вечерами ему приходилось собирать сумку и собираться с духом, чтобы провести очередные пять дней не дома. Но в это воскресенье Чарли больше занимали снежинки, плясавшие за окном, чем сборы.

– Пижама, зубная щетка, трусики, – забормотал себе под нос Чарли, – носки, чистые рубашки...

Мальчик озадаченно поскреб в затылке. Вообще-то в школу полагалось носить синий форменный плащ, но Чарли терпеть не мог это одеяние и накидывал его в последнюю минуту, уже перед дверями академии. Другие дети с Филберт-стрит над ним потешались, и не зря: академия Блура была школой не из простых. Туда принимали только талантливых детей – актеров, художников и музыкантов. Впрочем, Чарли никакими из вышеперечисленных способностей не отличался. Он был один из дюжины особо одаренных, тех, кто обладал таинственными сверхъестественными способностями. Лично Чарли не раз думал, что преспокойно обошелся бы без своего дара. Он умел слышать фотографии, точнее, о чем говорят люди на фотографиях. Как только про его дар пронюхала бабушка Бон, урожденная Юбим, и три ее кошмарные сестрицы, Чарли тут же запихнули в академию. Дело в

том, что Чарли «посчастливилось» родиться в семье потомственных ясновидящих, гипнотизеров, оборотней, колдунов и еще того похлеще. Все они вели свой род от некоего Алого короля, могущественного волшебника древности, а потому считалось, что за Чарли, как за любым особо одаренным ребенком, нужен глаз да глаз и дар его следует развивать и пестовать.

Тренькнул дверной звонок, и Чарли пулей вылетел в прихожую, радуясь любому поводу отвлечься от сборов в академию. Поводом оказался стоявший на пороге его друг, Бенджамин Браун, а за ним протопал пес по кличке Спринтер-Боб. С него текло, на косматой соломенной шкуре таял мокрый снег, и пес принялся яростно отряхиваться, так что брызги полетели в подросевшую Мейзи – вторую бабушку Чарли.

– Знаешь что, Чарли, лучше вытри-ка Боба прямо тут. Сейчас принесу его полотенце. – И Мейзи удалилась в кухню. Спринтер-Боб бывал в гостях у Чарли так часто, что Мейзи завела для него персональное полотенце.

Спринтер-Боб зашлепал за Мейзи, роняя на пол капли, а Чарли тем временем помог Бенджи дотянуться до вешалки и пристроить на нее куртку.

– Снеговика завтра лепить придется? – спросил Бенджи. – Наша школа наверняка будет закрыта.

– А моя нет, – мрачно сообщил Чарли. – Извини, Бенджи.

– Ну вот! – Бенджи приуныл. У этого щупленького мальчика с соломенными волосами лицо обычно и так было не слишком жизнерадостное. – А ты не можешь притвориться больным или придумать что-нибудь еще?

– Шансы равны нулю, – вздохнул Чарли. – Ты же знаешь мою бабушку и теток.

Бенджи знал, и даже слишком хорошо. Одна из теток Чарли, Юстасия, два незабываемых дня состояла при Бенджи в нянях, и впечатление у мальчика осталось пренеприятное: его кормили всякой гадостью, загоняли спать чуть ли не засветло и не позволяли пускать Спринтер-Боба в свою комнату.

Вспомнив эти два худших дня в своей жизни, Бенджи содрогнулся.

– Ясно, – понуро сказал он. – Ладно, что поделаешь, буду лепить снеговика один.

Этажом выше распахнулась дверь, и сварливый старушечий голос осведомился:

– Это ты, Бенджамин Браун? Я слышу, здесь невыносимо пахнет псиной.

– Да, это я, миссис Бон, – отозвался Бенджи.

Бабушка Бон вышла из своей комнаты и величественно замерла над головами у мальчиков. Вся в черном, с высокой седой прической, старуха больше смахивала на злую колдунью из какой-то мрачной легенды, чем на чью бы то ни было бабушку.

– Надеюсь, твой визит не затянется дольше чем на десять минут, – с нажимом произнесла она. – К твоему сведению, Чарли завтра рано вставать в школу.

– А мама сказала, я могу лечь спать еще через час! – возмутился Чарли.

– В самом деле? Что ж, в таком случае мне нет нужды принимать участие в твоём обеспечении. Это пустая трата времени. – И старуха Бон удалилась к себе, громко хлопнув дверью.

От этого удара, больше похожего на скромное землетрясение, задрожал весь дом, а какая-то картинка в рамке, висевшая в прихожей, даже упала на пол.

Чарли никогда особенно не разглядывал выцветшие фотокарточки, украшавшие прихожую. А с тех пор как обнаружилось его несчастное дарование, мальчик вообще старался не смотреть на них лишний раз, даже мельком. Ему было решительно неинтересно, что скажет тот или иной потрескавшийся и блеклый предок.

– Ой! – испугался Бенджи. – Упала! Это мы ее грохнули?

И тут Чарли понял, что на эту фотографию в темной рамке ему посмотреть придется – деваться некуда. Взяв ее в руки и перевернув лицевой стороной, он ощутил тревожную пустоту под ложечкой.

– Что там? – спросил Бенджи.

Это была старинная фотография в сепиевых тонах, выцветшая и потускневшая. Стекло в рамке пошло трещинами, но не выпало. С фотографии на мальчиков смотрела семья из пяти человек, выстроившаяся на фоне сада. Еще за спинами у них виднелась светлая

стена коттеджа, а сбоку, за каменной стеной, просматривались кусочек моря и привязанная у берега лодка.

– Эй, тебе плохо? – затормошил друга Бенджи.

– Да, – невнятно произнес Чарли. – Сам знаешь почему. О-о-о, ну вот, начинается.

В ушах у него уже зазвучали отдаленные голоса – пока еще еле слышно. Они становились все громче.

– *Генри, не вертись, ты испортишь снимок.*

Первой заговорила мать семейства, изображенного на фотокарточке, – миловидная дама в кружевном платье с высоким воротничком. На руках дама держала малыша лет четырех, а к плечу ее льнула девочка лет шести-семи.

Рядом с дамой стоял мужчина в офицерском мундире. У него было лицо настоящего весельчака. «Совсем не похож на военного», – подумалось Чарли, которому казалось, что военный должен быть непременно суровым и серьезным. Взгляд Чарли притягивал мальчик постарше, стоявший перед офицером.

– *А если мне дышать трудно,* – проворчал мальчик.

– Чарли, посмотри, он же похож на тебя! – заметил Бенджи и ткнул пальцем в фотографию.

– Ну да, есть немного, – согласился Чарли. – И лет ему столько же, сколько и мне.

Похоже, отношения с белым накрахмаленным воротничком у мальчика по имени Генри и впрямь не складывались. Еще бы: воротничок был тугой, высокий и подпирал бедолаге подбородок. Попробуй тут подыши. Еще на мальчике были бриджи до колен, длинные черные носки и начищенные черные ботинки.

– *Ай,* – вырвалось у Генри.

Его кружевная мама только укоризненно вздохнула.

– *Неужели так трудно минутку постоять спокойно?*

– *Мне кажется, за воротничок муха залезла,* – пожаловался Генри.

Его папа расхохотался, а за ним покатались со смеху братишка и сестренка Генри.

– *Уймись же вы, наконец,* – с упреком сказала кружевная мама. – *Я уверена, что нашему почтенному фотографу решительно не смешно. Что с вами, мистер Кальдикотт?*

В ответ донеслось сдавленное:

– *Ничего особенного, мадам.*

А потом что-то со стуком упало – Чарли не понял, фотограф или камера. Люди на фотокарточке закачались и стали расплываться, так что у Чарли голова пошла кругом.

– Ты чего такой зеленый? – забеспокоился Бенджи. Он отвел спотыкающегося Чарли в кухню, где Мейзи вытирала очень довольного Спринтер-Боба его персональным полотенцем.

– Ах, боже мой! – Мейзи в мгновение ока смекнула, что происходит. – Чарли, у тебя опять было видение?

– Оно самое, – подтвердил Бенджи.

Что-то громко затрещало на горячей сковородке. Это жарились какие-то экзотические овощи, которые принесла из зеленой лавочки Эмми Бон, мама Чарли.

– Что на этот раз, сынок? – сочувственно спросила она.

Чарли предъявил фотографию с разбитым стеклом.

– Вот, рухнула со стены, когда бабушка Бон хлопнула дверью, – объяснил он.

– Удивительно, что у нас еще весь дом не рухнул от ее хлопанья. – Мейзи быстренько перехватила у внука фотографию, которую он чуть не положил на кухонный стол, и ссыпала битое стекло на газетку. – Мадам Бон хлопает дверьми, твой дядя Патон взрывает лампочки, а твоя мама что ни день приносит из своей зеленой какие-то переспелые овощи, которые и на овощи-то не похожи. Честное слово, я начинаю подумывать о доме престарелых! Там поспокойнее.

Никто не обратил внимания на эту воркотню – к ней все привыкли. Мейзи была еще слишком молода для дома престарелых, и, кроме того, вся семья не уставала твердить ей, что если дом и рухнет, так это без ее попечения.

– Так вы знаете, кто это? – Чарли показал на фотографию. Теперь семейство было видно гораздо лучше: не мешало стекло в трещинах. Мальчик даже разглядел, что на груди у кружевной дамы приколата брошка в форме звезды.

Мама заглянула через плечо Чарли.

– Наверняка Юбимы, кто же еще, – сказала она. – Родственники бабушки Бон. Спроси лучше у нее.

– Нетушки, – наотрез отказался Чарли. – Спрошу перед сном у дяди Патона. Пошли, Бенджи.

И, прихватив фотографию и Спринтер-Боба, они перебрались в комнату к Чарли. За компьютерными играми отпущенный Чарли час пролетел незаметно. Собственно, Чарли спохватился, только когда бабушка Бон забарабанила в дверь и приказала:

– А ну живо гони собаку с постели, ей там не место!

«И как это она узнала? – подивился Чарли. – Сквозь дверь увидела, что ли? Ну да, сверхъестественные способности-то почти у всех Юбимов есть».

Мальчики неохотно оторвались от компьютера, и Чарли проводил Бенджи и Спринтер-Боба до дверей.

Когда они ушли, мальчик некоторое время постоял посреди прихожей, изучая выцветший прямоугольник обоев на том месте, где еще недавно висела фотография семейства на фоне сада. Почему же она упала? Неужели и вправду оттого, что бабушка хлопнула дверь? Чарли подозревал, что в этом доме ничего просто так не происходит, и, в частности, если уж какая-то фотокарточка грохнулась со стены, причины тому должны быть куда более таинственными, чем дурное настроение бабушки Бон.

– Может, дядя Патон знает, – задумчиво пробормотал Чарли себе под нос и поспешил наверх.

Дядя Патон, брат бабушки Бон, был младше ее лет на двадцать и совсем не походил на сестру. У него было отменное чувство юмора. Еще он умел взрывать лампочки силой воли, но чаще это получалось помимо его желания, поэтому дядя Патон большую часть дня проводил у себя в комнате, а на улицу выходил только по ночам. Ведь днем в витринах полно лампочек, а ночью, конечно, горят уличные фонари, но зато на улицах безлюдно.

Чарли забрал из своей комнаты фотографию и поскребся к дяде, не обращая внимания на строгую табличку «Не беспокоить», неизменно украшавшую дядину дверь.

Он постучал раз, другой – молчание. В ответ на третий из-за двери донеслось раздраженное:

– В чем дело?

– У меня тут фотография, дядя Патон...

– Опять голоса слышал?

– Угу.

– Так уж и быть, заходи, – утомленно позволил дядя.

Дядя Патон представлял собой долговязого мужчину с всклокоченными черными волосами. Когда он повернулся к Чарли из-за письменного стола, то сбил локтем одну из многочисленных книжных стопок.

– Тьфу ты, леший! – сердито сказал дядя. – И прочие столь же приятные персонажи!

Дядя Патон работал над историей рода Юбимов, так что ему требовалось штудировать без преувеличения горы книг.

– Ну-с, так где же пресловутое фото? Показывай! – Дядя нетерпеливо щелкнул пальцами.

Чарли послушно выложил перед ним на стол фотокарточку.

– Кто это? – спросил он.

Дядя быстро взглянул на карточку.

– Вот это – мой отец, Джеймс. – Он указал на маленького мальчика, сидящего на руках у кружевной дамы. – А вот это, – запачканный чернилами длинный палец уперся в девочку, – малышка Дафна. Умерла от дифтерии. Офицер – мой дедушка, полковник Мэнли Юбим. Весельчак был. Он тогда приехал на побывку из армии. Это было во время войны. А вот моя бабушка, Грейс. Она была художницей, и превосходной.

– А второй мальчик?

– Ой, Чарли, да вы же с ним почти на одно лицо! Я раньше этого не замечал.

– У него прическа другая, – уточнил Чарли. – Но тогда, наверно, голову этим... бриолином мазали, чтоб волосы гладко лежали. – Непослушной, вечно всклокоченной шевелюре самого Чарли не помог бы никакой бриолин.

– Да, так это же бедный Генри, – печально произнес дядя. – Он пропал.

– Как пропал? – ошарашенно спросил Чарли.

– Генри и Джеймса отправили погостить в академию Блура, потому что Дафна заболела дифтерией и умирала. Зима выдалась прехолодная. Отец долго ее вспоминал. Однажды вечером Генри играл в шарики и исчез. – Дядя задумчиво потер подбородок. – Бедный мой

отец. Он вдруг остался единственным ребенком. Худо ему пришлось – он в Генри души не чаял.

– Исчез, – повторил Чарли.

– Отец подозревал, что к исчезновению Генри как-то причастен его кузен, Иезекииль. Он Генри терпеть не мог. Завидовал ему. Сам он был колдуном, но Генри природа наградила мозгами.

– Тот самый Иезекииль, который...

– Он самый. Дедуля доктора Блура. Все еще гнездится где-то в блуровских апартаментах, разводит там свои скверные чары.

– Ух ты! Так ему же тогда, получается, лет сто, не меньше!

– Около того. – Дядя подался к Чарли. – Скажи-ка мне, друг мой, а голоса, которые ты слышишь, никогда не говорили о чем-то не связанным с тем моментом, когда снималась фотография?

– Э-э-э... пока нет. То есть мне просто не хочется смотреть на фотографии подолгу.

– Хм. Очень жаль, – покачал головой дядя. – Могло бы выясниться что-нибудь любопытное. Что ж, забирай. – Он отдал Чарли фотокарточку.

– Спасибо, но пусть лучше у вас останется, – вежливо предложил Чарли.

Дядя выглядел и впрямь разочарованным тем, что Чарли ничего толком не услышал.

– Да, прискорбно, в высшей степени прискорбно. Папа был бы просто счастлив узнать хоть что-нибудь еще.

– Так он жив? – поразился Чарли. Дедушку Джеймса он никогда не видел и только сейчас понял, что даже никогда о нем не слышал.

– Ему под девяносто, но он еще вполне крепок. Он так и живет в этом самом домике у моря, – кивнул дядя на фотокарточку. – Я навещаю его каждый месяц. Если выезжаю в полночь, как раз добираюсь до побережья к рассвету.

– Так это что же получается, – протянул Чарли, – бабушка Бон и тетки, они его дочери?

Дядя Патон напустил на лицо многозначительное выражение, которое, как уже знал Чарли, предвещало историю об очередной семейной тайне.

– Видишь ли, друг мой, давным-давно в нашем семействе имела место ссора. Да. Грандиозный скандал. В чем заключалась причина,

право же, не припоминаю, но с тех пор эти четыре дамы делают вид, будто отца не существует.

— Ужас какой! — вырвалось у Чарли. Но сообщение это его не удивило. Если уж бабушка Бон никогда не упоминает своего единственного сына, Лайелла, отца Чарли...

Когда тот пропал, она просто стала жить так, будто его и на свете не было.

Пожелав дяде спокойной ночи, Чарли улегся спать, но заснуть ему удалось далеко не сразу. Он гадал, каким получится первый день в академии, а потом перед глазами у него замаячило лицо Генри Юбима. Почему он исчез, этот мальчик, так похожий на Чарли? И главное, куда?

Глава 3

ДЕРЕВО, КОТОРОЕ РУХНУЛО

За ночь похолодало еще сильнее. В понедельник утром по Филберт-стрит неся ледяной ветер, хлеща колючей крупкой каждого, кто осмеливался высунуть нос на улицу. Среди осмелившихся волей-неволей оказались и Чарли Бон с мамой.

– И мне в такую жуткую погоду приходится тащиться в школу! – трагически бормотал мальчик, жмурясь от ветра. – Ужас!

– Ничего не попишешь, сынок, не тебе одному. Вон уже и автобус! – Мама послала Чарли воздушный поцелуй и свернула за угол, к зеленой лавочке. – Удачи!

Чарли, пригибаясь от ветра, добежал до начала улицы, где и впрямь уже поджидал синий автобус, который отвозил в академию Блур учеников музыкального отделения.

Чарли записали на музыкальное только потому, что там когда-то учился его отец. А вот приятель Чарли, Фиделио Дореми, который занял ему место в автобусе и теперь приветственно махал рукой, тот, наоборот, был отменным музыкантом. При виде его неизменной жизнерадостной улыбки и взъерошенных кудрей Чарли стало как-то полегче на душе.

– Похоже, эта четверть будет просто скукотищей, – вздохнул Фиделио, – особенно по сравнению с теми приключениями.

– Честно говоря, ничего не имею против скукотищи – для разнообразия, – высказался Чарли. – Лично я в эти развалины больше не лезу.

Автобус выехал на мощеную площадь, посреди которой выгибали шеи каменные лебеди фонтана. С лебединых клювов свисали сосульки, крылья сверкали инеем.

– Ты только погляди, – кивнул на замерзший фонтан Чарли.

– В спальне, наверно, вообще морозилка, – ежась, предположил Фиделио. – Вот и будем как они, с сосульками на носу.

Чарли тут же пожалел, что не захватил грелку.

Тем временем на площадь выкатил еще один автобус, фиолетовый. Из него, болтая и смеясь, высыпали дети в фиолетовых

плащах.

– Вон она! – показал Фиделио на девочку с ошеломительно-синими волосами, со всех ног бежавшую прямо к ним.

– Привет, Оливия! – крикнул Чарли. Оливия Карусел хлопнула его по плечу:

– Салюттик, Чарли! Приятно видеть тебя целым и невредимым. Приветик, Фидо!

– *Быть* целым и невредимым еще приятнее, – заметил Фиделио. – Что еще за Фидо?

– А, я решила поменять тебе имя. Фиделио – слишком длинно, а Фидо звучит круто. Тебе что, не нравится?

– Какая-то собачья кличка, – недовольно ответил Фиделио. – Ладно, я подумаю.

На площади появился третий автобус, зеленый, и в толпе детей зазеленели плащи художников. Художники вели себя гораздо тише, чем музыканты, и уж точно скромнее, чем актеры, однако из-под зеленых плащей мелькал то разноцветный вышитый шарф, то свитер с золотой ниткой. И почему-то казалось, что эти тихие и скромные художники способны заварить кашу посерьезнее, чем шумные актеры и музыканты.

Над пестрой толпой нависала темная, мрачная громада академии Блура. По обе стороны величественных створчатых дверей высились островерхие башни, и, поднимаясь вместе с друзьями по широким ступеням, Чарли ощутил, как взгляд его невольно притягивает окно на вершине одной из башен. Недавно мама сказала ему, что ей показалось, будто за ними оттуда кто-то наблюдает, и вот теперь у Чарли возникло точно такое же чувство. Он поежился и поспешил за друзьями.

Массивные бронзовые двери уже стояли нараспашку, готовые поглотить детей. Как всегда, на входе у Чарли неприятно засосало в животе. В академии у мальчика водились враги, которые упорно старались от него избавиться. Но почему – он пока не выяснил.

В холле разноцветная толпа разделилась на три части: художники двинулись к двери, над которой висела эмблема в виде палитры и кисти, Оливия, вместе со всеми актерами, поспешила к той, над которой плакали и смеялись две театральные маски, а Чарли с Фиделио направились к двери музыкального отделения, украшенной

двумя скрещенными трубами. Сначала они оставили сумки в раздевалке, а потом пошли в актовый зал.

Чарли числился среди младших, и потому ему пришлось встать в шеренгу рядом с самым маленьким из учеников, беловолосым очкастым альбиносом Билли Грифом. Чарли поинтересовался у того, как прошло Рождество, но Билли даже не ответил. Билли был сиротой. «Неужели он и каникулы проторчал в академии?» – подумал Чарли. С его точки зрения, это было хуже смерти. Однако мальчик заметил, что на ногах у Билли новенькие ботинки, отороченные мехом. Не иначе, чей-то подарок.

Не успели музыканты пропеть и первый куплет школьного гимна, как со сцены актового зала грянуло громовое:

– Стоп!

Оркестр замолк. Пение стихло.

На пол со стуком упала дирижерская палочка.

Доктор Солтуэзер, возглавлявший музыкальное отделение, нервно ероша свою седую гриву, забегал по сцене. Преподаватели музыки, выстроившиеся перед ним, все как один втянули голову в плечи. На них доктор мог нашуметь с тем же успехом, что и на учеников.

– И это вы называете пением? – прорычал доктор Солтуэзер. – Это же натуральный вой! Волчий вой на луну! Стыд и позор! Вы же музыканты! Так пойте в такт! Слаженно! С огоньком! Ну, еще раз с самого начала! Три-четыре! – Подобрав палочку, он дал знак маленькому оркестру, жавшемуся сбоку от сцены.

Чарли прокашлялся. Он и в нормальных условиях был отнюдь не блестящим певцом, а сегодня в актовом зале стояла такая стужа, что у мальчика лязгали зубы. Остальные музыканты чувствовали себя ничуть не лучше, и даже вокалисты кутались в плащи до самых ушей и заметно дрожали.

Хор начал гимн с первого куплета, и на этот раз дело пошло на лад, так что даже доктору Солтуэзеру было не к чему придраться. Старые стены зала, обшитые дубовыми панелями, вибрировали от согласного пения. Ученики старались вовсю, учителя не отставали. Весельчак мистер О'Коннор размахивал руками, мисс Кристалл с миссис Вальс прилежно кивали в такт, точно маленькие девочки, а старый мистер Хек собрал лоб в складки от напряжения. И только

мистер Пилигрим, преподаватель фортепиано, к которому никто не записывался на занятия, даже рта не раскрыл.

Тут только до Чарли дошло, что мистер Пилигрим единственный из всех сидит. Просто сидел он рядом с крошечной миссис Вальс, а сам отличался высоченным ростом, поэтому было незаметно. Что это с ним? Мистер Пилигрим был чудаковат: избегал смотреть в глаза собеседнику, да и вообще мало с кем разговаривал и, в отличие от прочих учителей, никогда не дежурил по академии. Кажется, он просто не замечал ничего и никого вокруг, и бледное его лицо неизменно было лишено всякого выражения, словно он спал с открытыми глазами.

До сего момента.

Мистер Пилигрим впился взглядом в Чарли, и мальчику показалось, будто – странное дело! – учитель его откуда-то знает, но не по школе. Можно было подумать, что этот долговязый безгласный человек мучительно старается вспомнить, где же он видел Чарли. И вот-вот вспомнит.

Крак!

За окном что-то треснуло – так громко, что этот оглушительный звук пробился сквозь громогласное пение хора. Даже доктор Солтуэзер замер с воздетой палочкой и тревожно завертел головой.

Крак!

Что-то вновь треснуло где-то за окном, а потом – бух! – очень громко упало во дворе и даже как будто застонало. Земля дрогнула.

– Силы небесные! – воскликнул доктор Солтуэзер. – Старый кедр рухнул! Снег его доконал!

Все кинулись к окну. Огромное старое дерево вытянулось поперек сада. Ветки его были переломаны, корявые корни, вырванные из земли, торчали в воздухе. Сучья и ветви еще покачивались от падения, и с них на землю тяжелыми пластами осыпался снег. В воздухе завихрились снежинки.

Старому дереву настал конец. А сколько поколений детишек резвились, бывало, под его раскидистой сенью! Сколько игр было сыграно здесь, в его тени, сколько секретов нашептано! И вот нет больше старого кедра, а на том месте, где он возвышался, зияет снежная пустота, и виднеются вдали руины, которые больше не заслоняет почтенное дерево. Странно: иней подернул все стены, кроме стен руин, точнее, того, что от них осталось, и они зловещим кровавым

пятном выделялись на белом полотне зимнего сада. Чарли как раз смотрел на развалины и дивился, почему на них не осел снег, и тут ему померещилось – да, точно, вон там, – может статься, то была игра света, но под аркой, ведущей в развалины, возникло другое дерево, поменьше старого кедра. Все деревья в заснеженном саду давным-давно уже облетели, а у этого листва так и отливала алым и золотым.

– Ты его видел? – шепотом спросил Чарли у Фиделио.

– Кого?

– Да вон же, дерево! Оно движется! Появилось под аркой, а теперь к стене перебралось. Неужели не видишь?

Фиделио, прищурившись, посмотрел туда, куда возбужденно показывал Чарли, потом отрицательно помотал головой.

Чарли замигал, надеясь, что от этого дерево исчезнет, как соринка из глаза. Но дерево и не думало исчезать. Похоже, никто, кроме Чарли, его не замечал. У мальчика знакомо засосало под ложечкой. Он всегда испытывал это ощущение, когда ему слышались голоса, но на этот раз никаких голосов не было.

Бум!

На сцене что-то упало, и Чарли резко обернулся.

Это внезапно поднялся мистер Пилигрим, опрокинув стул. Преподаватель фортепиано уставился поверх детских голов за окно, в заснеженный сад. Возможно, он, как и все, разглядывал рухнувший кедр, но Чарли почему-то был уверен, что мистер Пилигрим смотрит дальше, на красноватые стены руин. Неужто и он заметил то странное деревце с ало-золотой кроной?

Доктор Солтуэзер вернулся на сцену и скомандовал:

– Приступаем к следующему гимну, ребята. Не то такими темпами вы никогда до уроков не дойдете.

После собрания Чарли отправился на урок духовых к мистеру Хеку, пожилому флейтисту, вспыльчивому как порох. «Тебя, Бон, учить все равно что воду в решете носить!» – твердил мистер Хек. Чарли играл, а он то и дело вздыхал, заводил глаза к потолку, протирал очки, морщился, кривился, а один раз чуть не стукнул по флейте, на которой играл Чарли, и, не шарахнись мальчик в сторону, он бы недосчитался зуба. «Может, хоть тогда меня освободили бы от этого жуткого предмета!» – подумал Чарли.

– Ладно, Бон, на сегодня хватит, можешь идти, – пробурчал мистер Хек после сорока минут обоюдной пытки.

Чарли как ветром сдуло. Он добежал до раздевалки, быстро переобулся в резиновые сапоги и выскочил в заснеженный сад. В холодную погоду форменные плащи разрешалось носить и на улице, хотя обычно школьные правила предписывали оставлять их в раздевалке.

Фиделио подзадержался на занятиях скрипкой, поэтому, когда он наконец появился и приятели отправились на прогулку, снег в саду был уже изрядно утоптан десятками других школьников. И не только утоптан: там и сям торчали снеговики, в воздухе мелькали снежки, а мистер Уидон, садовник, тщетно гонял любопытствующих прочь от поваленного дерева.

– Я хочу кое-что посмотреть около руин, – сообщил Чарли.

– А не ты ли нынче утром клялся, что больше туда ни ногой? – поддел его Фиделио.

– Ну... да, но я там кое-что увидел, я же тебе говорил. И пока там не натоптали, хочу пойти и проверить.

– Как скажешь. – Фиделио невозмутимо пожал плечами.

Мальчики миновали поваленный кедр, и тут их окликнул Билли Гриф:

– Вы куда это?

– Не твоего ума дело, – вдруг вырвалось у Чарли.

Маленький альбинос бросил им вслед сердитый взгляд, блеснув красными глазами за толстыми линзами очков, и отступил в тень дерева.

– Ты чего это? – спросил на бегу Фиделио.

– Само выскочило, – признался Чарли. – Билли стал какой-то странный. Я ему больше не доверяю.

Они дотрусили до арки, которая вела внутрь развалин. Здесь снег лежал нетронутой целиной – ни единого следа. В развалины никто не входил и не выходил.

– Вот здесь я его и видел. – Чарли нахмурился.

– Пойдем внутрь, – предложил Фиделио. Но Чарли колебался.

– Сейчас день, светло, там не так страшно. – Фиделио осторожно заглянул во внутренний дворик, потом шагнул вперед, и Чарли

последовал за приятелем. Они пересекли дворик и двинулись по одному из пяти коридоров, углубляясь в лабиринт руин.

Некоторое время мальчики пробирались по темному коридору, потом очутились в другом дворике. И вот тут-то они увидели кровь! По крайней мере, эти темно-красные пятнышки, ярко выделявшиеся на снегу, были очень похожи на кровь. Они алели рядом с кучкой знакомой Чарли осенней листвы.

– Оборотень! – воскликнул Чарли. – Уматываем!

Они перевели дух, только очутившись в безопасности – за пределами руин.

– Может, это и не оборотень был? – предположил Фиделио.

– Ты же видел кровь. Оборотень, точно он! – настаивал Чарли. – Он кого-то убил или поранил.

– Но там же больше не было никаких следов, – возразил Фиделио. – Ни следов драки, ничего.

Однако Чарли не дослушал логичные доводы друга. Он припустил прочь от руин так, будто заново переживал ту страшную ночь, когда желтоглазый ощеренный оборотень гнал его по запутанным коридорам и гулким залам развалин. Только у рухнувшего кедра Чарли притормозил и подождал Фиделио.

– А ну, брысь отсюда! – гаркнули у мальчика за спиной.

Нервы у Чарли и так были на пределе. С перепугу он подскочил чуть ли не на метр. Из путаницы переломанных ветвей показалась обветренная физиономия садовника. На голове у мистера Уидона поблескивала черная каска, а в руке была пила.

– Нельзя тут играть, опасно! – сердито сказал он. – Говоришь вам, малявкам, говоришь, а толку чуть!

– Я не играл, – пробормотал Чарли. Рядом возник Фиделио, и Чарли стало не так страшно.

– Ну да, как же! Вся мелюзга играет, только не Чарли Бон! Он у нас такой серьезный, прям мыслитель! – съязвил садовник.

– Да что вы обо мне знаете? – вскипел Чарли. – Почему вы так?

Не дослушав, садовник включил пилу, которая с жужжанием и рычанием стала вгрызаться в очередной толстый сук. При этом он надвигался на Чарли. Ветки, веточки, щепочки и кора полетели во все стороны.

– Пошли! – Фиделио потянул Чарли за руку. – Пойдем отсюда скорее!

– Что-то мне не нравится этот садовник, – подозрительно пробурчал Чарли на ходу. – Откуда он меня знает?

– Ты у нас знаменитость, – пропыхтел Фиделио и замедлил шаг. Они отбежали от мистера Уидона на безопасное расстояние. – Шутка ли – заблудиться в развалинах! Теперь тебя все знают.

А жаль, подумалось Чарли.

Над садом разнесся звук охотничьего рожка – сигнал, что прогулка окончена.

К вечеру подморозило. После ужина двенадцать особо одаренных, как всегда, отправились учить уроки в Королевскую комнату, и вот тут-то Танкред Торссон поссорился с африканцем Лизандром.

Лизандр по понятным причинам мерз еще сильнее, чем остальные, но, будучи парнем благодушным, жаловался на холод скорее шутливо, чем уныло. Танкреда же он вывел из себя, поинтересовавшись:

– Тан, признавайся, эта жуткая погодка – твоих рук дело?

– И ты туда же! – Танкред вскочил и гневно топнул ногой. – Не могу я оттепель устроить, понял? Я занимаюсь бурями! И по пустякам свой дар не транжирю! Уж ты-то должен бы это понимать!

Лизандр не успел ответить, потому что в разговор встрял Манфред Блур:

– Да будет тебе, Танкред! Удели чуточку своего бесценного дара для нашего черныша, а то он у нас околеет от холода.

– И не подумаю! – зарычал Танкред. В его вздыбленной шевелюре что-то затрещало.

– Да он пошутил, Тан, успокойся, – с улыбкой успокоил его Лизандр.

Невольным свидетелям этой сцены сделалось не по себе, и особенно неуютно почувствовал себя Чарли. Именно Лизандр и Танкред спасли его в ту страшную ночь в развалинах. Вдвоем они представляли могучую оппозицию злым силам, таившимся в академии Блур. Поэтому смотреть, как они ссорятся, было поистине невыносимо.

– Ты, никак, на его сторону подался? – ощерился на друга Танкред.

– Ха! На моей стороне вообще все, – вставил Манфред.

Лизандр молча замотал головой, но тут Зелде Добински, довольно неприятной девчонке, пришло в голову похвалиться своими телекинетическими способностями. Она уставилась на толстенный справочник, стоявший на полке за спиной у Танкреда, и, едва тот развернулся и ринулся к двери, книга спорхнула с полки и наподдала ему в спину.

Танкред зарычал, как тигр.

Шестеро из одаренных покатались со смеху, а пятеро оцепенели от ужаса. Но сочувствия на их лицах Танкред заметить не мог, а вот издевательский хохот слышал прекрасно. Он распахнул дверь с такой силой, что она с грохотом врезалась в стену, и выбежал вон. По Королевской комнате пронесся штормовой ветер.

– погоди! – Чарли, не удержавшись, кинулся за обиженным Танкредом.

– И куда это ты направляешься, Бон? – остановил его вопрос Манфреда.

– Я... я пенал в раздевалке забыл, – соврал Чарли.

– Забывчивый ты наш! – трескуче хихикнул тощий рыжий Аза Пик, поднимая голову от учебника.

– Кое-что я очень хорошо помню, – огрызнулся Чарли, который боялся Азы, приспешника Манфреда, – скверного актера, но отменного оборотня, перекидывавшегося по ночам в страшного хищника.

– Дверь за собой закрой, – велел Аза, когда Чарли двинулся из комнаты.

Чарли повиновался.

В коридоре было пусто. Может, поискать Танкреда в холле?

Когда Чарли очутился на широкой лестнице, которая вела в холл, откуда-то налетел порыв поистине полярного ветра, да такой сильный, что едва не сшиб Чарли с ног. Мальчик ухватился за перила и спустился в выложенный каменными плитами холл. «Кажется, у меня опять неладно с глазами, – подумал Чарли. – Снова мерещится!» Посреди холла крутился сверкающий вихрь не то снежинок, не то искр. Что это еще такое?

Но искры-снежинки постепенно превратились в бледные пятнышки, а из пятнышек постепенно складывалась какая-то смутная

фигура, в чем-то синем и черном. Мгновение-другое – и перед Чарли возник силуэт в синем плаще с капюшоном.

Привидение! Точно!

Но фигура в синем плаще повернулась к Чарли, и мальчик в ужасе обнаружил, что смотрит... на самого себя!

Глава 4

ПРЯЧЕМ ГЕНРИ

Новоявленный Чарли подал голос первым.

– Забавно, – сказал он. – Недалеко же меня унесло. Голос у него оказался самый обычный, и Чарли номер один выдохнул с облегчением. Не привидение, ура! Но тогда кто же? Он кашлянул для решимости и спросил:

– А ты, собственно, откуда прибыл?

– Отсюда, – отозвался незнакомец. – Я только что был тут, в этом же холле, но, – он заслонил глаза ладонью и поднял взгляд на электрические лампочки, освещавшие холл, – но здесь было темнее. Почему это они так ярко горят?

– Электричество, – коротко пояснил Чарли. Кажется, он узнает этого мальчика. – Так ты... ты был, – начал он. – Знаешь, я видел тебя на одном фото. Ты ведь Генри Юбим?

– Я самый, – просиял пришелец. – Знаешь, а ведь и я тебя где-то уже видел. Только вот вспомнить бы где. Ты кто?

– Я... ну, вроде как твой кузен. Чарли Бон.

– Да ты что! Вот это так новости. Кузен! Отлично, просто отлично. – Генри шагнул вперед и пожал Чарли руку. – Приятно познакомиться, Чарли.

– На самом деле не так уж все и отлично, – произнес Чарли. – Какое было число, когда... Какое сегодня, по-твоему, число?

– Двенадцатое января тысяча девятьсот шестнадцатого года, – без промедления отозвался Генри. – Я всегда знаю, какое нынче число.

– Извини, но сегодня ты ошибся.

– Да? – Улыбка исчезла с лица Генри. – А что?

– Тебя перенесло почти на девяносто лет вперед, – сообщил ему Чарли.

Генри разинул рот, но не смог произнести ни слова. Диньк! Что-то выпало из его пальцев и звякнуло об пол.

По каменным плитам холла покатился крупный синий стеклянный шарик.

– Ух ты! – вырвалось у Чарли.

Но поднять шарик он не успел – Генри поспешно крикнул:

– Осторожно, Чарли! Не смотри на него!

– Это почему?

– Потому что это он меня сюда перенес. Чарли попятился от соблазнительно сверкающего шарика.

– То есть ты хочешь сказать, шарик перенес тебя в будущее?!

Генри кивнул.

– Это Времяворот, – объяснил он. – Мама мне про него рассказывала, но видеть я его раньше не видел – до сегодняшнего дня. Эх, должен же я был сообразить, что это за штука! Я ведь знал, что Зики придумает какой-нибудь способ мне отомстить.

– Зики?

– Мой кузен, Иезекииль Блур. – И Генри вдруг ухмыльнулся. – Ха, он, наверно, уже давно помер! – Лицо мальчика стало печальным. – Наверно, все уже умерли, и мама, и папа, и сестренка, и даже мой младший братишка Джеймс. Все умерли, только я остался.

– У тебя есть я, – напомнил ему Чарли, – и, по-моему, твой брат.

Его прервал громкий и противный собачий вой, донесшийся с верхней площадки лестницы. Это выла уродливая псина, коротконогая и приземистая, выла, задирая морду вверх и тряся брылами.

– Фу, ну и уродина! – прошептал Генри.

– Это кухаркина собака, Душка. Душка замолк, и Чарли, не дожидаясь следующей арии, схватил Генри за рукав.

– Тебе надо спрятаться. Тут могут найтись люди, которые тебе навредят, если ты им попадешься и если они узнают, кто ты.

– Но почему? – Глаза у Генри стали круглые.

– Предчувствие у меня такое. Пошли! – Чарли потащил Генри к двери в западное крыло. Тот на ходу подобрал Времяворот и сунул в карман.

– Куда мы идем? – резонно спросил гость из прошлого.

Чарли и сам еще не знал, зачем ведет Генри в западное крыло, но тем не менее повернул тяжелую дверную ручку и втолкнул нового знакомого в темный коридор.

– Знаю я это местечко, – прошептал Генри. – И всегда его терпеть не мог.

– Да и я тоже, – отозвался Чарли. – Но нам придется пройти этим путем, чтобы найти тебе какое-нибудь убежище.

Душка опять издал похоронный вой, и Чарли поспешно прикрыл дверь.

По длинному темному коридору мальчики добрались до пустой круглой комнаты. С потолка свисала тусклая лампочка, освещающая старинного вида дубовую дверь слева и каменную лестницу справа.

– Башня? – показал на ступеньки Генри и скривился.

Только теперь Чарли понял, почему решил, что здесь Генри будет в безопасности.

– На самом верху есть надежное убежище, – сказал он.

– Точно надежное? – усомнился Генри.

– Да уж поверь. – И Чарли подтолкнул Генри к лестнице.

Поскольку тот поднимался наверх первым, Чарли не мог не заметить, какие на его кузене забавные бриджи – из твида, до колен, и застегиваются у колена на пуговицу, и к этому всему еще длинные серые носки. А уж башмаки-то и вовсе дамские: черные, высокие, начищенные до блеска и со шнуровкой до самых лодыжек. Чарли осенило:

– Надо тебя будет во что-нибудь переодеть.

Они добрались до следующей башенной площадки. Из этой круглой комнаты дверь вела в западное крыло, но Чарли поторопил Генри: надо было лезть выше.

– На этом этаже живут Блуры, – объяснил он.

– Надо же, – заметил Генри, – кое-что совсем не изменилось.

И мальчики полезли по крутым истертым ступенькам дальше, но, задолго до того как они очутились на следующем этаже, сверху полились звуки фортепиано, и по лестнице запрыгало эхо.

– Там кто-то есть! – Генри остановился как вкопанный.

– Преподаватель фортепиано мистер Пилигрим, – успокоил его Чарли. – Сюда никто не заходит, а сам он вообще ничего и никого не замечает. Обещаю, он тебя не обидит.

Преодолев еще два лестничных пролета, они вступили в комнатку на самой верхушке башни, усеянную нотными листами, как белой опавшей листвой. Книжные полки от пола до потолка заполняли переплетенные в кожу альбомы – тоже ноты.

– Ты здесь не замерзнешь. – Чарли освободил от нот одну полку. – Смотри, на пол постелем несколько слоев нот, и будет вроде как постель. Спрячешься вот тут, за шкаф, и переждешь до утра.

– А потом что?

– Потом? – Чарли озадаченно поскреб в затылке. – А потом я как-нибудь исхитрюсь и принесу тебе завтрак. И раздобуду новую одежду.

– Чем тебе эта нехороша? – насторожился Генри.

– Просто она несовременная. Ты очень выделяешься.

Генри внимательно осмотрел длинные серые брюки Чарли и его ботинки на толстой подошве.

– Вижу. Все понятно, – согласился он.

– Ну, мне пора, я побежал, а то влетит от старосты, Манфреда Блура, – заторопился Чарли. – А я совсем не хочу с ним цапаться. Он гипнотизер.

– А-а, один из этих! – Генри уже случалось слышать, что в роду у них есть гипнотизеры. – А ты тоже из них? Из особо одаренных?

– Да, так уж вышло, – вздохнул Чарли. – Поэтому я тебя и узнал.

– А с ним мне как быть? – Генри кивнул на дверь, из-за которой звучала музыка.

– Мистер Пилигрим тебя просто не заметит, не волнуйся. Ну, пока! – Чарли помахал на прощание и заспешил вниз по лестнице. На душе у него было скверно, почему-то он чувствовал себя виноватым.

А в это время в Королевской комнате на опустевший стул Чарли озабоченно косился мальчик с длинным печальным лицом. Звали его Габриэль Муар, и он переживал за Чарли. Надо было нагнать Танкреда, а Чарли, наоборот, не пускать. Ведь Чарли из младших и к тому же вечно влипает в какие-то неприятности. Они его просто преследуют.

И вдруг академия огласилась заунывным собачьим воем. Сначала дети пытались не обращать на этот звук внимания, но наконец Манфред не выдержал, отшвырнул ручку и сердито воскликнул:

– Паршивый пес! Билли, сбегай заткни его!

– Давай я схожу, – предложил Габриэль.

– Я сказал – Билли. – Манфред одарил Габриэля своим злобным сверлящим взглядом, затем перевел его на маленького альбиноса. – Шевелись. Ты же умеешь разговаривать с этой каракатицей, так вот сходи и спроси, чего она развылась.

– Хорошо, Манфред. – Билли послушно засеменил к двери.

Он бежал по длинному темному коридору и для храбрости тихонько бормотал себе под нос. Когда все остальные сидели за

уроками, Билли терпеть не мог ходить один по коридорам – боялся наткнуться на привидение. Он точно знал, что привидения тут водятся, таятся по темным углам. Билли никогда не уезжал из академии домой, потому что дома у него не было. Иногда его отпускали пожить к тете, но лишь изредка.

Вот и широкая площадка, и лестница в холл. Вот и Душка – сидит посреди площадки, задрав морду, и воет.

Билли присел на корточки подле собаки и похлопал ее по жирной спине.

– Душка, что стряслось? – спросил он, но не на человеческом, а на собачьем языке – лаем и рычанием.

Вой смолк. Потом Душка ответил:

– Появился мальчик. Что-то плохое. Что-то не так.

– Какой мальчик? Что в нем плохого? – уточнил Билли.

Душка тяжело задумался над ответом. Наконец все-таки отозвался:

– Мальчик из ниоткуда. С шариком. Маленьким. Блестит. Душке шарик не по нраву. От него чары. Скверные.

Билли озадаченно протер очки.

– Мальчик – это Танкред? С соломенной шевелюрой?

– Нет. Другой мальчик. Как вон тот. – Душка посмотрел вниз, в холл.

Билли проследил его взгляд и, к своему изумлению, увидел Чарли Бона, тихонько прикрывавшего за собой дверь в западное крыло.

– Ты где был? – окликнул его Билли. Чарли вздрогнул и глянул вверх.

– Нигде, – резко ответил он. – Танкреда искал.

– А Душка говорит, тут был другой мальчик, но похожий на тебя.

– У Душки твоего воображение разыграло, – гулко отрезал Чарли.

Шаги Чарли эхом отзывались в огромном пустом холле.

– Душка еще говорит, что у мальчика был шарик, маленький, блестящий, и Душке он не понравился.

– Может, ему все это приснилось? – Чарли уже поднимался по лестнице. – Показалось?

Билли потрепал старого пса по загривку.

– Душка не врет, собаки врать не умеют, – насупился он.

– Но сны-то им снятся? Идем, Билли, нам надо обратно в Королевскую комнату, приниматься за уроки, а то нас накажут.

– Душка, иди к кухарке, – попросил собаку Билли. – Давай-давай. И не вой больше, ладно?

Душка обиженно рыкнул и зашлепал вниз по лестнице, а мальчики помчались в Королевскую комнату.

Доделав уроки, Чарли подумал, что, пожалуй, стоило бы проведать Генри. А то как-то нехорошо получается: бедняга попал на сто лет вперед, прячется в башне, один-одинешенек. Ну, конечно, не то чтобы совсем один, но мистер Пилигрим не в счет. Чарли страшно захотелось с кем-нибудь поделиться своей тайной. Но с кем? Конечно, с Фиделио!

Фиделио он обнаружил в спальне – тот аккуратно перекладывал вещи из сумки в тумбочку. Однако кроме него крутились здесь еще двое мальчишек с театрального, а чужие уши были совсем ни к чему.

– Слушай, есть разговор, – обратился Чарли к приятелю, – только лучше не здесь.

– Давай в мастерскую пойдем, к художникам, – одними губами предложил Фиделио.

На выходе из спальни они наткнулись на Билли Грифа и быстренько припустили от него по коридору.

– Что-то я опасаюсь Билли последнее время, – признался Фиделио. – Раньше-то я его жалел, сирота все-таки, а теперь... Не нравится мне, как он за нами следит!

– По-моему, кто-то его закабалил, – поделился Чарли. – Правда, я не знаю кто, но шпионит он явно не по своей воле. Кто-то его наладил за нами следить, вот что!

В мастерской было безлюдно, но свет еще горел.

– Ушли, а свет не погасили, – отметил Чарли.

– Значит, мистер Краплак может вот-вот вернуться. Давай-ка лучше спрячемся, хотя бы вон там.

Протиснувшись за мольберты, они укрылись за огромным полотном, изображавшим пейзаж с деревьями, и уселись прямо на пол. Чарли вполголоса начал торопливо излагать всю историю с Генри, но стоило ему дойти до голоса с фотографии, как Фиделио перебил:

– Стоп-стоп! Это что же получается – ты умеешь слышать голоса на фотографиях?

Чарли кивнул. Раньше он не открывал приятелю, в чем состоит его, Чарли, особая одаренность.

– Понимаешь, не хочется, чтобы об этом знало слишком много народу, – промямлил он.

– Я тебя понимаю, я бы тоже не распространялся. Не волнуйся, я никому не проболтаюсь, – успокоил его Фиделио. – Так, давай дальше про Генри. Сейчас-то он где?

– Я его отвел на верхушку музыкальной башни. Ничего другого в голову не пришло.

– А как же мистер Пилигрим?

– Ты что, он Генри даже не заметит! А если и заметит, то... – Чарли помедлил. – Точно не выдаст.

– Да уж, мистер Пилигрим и землетрясения не заметит. И мухи не обидит. – Фиделио приглушенно фыркнул. – Ну и что ты намерен делать со своим заплутавшим во времени прапрадедушкой?

– Думаю как-нибудь исхитриться, незаметно вывести его отсюда в субботу и переправить к себе домой, – нерешительно сказал Чарли. – Только сначала надо раздобыть ему еды.

– Принеси ему что-нибудь на большой перемене, с ленча, это лучше всего, – предложил Фиделио. – Можешь взять мою порцию мяса и быстро смотаться в башню, а я... – Он смолк на полуслове, потому что из-за края холста высунулось хорошенькое девчоночье личико.

– А что это вы тут делаете, а? – с интересом спросила Эмма Толли.

Чарли так и подмывало посвятить ее в тайну. Ведь Эмма – друг, и потом, она тоже из особо одаренных. Но он прикусил язык.

– Так, треплемся о том о сем, – неопределенно ответил он. – В спальне-то спокойно поговорить не дадут.

– У нас тоже шумно, – пожаловалась Эмма. – Вот я и пришла рисунок закончить.

– Мы как раз собирались уходить, так что тебе не помешаем, – заверил Фиделио.

Приятель выбрались из-за холста, и тут Чарли заметил на столе большой альбом для рисования. Он невольно шагнул вперед, чтобы рассмотреть рисунки поближе

– Это мое, – смущенно сказала Эмма. – Так, ничего особенного, самые обыкновенные наброски.

Но обыкновенными эти наброски не были. Альбом был полон изображений птиц: птицы летали, плавали, вили гнезда, высиживали птенцов, чистили оперение. И как же здорово они были нарисованы! Совсем как настоящие! Чарли даже показалось, что, дотронься он до страницы, под рукой окажутся настоящие перья.

– Просто потрясающие рисунки! – восторженно прошептал он.

– Точно, блеск! – подтвердил Фиделио.

– Большущее спасибо! – Эмма застенчиво улыбнулась.

Дверь мастерской отворилась, и взрослый голос поинтересовался:

– Что у нас тут, вернисаж?

С первого взгляда на мистера Краплака можно было безошибочно определить, что он художник. Одежда преподавателя вечно была заляпана краской, в том числе и зеленый плащ (если мистер Краплак по артистической рассеянности не забывал его надеть), а иной раз брызги краски попадали даже на длинные волосы, связанные в хвост. При этом вид у мистера Краплака всегда был такой цветущий, будто он только что вернулся с этюдов на пленере: щеки пышут румянцем, глаза блестят.

– Я просто показывала свои наброски Чарли с Фиделио, – честно сказала Эмма. – Мы уже все.

– А, это на здоровье! – просиял мистер Краплак. – На музыке им такого не покажут. Что они там у себя видят, одни закорючки.

Мистер Краплак был совсем не страшный. И не вредный. Он никогда никого не оставлял после уроков, не наказывал учеников за неопрятность, опоздания и забывчивость. Единственное, что могло вывести его из себя, – это плохой рисунок. Мистер Краплак бросил на Чарли пристальный взгляд и сказал:

– Ага, юный Бон.

– Да, сэр, – выдавил Чарли. – Мы уже уходим, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Из мастерской все трое разбежались по спальням. Торопились они не зря: до отбоя оставалось пять минут. И надзирательница уже вышла на охоту, а в академии все знали, что милости от нее не дождешься. Чарли знал это лучше всех, потому что ему надзирательница, Лукреция Юбим, приходилась теткой – одной из трех.

По дороге в спальню мальчики издалека услышали, как надзирательница громогласно честит какую-то девочку за потерянную тапочку.

– Надо проскочить, пока она сюда не добралась. – Фиделио метнулся в музыкантскую спальню.

В спальне заговорщиков караулил Билли Гриф, столбиком сидевший на койке.

– Где ты ходишь? – быстро спросил он.

– Да так, пришлось одно задание переделать, – бросил Чарли, натягивая пижаму. Он как раз успел юркнуть под одеяло, когда в спальню сунулась надзирательница.

– Отбой! – протрубила она и щелкнула выключателем.

Голая лампочка, болтавшаяся на шнуре под потолком, погасла.

– Ловко ты успел, минута в минуту, – прошептал с соседней койки Габриэль Муар.

Ворочаясь с боку на бок, Чарли думал о мальчике в музыкальной башне. Каково-то ему там, замерзшему, голодному и наверняка напуганному? И что с ним делать, с этим Генри Юбимом из 1916 года?

Генри Юбиму тоже не удавалось заснуть. В башне было круглое окошко, и Генри, вскарабкавшись на стул, смотрел на ночной город. Интересно, изменился ли мир за прошедшие девяносто лет?

Оказалось, изменился, и еще как. Можно было подумать, что над горизонтом стоит зарево пожара: небо над городом полыхало оранжевым. Неужели это уличные фонари такие яркие? А улиц-то сколько стало! И во всех домах светятся окошки, и по улицам пробегают огоньки, то красные, то белые.

– Автомобили, – прошептал Генри. – Сколько их развелось! Надо же!

– Надо же! – эхом отозвался у мальчика за спиной чей-то голос.

Генри резко обернулся. Рядом маячила высокая фигура мужчины. Фортепиано, к большому облегчению Генри, отнюдь не любителя музыки, давно смолкло.

– Это вы – мистер Пилигрим? – на всякий случай спросил Генри.

Ответа не последовало. В неярком свете, лившемся из окна, Генри различил бледное лицо учителя и черные как вороново крыло волосы. Выражение этого лица было отстраненное и задумчивое.

– А меня зовут Генри Юбим. Молчание.

Честное слово, как будто разговариваешь с кем-то, кто на самом деле не здесь! Может, признаться мистеру Пилигриму во всем? Уж наверно, вреда от этого не будет.

– Мне почти сто лет, – отважился Генри. – Ну, должно быть, около того.

В отдалении часы на колокольне собора начали бить полночь. Бомм, бомм, бомм – плыло над городом. Мистер Пилигрим повернулся к Генри. Глаза его странно блеснули.

Часы пробили двенадцать. Мистер Пилигрим вдруг спросил:

– Тебе холодно?

– Не без того, – откликнулся Генри. Мистер Пилигрим снял свой синий плащ и набросил его на плечи мальчику.

– Спасибо! – поблагодарил Генри, слезая со стула.

Мистер Пилигрим неожиданно улыбнулся. Потом дотянулся до самой верхней из книжных полок и извлек из-за книг жестянку. Открыв, он протянул ее Генри.

– Овсяное печенье. Видишь ли, я тут почти что живу, а есть-то надо.

– Надо, – согласился Генри и вежливо взял одно печенье.

Мистер Пилигрим не стал предлагать взять еще – просто пристроил жестянку на стул и предложил:

– Угощайся.

Взгляд у него снова потух, и он опять смотрел точно издалека или спросонья, как-будто пытался что-то вспомнить. Потом нахмурился и тихо сказал:

– Спокойной ночи.

Генри даже не успел ответить, а мистер Пилигрим уже беззвучно спускался по лестнице. Лучше бы он остался, с ним как-то спокойнее, и дело даже не в плаще, за который Генри был ему благодарен, хотя мерз не так уж и сильно. Только теперь он заметил, что началась оттепель. Сосульки за окном таяли. И не только за окном.

Кап, кап, кап. Капель зазвучала по всему городу. Генри слушал, как стучат крупные капли, и расстраивался все сильнее. Мальчик как раз пришел к выводу, что его путешествие во времени неким таинственным образом связано с морозом. Ведь он попал в академию Блур, но в будущее, именно в тот день, когда стояла такая же морозная

погода, что и в январе 1916 года, рассуждал Генри. Значит, дальнейшее путешествие зависит от перемены погоды.

– Я не смогу вернуться домой! – отчаянно прошептал он. – И никогда ни увижу маму, папу, Джеймса и Дафну! – К горлу у Генри подступили рыдания. – Но я должен! Должен вернуться во что бы то ни стало!

Глава 5

МНОГО ШУМУ ИЗ-ЗА ОЛИВИИ

Билли Гриф в эту ночь тоже не спал. Две недели каникул он ночевал в полном одиночестве в пустой спальне, так что теперь приходилось заново привыкать к скрипу пружин, сопению и бормотанию. Сон у Билли всегда был чуткий, поэтому каждый раз обратное привыкание давалось ему с трудом.

К тому же нынче ночью маленький альбинос был очень взбудоражен. Он выяснил кое-что интересное для старика Иезекииля Блура. Кое-что такое, за что старик его наверняка наградит! Дождавшись, пока все мальчишки уснут, Билли сунул ноги в тапочки, накинул халат и крадучись вышел из спальни. Он был такой маленький и легкий, что пол под ним почти не скрипел.

Дорогу себе Билли освещал ярким фонариком, рождественским подарком Манфреда Блура. Вообще-то подарок от грозного школьного старосты был для Билли полной неожиданностью, он даже испугался на всякий случай, но, когда Манфред, вручая фонарик, наклонился к его уху и прошептал: «Чтобы шпионить было удобнее», мальчик сообразил, в чем причина такой внезапной и продуманной щедрости.

Луч у фонарика был мощный, белый и озарял коридор до самого конца. С таким фонариком никакие привидения не страшны. Билли двинулся в привычное путешествие по запутанным коридорам, в западное крыло академии. Правда, обычно он дожидался своего четвероногого провожатого, Душки, но сегодня пошел самостоятельно. Ему не терпелось доложить новости старику Иезекиилю.

Чем ближе была берлога старика, тем мрачнее делалось вокруг. Билли, как и всегда, предстояло миновать неизменно жутковатую анфиладу помещений, где темные чары Блура прямо-таки напивали воздух. Казалось, они породили и толстый слой пыли, покрывавшей пол и скрадывавшей шаги, и обилие паутины, которой были затканы все проходы и которую ее хозяева-пауки тотчас деловито смыкали за спиной у Билли. Если бы в газовых трубках по стенам не шипели синие язычки, можно было бы подумать, что в темные коридоры и комнаты уже сотню лет не ступала нога человека.

Наконец луч фонарика уперся в черную дверь, покрытую множеством царапин, оставленных когтями Душки. Билли постучался, и изнутри отозвался скрипучий старческий голос:

– Кто там?

– Это я, Билли Гриф, – ответил мальчик.

– Входи, – велел голос.

Иезекииль Блур, по обыкновению, сидел в инвалидном кресле у пылающего камина. Со всех сторон в кресле были подоткнуты линиялые бархатные подушки. С костлявых плеч старика свисала теплая накидка из овчины, на голове красовалась черная шерстяная шапочка, а облачен он был в бархатный черный сюртук с золотыми пуговицами. Несмотря на роскошный наряд старика, Билли, как всегда, подумал, что тот походит на скелет в скверном расположении духа.

Хватая ртом духоту, Билли без приглашения плюхнулся на краешек второго кресла. От спертого накалившегося воздуха голова у него пошла кругом. К тому же в комнате соблазнительно пахло какао.

– А пес где? – каркнул старик.

– Не знаю, я не стал его дожидаться. У меня для вас важные новости. – Очки у Билли запотели от жары, и он принялся торопливо протирать их краешком халата.

– О, превосходно. – Старик оживился и подался вперед. – Новости о Чарли Боне?

– Почти. – Билли подышал на стекла очков.

– Так не тяни, рассказывай. Ну же!

– В общем, на самом деле первым это заметил Душка.

– Что – это? – сипло переспросил старик. – Какое такое «это»? И сколько можно повторять, собаку зовут Перси! Пора бы запомнить!

– Извините. Но он-то считает себя Душкой.

– Ладно, ладно, не важно, рассказывай! Билли нацепил на нос очки и тут же об этом пожалел. Старик навис над ним, так что теперь мальчик видел каждую морщинку и бородавку на его лице – то еще зрелище.

– Ну, сначала Душка завыл на лестнице, а мы учили уроки, и Манфред послал меня его утихомирить, потому что я умею говорить по-собачьи.

– Жаль, я не понимаю эту треклятую псину! – проскрипел старый Иезекииль. – Так что Перси тебе сказал?

– Сказал, что видел, как из ниоткуда появился какой-то мальчик. С шариком, маленьким блестящим шариком. Душ... Перси сказал, что шарик плохой.

– Что?!! – Старик зажал ладонью рот. – Как ты сказал? Мальчик с шариком? И какой это был шарик – стеклянный?

– Вроде того. – Билли слегка отодвинулся. Надо же, как старика потрясли новости!

– Нет, нет, невозможно, быть того не может. – Старик даже попытался встать, но ноги его не держали, и он вновь с головой погрузился в свой кокон из пледов и накидок.

– А потом я увидел в холле Чарли Бона, и Душка сказал, что тот мальчик с шариком – вылитый Чарли. – Билли затаил дыхание, ожидая, какое действие произведет вторая часть новостей. Он не ошибся. Эффект был сокрушительный.

– Чарли Бон! – Старик возбужденно хлопнул по подлокотнику кресла. – Ну разумеется, вот на кого он похож! То-то я терпеть не могу этого мальчишку. Отыщи его, Билли. И приведи сюда.

– Кого привести – Чарли?

– Да нет же, болван. Того, другого. Моего кузена Генри.

– Вашего кузена? – в замешательстве переспросил Билли. – Но я же не знаю, где он.

– Ты мне сам только что сказал, что он здесь, в академии. Найти и привести его проще простого. Неужели не справишься?

– Так он – ваш двоюродный брат?

– Да, да, именно. Я услал его к свиньям собачьим много лет назад. И думать не думал, что этот поганец опять попадется мне на глаза. – Дребезжащий старческий голос перешел в едва различимое бормотание. – По всей видимости, это как-то связано с погодой. Совпадение в температуре воздуха или что-то подобное. Хм-хм... Вот как работает Времяворот. Хм-хм... – Он побарабанил костлявыми пальцами по подлокотнику.

– А что такое Времяворот? – Незнакомое слово заинтересовало Билли.

Черные прищуренные глаза старика смотрели как будто сквозь мальчика.

– Чудодейственный предмет, – негромко сказал он, – выглядит как стеклянный шарик – чуть больше обычного, какими играют. Он может отправить человека в прошлое или в будущее. Понятно, что Перси его невзлюбил, – учуял неладное. Смотреть в шарик нельзя, если не намереваешься путешествовать. Так мне объясняла покойница тетушка. – Старик встряхнулся. – Ну, к делу. Выспроси у пса, где мальчишка. Перси знает все. А теперь выметайся и закрой за собой дверь.

Билли подавил разочарованный вздох. Он-то рассчитывал получить за новости какую-то награду, хотя бы чашку какао.

– А... а вы насчет моих родителей говорили... – начал было он.

– Родителей? Ты же сирота, – рассеянно уронил старик, явно думая о чем-то своем.

– Да, да, но вы же говорили, что нашли мне приемных, – с надеждой в голосе напомнил Билли.

– Да что ты говоришь? Не припоминаю. Вот найдешь мальчика, тогда потолкуем об этом, – пообещал старик. – И не забудь про Времяворот. Ладно, пей свое какао и проваливай. – Он отмахнулся от Билли, как от назойливой мухи.

Быстро выпив какао, маленький альбинос послушно поднялся и пошел к двери. На пороге он обернулся и сказал:

– Большое спасибо за ботинки. Теперь у меня больше не будут мерзнуть ноги.

Ответом ему было неопределенное хмыканье. Старый Иезекииль его не слушал. Когда дверь за мальчиком затворилась, старик придвинулся к камину, уставился в огонь и принялся неразборчиво бормотать. В этом потоке то и дело всплывали отдельные слова: «Генри», «Времяворот». То и дело он восклицал: «Невозможно!» – «Нет, нет!» – «Никогда!» – «Почему?» От волнения старик так брызгал слюной, что в камине шипело. Огонь вот-вот грозил погаснуть, но старик извлек из стоявшей рядом серебряной шкатулки пригоршню каких-то блестящих палочек и швырнул в камин. Палочки были маленькие, но волшебные. В камине страшно гроыхнуло, в комнату повалили клубы черного дыма, и старика настиг приступ сильнейшего кашля.

– Идиоты! – давясь кашлем, каркнул он неповинной серебряной шкатулке.

... Чарли вдруг проснулся. Что-то его разбудило. Только вот что?

Издали долетел бой часов на Соборной площади. Бом, бом, бом – разносилось над городом. Полночь! У Чарли похолодел затылок. Так с ним бывало всегда, когда он слышал полночный звон: он чувствовал страх и восторг одновременно.

В конце спальни заскрипела койка: Билли Гриф забирался обратно в постель. Интересно знать, где это он бродит по ночам? Впрочем, наказание за ночные прогулки малышу все равно не угрожает, ведь в прошлой четверти он победил в игре в руинах, нашел запрятанную бронзовую медаль, а победитель в ежегодной игре пользовался всяческими привилегиями и, в частности, не подлежал наказаниям.

– Билли, это ты? – прошептал Чарли в темноту.

Ответа не последовало, но койка опять скрипнула. Точно, Билли – у него самая скрипучая кровать.

– Где ты был? – спросил Чарли.

– Не твоё дело, – прошипели из темноты. Голос принадлежал Билли. Ну, если ему угодно разводить секреты, на здоровье. У Чарли и так было немало других поводов для беспокойства, и прежде всего Генри. Как его спасти? Нужно все тщательно спланировать. Перво-наперво, надо раздобыть гостю из прошлого еды. Прикидывая, как это осуществить, Чарли незаметно уснул.

Фиделио же к утру придумал, как Чарли просочиться в музыкальную башню после ленча. Но для этого потребуется помощь, о чем Фиделио и сообщил приятелю за завтраком.

– Оливия нам поможет, – шепнул он на ухо Чарли. Хотя вокруг стоял обычный утренний гам, лишние уши заговорщикам были вовсе ни к чему.

– Чем поможет? – тихо отозвался Чарли, стараясь не шевелить губами, потому что Билли, сидевший напротив, внимательно наблюдал за их разговором.

Фиделио тоже заметил этот интерес, поэтому отвернулся от стола, сделав вид, будто изучает что-то вдалеке, и громким шепотом объяснил:

– Она может устроить диверсию. Нам же надо как-то помешать Азе и Манфреду попасть в холл, когда ты пойдешь в башню. Они оба ходят в театральную столовую, так что, если Оливия сможет их

задержать на несколько минут, ты как раз все и успеешь. А больше за нами никто следить не станет.

– О чем шушукаемся?

Это Манфред Блур облокотился на спинку стула Билли и пристально их изучал. Можно было подумать, что Билли его позвал.

– Поделись своими секретами, Бон, не жадничай! – В глазах Манфреда появился неприятный блеск.

Чарли уже успел познакомиться с гипнотическими способностями старосты, так что проворно пригнул голову. Он знал, что может противостоять этим чарам, но не хотел ввязываться в неприятности. Ведь на нем лежит ответственность за Генри.

– Да мы просто обсуждаем новую прическу Оливии Карусел, – нашелся Фиделио.

– В самом деле? – Манфред поднял черную бровь.

– Ага, мы оба как раз подумали, что ей так очень идет, но громко говорить об этом не стали, чтобы она нас не услышала, – подхватил Чарли.

– А то можно подумать, тут стоит мертвая тишина, – глумливо заметил Манфред. – По мне, так прическа у этой вертушки Оливии страшнее атомной войны.

Последнюю фразу он проскандировал во все горло, и Оливия, услышав свое имя, быстро обернулась. Увидев, какое у Чарли серьезное лицо, она скорчила гримаску и с преувеличенным отвращением вернулась к прерванному занятию – выковыриванию комков из овсянки.

Манфред же пошел дальше и обрушился на какую-то девочку из младших, надевшую плащ шиворот-навыворот.

– Уф! – выдохнул Чарли. – Отложим разговор до перемены.

– Согласен, – откликнулся Фиделио. Выманить Оливию из компании подружек мальчикам удалось только под конец перемены, во время которой все ученики академии, как всегда, прогуливались по заснеженному саду. Оливия помчалась к друзьям, и на белизне снега ее розовые высокие ботинки на шнуровке, усеянные стразами, выделялись особенно ярко.

– Краска уже почти стерлась от снега, – пожаловалась она, поднимая левую ногу и демонстрируя носок розового ботинка, вылинявший до скучного серого цвета.

– Слушай, будь другом, окажи услугу, – без предисловий начал Чарли.

– Что? – Оливия с сожалением опустила ногу обратно в снег. – Какую?

Чарли уже достаточно хорошо знал Оливию и понимал, что, пока ей не объяснишь суть дела, она и пальцем не пошевелит. Значит, надо рассказать ей все про Генри Юбима. Что он и сделал – по возможности лаконично.

Рот у Оливии приоткрылся, большие выразительные глаза стали еще больше.

– То есть ты хочешь сказать, что он ну вроде как вжикнул из прошлого сюда, к нам?

– Именно. – Чарли нервно глянул через плечо. Ему показалось, что за кучкой ребят с музыкального прячется Билли Гриф. – Но понимаешь, пока мы не выяснили, как ему помочь, хорошо бы все это держать в секрете. Мне еще надо найти ему какой-нибудь еды.

– Ага, и мы решили, что Чарли вполне может протащить ему наши порции с ленча, на большой перемене, – туда, в башню, – подхватил Фиделию. – Только для этого нам нужно, чтобы ты задержала Манфреда с Азой в вашей столовой. Хотя бы на пару минут.

– Проще простого, – охотно кивнула Оливия. – Положитесь на меня.

В морозном воздухе разнесся звук рожка, и Оливия замелькала розовыми ботинками обратно к подружкам.

– Раз она пообещала, значит, сделает, – заверил друга Чарли. – Оливия еще ни разу не подводила.

Завтракали все ученики академии в одном зале, а вот на ленч художники, музыканты и актеры расходились по трем отдельным столовым. В театральной было шумнее всего, а о дисциплине и речи не было. Манфред из кожи вон лез, чтобы запретить ребятам с театрального наряжаться в эксцентричные костюмы, но все его усилия шли прахом, поскольку учителя с театрального позволяли своим подопечным выпендриваться, как им вздумается. К величайшему недовольству Манфреда, эти педагоги не только не запрещали такое пижонство, но, напротив, всячески ему потворствовали, считая, что шляпы с перьями, цветами, фруктами и ушами, десятисантиметровые каблуки, ботфорты со шпорами, а также грим радужных расцветок –

самое то. Миссис Маек, глава театрального, держалась того мнения, что самовыражение и развитие артистического темперамента – превыше всего, в том числе и школьных правил. Ученики радостно старались соответствовать. Манфред только зубами скрипел от ярости, да все без толку, поэтому он отводил душу на бедных художниках и музыкантах – как вот сегодня на девочке в вывернутом плаще.

Вот и сегодня в театральной столовой царил обычный для этого места кавардак. Неведомо чей меховой жилет вдруг начал линять, да так сильно, что пол столовой снегом устилали клочки белого меха. У кого-то шляпа решила сменить оперение, причем перья непонятно как попали не куда-нибудь, а в кастрюльку с подливкой. Ну а мерцающие на всех поверхностях блестки, летающая в воздухе мишура, разноцветные волоски и целые локоны из париков, валяющиеся там и сям, и, наконец, пятна грима не только на посуде, но и на столах – это вообще были привычные детали театральной столовой, которых никто уже и не замечал.

– Какая гадость это театральное пижонство! – бурчал Манфред, вылавливая из тарелки неведомо как там оказавшуюся бусину. – Ну почему они не могут одеваться как нормальные люди?

Сам он придерживался строгого черного цвета, разве что иной раз позволял себе надеть фиолетовую рубашку под цвет плаща. И даже ленточка, которой Манфред стягивал волосы в хвост, неизменно была черной.

В ответ на его ворчание Аза Пик издал нервный смешок, от которого у него отклеились накладные усы и шлепнулись ему прямо в тарелку.

– Тьфу, – вырвалось у Азы. – А я о них и думать забыл.

Манфред одарил своего приспешника испепеляющим взглядом.

– Знаешь, Аза, иной раз так бы тебя и стукнул!

В желтых глазах Азы зажегся нехороший огонек, и Манфред тотчас пожалел о сказанном.

Дружить они с Азой не дружили, скорее, вынужденно держались вместе, потому что все остальные на дух их не переносили. Может, Аза и лебезил перед Манфредом, но тот прекрасно знал, что рыжий очень опасен, и даже опаснее его самого. Да, Манфред владел силой гипноза, зато Аза после захода солнца мог перекинуться в ужасного

хищника – кровожадное существо, с которым даже Манфреду было бы не справиться.

Так что теперь заклятые друзья – или закадычные враги – устали друг на друга, поджав губы и сузив полыхающие ненавистью глаза, и неизвестно, чем бы это все кончилось, не поднимись у дверей столовой какая-то неразбериха.

– Опять эта Карусел! – констатировал Аза, посмотрев в ту сторону.

– Не в ней дело. – Манфред встал и двинулся к дверям.

Оливия умудрилась грохнуть у самого входа в столовую целый поднос, уставленный посудой с едой. Теперь на полу, в луже подливки, валялись осколки посуды и ошметки каши.

– Ах, какая досада, ох, какая жалость, прошу меня извинить, это я поскользнулась, – тархтела Оливия.

– Извинений недостаточно, – гаркнул Манфред. – Марш за тряпкой.

– Слушаюсь и повинуюсь. – Оливия пересекла столовую и скрылась в кухне. По дороге она покосилась на часы и решила дать Фиделио с Чарли на все про все пять минут.

На кухне на Оливию поначалу не обратили внимания, но потом из задней двери выплыла дородная кухарка и сказала:

– Милочка, столовая не тут.

– Да мне просто кусочек хлеба, – соврала Оливия.

– Ты разве не наелась? – удивилась кухарка.

– Опоздала на ленч. – Оливия демонстративно посмотрела на часы.

– Ай-ай-ай, ну ладно, что-нибудь соображу. – И кухарка уже направилась прочь, но тут дверь из столовой распахнулась, и на пороге возник разъяренный Манфред.

– Где тряпка, черепаха ты несчастная? Нам же не выйти из столовой, пока там эта помойка! – рыкнул он.

– Я... э-э-э... – начала Оливия.

– А ну умерь свой пыл, юный Блур, – резко одернула Манфреда кухарка. – Минуту обождать не можешь?

Манфред проворчал что-то невразумительное, но злобное.

Кухарка величаво пересекла свои владения и извлекла из-под раковины тряпку, ведро и пару резиновых перчаток.

– Слушайте, тетя, а побыстрее никак нельзя? – сквозь зубы спросил он.

Кухарка окаменела. Потом медленно поставила ведро на пол и грозно уперла руки в обширные бока.

– Не смей говорить со мной в таком тоне! – отчеканила она. – Запомнил? Чтобы я ничего подобного больше не слыхала.

– Да-да, к-к-конечно. – Манфреда будто ледяной водой окатили.

– Извинись, – потребовала кухарка.

– Простите, – выдавил Манфред, делая вид, будто изучает свои манжеты.

Оливия глазам своим не верила. Две-три фразы – и кухарка превратила Манфреда из всесильного наглого старосты в робкого первоклашку. Вот кто тут особо одаренный!

Кухарка взялась за ведро и всучила его Манфреду.

– Если тебе мешает грязь, иди и убери сам.

– Я ее, что ли, развел? – побагровел тот. Кухарка невозмутимо пожала могучими плечами и удалилась.

Манфред больно выпихнул Оливию в столовую и, едва дверь за ними закрылась, сунул ведро девочке.

А в это самое время Чарли с Фиделио рысцой спешили через холл. Поскольку сейчас все ученики театрального собрались у себя в столовой, холл был безлюден, и Чарли удалось незамеченным проскользнуть в западное крыло. Фиделио остался на страже у дверцы. Они договорились, что, сбегав наверх и отнеся Генри еду, Чарли постучит изнутри два раза и, если путь будет свободен, Фиделио стукнет ему в ответ.

Чарли через ступеньку помчался по винтовой лестнице на самую верхушку музыкальной башни. Когда он наконец добрался до обиталища мистера Пилигрима, сердце у него колотилось где-то в горле, а в боку нещадно кололо.

Генри исчез!

На спинке стула висел синий плащ, рядом, на сиденье, стояла пустая коробка от печенья.

Мистер Пилигрим, как всегда, был у себя, но играл он сегодня очень тихо – даже не столько играл, сколько повторял раз за разом одну и ту же музыкальную фразу, словно забыл пьесу или разучивал ее с листа.

Чарли, не постучавшись, заглянул к нему. Но Генри и тут не оказалось, мистер Пилигрим был один. Он сидел за роялем без плаща, и Чарли вспомнилось, что и сегодня утром в актовом зале он тоже был без плаща, но, в конце концов, мистер Пилигрим отличался рассеянностью.

Мистер Пилигрим отвлекся от рояля и, как всегда, напряженно наморщив лоб, посмотрел на Чарли.

– Простите, сэр, вы не видели тут мальчика? – с надеждой спросил тот. – Он немножко похож на меня.

К его удивлению, мистер Пилигрим отвечал четко и сразу:

– Да, мальчик был.

– А где он сейчас, вы знаете, сэр?

– Нельзя ему оставаться тут одному, – сообщил мистер Пилигрим. – Особенно на ночь. Слишком холодно.

– Да-да, конечно, но куда он делся?

– Он проголодался.

Видимо, в это мгновение мистер Пилигрим наконец вспомнил ускользавшую от него мелодию, потому что взял два звучных аккорда, а потом пальцы его побежали по клавиатуре все быстрее и быстрее. Причудливая пьеса вновь завладела его вниманием, и Чарли понял, что дальнейшие расспросы бессмысленны. К тому же надо возвращаться, а не то Манфред с Азой возьмут след в холле.

– Большое спасибо, сэр, – тихо сказал Чарли на прощание. Обратный путь в холл он тоже проделал бегом, причем на такой скорости, что, когда винтовая лестница осталась позади, голова у Чарли кружилась, а ноги ломило.

Прежде чем нырнуть в темный коридор, который вел к дверце в холл, Чарли прислушался. Вроде тихо. Значит, все в порядке. На всякий случай по коридору Чарли крался на цыпочках. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как наткнулся на что-то (или кого-то) очень щедедушное и маленькое, почти прозрачное. Фигурка жалобно пискнула и испуганно пронеслась мимо Чарли, но, когда он обернулся, чтобы получше ее рассмотреть, она (или оно?) отчего-то обернулась тоже. Из-под густой черной вуали блеснули печальные глаза.

– Мальчик, – прошелестело видение и исчезло.

Глава 6

В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Чарли со всех ног промчался по коридору и пулей вылетел за дверь, так что едва не сбил с ног Фиделио.

– Ты же должен был сначала постучать! – накинулся на него приятель. – А за нами следят!

– Кто? – Чарли уже и сам увидел Билли Грифа, поспешно шмыгнувшего в раздевалку. – Ну что за несчастье такое! Его тут только не хватало! – простонал мальчик.

В противоположном конце холла материализовались Манфред с неизменным Азой. Манфред был вне себя от ярости. Завидев Фиделио с Чарли, он злобно заорал:

– А ну пошли вон! Почему вы не на прогулке?

– Так ведь... э-э-э... погода плохая, мокро, – проблеял Чарли.

– Мокро? Разумеется, мокро! Ничего, не растаешь – не сахарный! – рявкнул Манфред.

– И мы никак не могли найти уличную обувь! – вставил Фиделио.

– Так идите в чем есть! – Манфред был страшен.

– Но... – начал было Чарли.

– Что – но? Ножки боишься промочить, маменькин сынок? Это вам наука, будете впредь знать, как терять ботинки! – Манфред разъярился не на шутку, и его физиономия, обычно нездорово-бледная, приобрела не вполне естественный для него румяный оттенок.

Решив не искушать судьбу далее, мальчики выскользнули в сад.

– Уф! Не иначе, Оливия поработала на славу, – предположил Фиделио.

– Только бы ей не слишком влетело и после уроков ее не оставили, – с надеждой сказал Чарли. – Да, а Генри-то я не нашел, его в башне уже нет. Не знаю, что и делать,

– Отыщем, – успокоил его Фиделио. – Главное – успеть сделать это раньше Манфреда. А чего ты такой напуганный прибежал? Привидение в башне увидел?

– По-моему, именно привидение, – поежился Чарли. – Брр, ужас. Все в черном и еще что-то шепчет.

– А-а, дама в трауре, – протянул Фиделио. – Габриэль мне о ней говорил. Она обитает в музыкальной башне. Наверно, ей нравится слушать игру мистера Пилигрима.

Через несколько минут в сад выбежала Оливия и сразу же направилась к друзьям.

– Ну как, мальчики, все получилось? – нетерпеливо спросила она. – Сработало?

– Не то слово! Ты просто блеск! – похвалил ее Чарли. – Ты ведь продержала их не меньше десяти минут?

– Кстати, а как тебе это удалось? – поинтересовался Фиделио.

Оливия в красках описала всю мизансцену с подносом, тряпкой и стратегически устроенной лужей.

– Но меня оставили после уроков, так что домой отпустят только в субботу вечером, – со вздохом сообщила она.

Чарли расстроился:

– Ой, это все из-за нас! Прости меня! Я же должен был сообразить, чем это тебе грозит!

– Да ладно тебе, ничего страшного, – отмахнулась Оливия. – Зато у меня может будет прекрасная возможность поразведать все вокруг. Если, конечно, после уроков оставят кого-нибудь еще и у меня будет компания. Гулять по академии в одиночку я пас.

Чарли расстроился еще больше:

– Ой, а я-то буду занят. Ты уж не обижайся.

– Да я все понимаю, – жизнерадостно откликнулась Оливия. – Родственники. Кузен Генри. А Фидо, конечно, музыкой займется, это ясно, и к гадалке не ходи.

– Раз ты об этом заговорила... – сказал Фиделио.

– Ладно-ладно, все в порядке. Будет вам казниться. Попробую уговорить Эмму Толли. – И Оливия бодро затопала полинялыми розовыми ботинками к Эмме, которая гуляла по саду неверным шагом, уткнув нос в книжку.

Остаток перемены мальчики расхаживали взад-вперед по мощеной дорожке у садовой двери. Воздух потеплел, снег начал таять и превратился в мокрую кашу, которая хлюпала у Чарли в левом ботинке.

Незадолго до сигнала на урок Оливия вернулась к ним весьма возмущенная.

– Вы представляете, Эмма заявила, что не любит оставлять тетушку одну по выходным! Ничего себе, а? Я, значит, помогла ее спасти от этих жутких приемных родителей, а теперь ей на меня несколько часов потратить жалко!

– Раз так, попробую нарваться на наказание, – решительно сказал Чарли. – Генри придется подождать.

– Не пойдет, – возразила Оливия. – Тебе нужно вытащить его отсюда как можно скорее. За меня не переживай, со мной останется Бинди. – Оливия покачала головой. – Ума не приложу, какая муха укусила Эмму! Ведет себя как пай-девочка.

– У нее никогда не было нормального дома и семьи, – объяснил Чарли. – Так что она просто хочет проводить с тетушкой как можно больше времени.

Оливия хмыкнула и удалилась. По дороге на урок истории Фиделио приглушенно сказал:

– Знаешь, Чарли, по-моему, спасательную экспедицию тебе лучше проверить прямо сегодня. Другой возможности у тебя может не оказаться.

Чарли согласно кивнул. Но где искать Генри? Академия большая.

– Начни с кухонь, – предложил Фиделио. – Проверь их все. Он же с голоду умирает, где ему еще быть.

Ночью, глядя в темноту, Чарли старался припомнить, как добраться до кухни. Всего кухонь в академии было три, по числу столовых, а между собой они соединялись дверьми. Так что достаточно вспомнить, какие именно коридоры ведут в одну, чтобы осмотреть все три.

– Как ты думаешь, в выходные кухарка там будет? – шепотом спросил он Фиделио.

– После полуночи вряд ли.

– Тихо вы, спать не даете! – сердито прошипел один из обитателей спальни, Дамиан Сморг.

– Сам ты тихо! – Фиделио кинул в него мокрым ботинком и, судя по глухому шлепку, попал в цель.

– Вот доберусь до тебя, Дореми, тогда поплачешь! – пригрозил Дамиан, и ботинок Фиделио прилетел из темноты обратно.

– К вашим услугам, сэр, – гордо отозвался Фиделио. – Утром после завтрака, у садовой двери. Секундантов не забудьте.

Тон подействовал: Дамиан трусливо захныкал и с головой нырнул под одеяло. Грозить он был мастер, а вот драться боялся и в последний момент всегда притворялся, будто поранил руку, ушиб ногу или получил еще какую-нибудь травму – лишь бы избежать драки.

Чарли только собирался позвать Фиделию, как дверь распахнулась и тусклая лампочка под потолком загорелась.

– Кто тут такой разговорчивый? – грозно спросила с порога надзирательница мадам Юбим.

Спальня молчала.

– А ну сознавайтесь! – повысила голос надзирательница.

– Ну, мы, – откликнулся Чарли. Тетка Лукреция нацелила на него свой пристальный взор.

– Это следует понимать как признание?

– Да! – подхватил Фиделию. – Мы шумели. Все. Признаемся.

Надзирательница обвела глазами спальню.

– Если мне придется утихомиривать вас еще раз, все будут оставлены после уроков, – пригрозила она.

– А я нет! – пискнул Билли Гриф. – Меня наказывать нельзя!

Не обратив на Билли ни малейшего внимания, тетка Лукреция погасила свет и хлопнула дверью.

– Еще чуть-чуть, и ты бы нарвался, – едва слышно прошептал Фиделию. – Так что, пойти с тобой на поиски?

– Не надо, – отозвался Чарли. – Спасибо, но лучше я один.

– Тогда удачи! – Фиделию повернулся на другой бок и вскоре уснул.

Чарли лежал с открытыми глазами и время от времени тер их, сражаясь с сонливостью. Это не помогало, глаза слипались. Тогда он откинул одеяло и через полминуты задрожал от холода так, что о сне уже не могло быть и речи.

Дождавшись, когда соборные часы пробьют полночь, Чарли облачился в халат, сунул ноги в тапочки и, дрожа от холода, волнения и предвкушения приключений, на цыпочках вышел из спальни.

– Так, направо, потом налево, потом вниз по лестнице, – бормотал он себе под нос. Фонарик, который он предусмотрительно захватил с собой, светил так слабенко, что Чарли еле различал, куда идет. Кроме своих ног в тапочках, он почти ничего не видел. Миновав две лестницы, он понял, что, кажется, не на шутку заблудился. Вокруг из

темноты проступали незнакомые стены и двери. А может, и знакомые, но неузнаваемые – в темноте все совсем другое.

На всякий случай Чарли продолжал свой путь, но, когда тусклый луч выхватил из темноты третью лестницу, озадачился. Он едва успел спуститься на две ступеньки, как что-то врезалось ему в колени, и мальчик покатился по лестнице, пересчитав боками все ступеньки. По счастью, их оказалось не слишком много.

– Охо-хо! – Чарли, кряхтя, сел. Вроде бы все кости целы, а вот синяков, наверно, несчитано. К тому же он испугался. Но, хочешь не хочешь, надо идти дальше.

Ночной путешественник с трудом поднялся, подобрал фонарик, свернул за угол и с облегчением узнал лестничную площадку над холлом. Здесь даже ночью горел свет, и Чарли, сказав «уф», по возможности быстро сбежал по лестнице, пересек холл и нырнул в темный коридор, который вел в столовые.

Через музыкальную столовую, натываясь на столы и стулья, он пробрался на кухню.

Здесь препятствий оказалось еще больше: на столах громоздились цитадели кастрюлек, кухонная машинерия выпячивала свои части в самых неподходящих местах и преграждала путь, за буфетами караулили швабры и ведра, готовые рухнуть ему под ноги от легчайшего прикосновения. Наконец случилось неизбежное. Нащупывая дорогу, Чарли задел какую-то полку, и с нее загрохотала на пол сковородка. Мальчик оцепенел и тотчас заметил, что за матовым стеклом ближайшей двери брезжит свет. Чарли, затаив дыхание, приоткрыл ее.

Он очутился в маленькой белой комнате, заставленной холодильниками и морозильными камерами. А перед самым большим холодильником стоял Генри Юбим.

– Наконец-то нашелся! – воскликнул Чарли. – Чем это ты занят?

– Привет, Чарли, – отозвался Генри. – Хорошо, что ты пришел.

– Ну и холодина же здесь! – У Чарли уже зуб на зуб не попадал.

– Я знаю, – с таинственной улыбкой сказал Генри. – Ее-то мне и надо.

– О чем ты? Слушай, пойдем отсюда поскорее. Так недолго и насмерть замерзнуть.

– Умирать я не собираюсь, но, если не вернусь домой, точно умру.

Генри оторвал взор от холодильника и направился в кухню, а Чарли с облегчением последовал за ним. В кухне было гораздо теплее, и в голове забегали оттаявшие мысли. Чарли сел на кухонный стол, свесив ноги, а Генри последовал его примеру.

– Я тебя искал всю большую перемену, – сообщил Чарли. – Даже еды тебе раздобыл и отнес в музыкальную башню. Где ты был-то?

– Мне встретилась какая-то дама, маленькая, в трауре, и отвела к себе в комнату. Сначала я ее немного боялся, но она угостила меня чаем и конфетами. – Генри протянул Чарли конфету в серебряной обертке. – Бери, у меня их много.

Уговаривать Чарли не пришлось, а конфета оказалась шоколадной, с земляничной начинкой, он такие обожал.

– Вкусно, – подтвердил Чарли. – А даму я видел, налетел на нее в коридоре и принял за привидение.

– Она не то чтобы привидение. Когда-то она была скрипачкой, но теперь левая рука у нее не работает, и потому она так печальна. В сущности, можно сказать, что она носит траур по своей руке.

У Генри все-таки была очень необычная манера разговаривать. Заинтересованный, Чарли спросил:

– Но кто она, эта дама?

– Я решил не спрашивать. Мама говорит, что приставать с расспросами невежливо. Так вот, траурная дама посоветовала мне пойти ночью в кухню. Я и пошел. Кстати, Чарли, я обнаружил здесь нечто необыкновенное! – Лицо Генри засияло от восторга.

– И что?

– Там, – Генри кивнул на комнату с холодильниками, – есть буфет, в котором полно льда.

– А, так это морозилка.

– Морозилка? – повторил Генри. – В жизни не сталкивался. Он – она – очень приятно гудит. Знаешь, я полагаю, что она доставит меня домой.

– В каком смысле? – забеспокоился Чарли.

– Видишь ли, я пришел к выводу, что попал в ваш век из-за погоды. Понимаешь, погода совпала – ведь у нас, в тысяча девятьсот шестнадцатом году, тот день, когда я исчез, был одним из самых холодных за многие годы. И когда я очутился здесь, стоял точно такой

же выдающийся мороз. А теперь началась оттепель, и, если я запущу Времяворот, меня может закинуть куда угодно.

– Это точно, – согласился Чарли

– Я пойду на хитрость и залезу в морозилку, – серьезным тоном поделился с ним Генри.

– Куда?! Ты же замерзнешь насмерть.

– Но ты мог бы мне помочь, покараулить. Я заберусь внутрь, а ты время от времени открывай дверцу и проверяй, дышу я или нет. Как только температура упадет до нужного градуса, я исчезну. – Генри подался вперед. – Чарли, пожалуйста, помоги мне! Я так хочу домой! К папе, к маме, ко всем остальным. Здесь, у вас, мне не прижиться. Я слишком другой.

Чарли только вчера познакомился со своим кузенем из прошлого, но уже успел к нему привязаться. И внезапно понял, что будет скучать по Генри.

– Идея неплохая, но ненадежная, – уклончиво ответил он на мольбы Генри. – Так можно и в ледниковый период залететь ненароком. К мамонтам. И к прочим чудищам.

– Да, я тоже об этом подумал, но все-таки попытаюсь, – упрямо сказал Генри. – Уверен, если я буду все это время думать о своих, то обязательно вернусь в тысяча девятьсот шестнадцатый год. – Он ободряюще улыбнулся Чарли. – Что скажешь?

– Ладно, уговорил, – неохотно согласился тот. – Попытка не пытка. Но имей в виду, если посинеешь, я тебя сразу вытащу.

– Спасибо, Чарли!

Они спрыгнули со стола и вернулись в обиталище холодильников. Генри помедлил, задумчиво глядя на самую большую морозилку и что-то прикидывая, затем извлек из кармана Времяворот. Чарли уголком глаза заметил блик синего и поспешно отвернулся. Но Времяворот светился так ярко, что наводнявшие его видения отражались на низком белом потолке, и Чарли даже различил, как по нему плывут округлые очертания золотых куполов, как перебегают радужные волны, как встают заснеженные горные хребты... Снег обратился в лес, а зелень чащи перетекла в гребни морских волн, а потом вместо моря на потолке отразилось небо, и такой яркой синевы, какой Чарли никогда не видывал.

Зачарованный, мальчик уставился в потолок и вдруг почувствовал, как зыбкая картина затягивает его в себя. Колени у него ослабели, Чарли вздрогнул, спохватился и поспешно перевел взгляд на морозильник. Генри уже скрылся за белой дверцей.

Чарли смотрел на ее гладкую поверхность и постепенно начинал нервничать. Сколько же ждать? Нарушить планы Генри он не хотел, но допустить, чтобы кузен замерз насмерть, прежде чем Времяворот заработает, не хотел тем более. Чарли закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. Потом ухватился за ручку и потянул дверцу на себя.

Не открывается!

Чарли потянул сильнее, уже двумя руками. Потом уперся ногами в пол для устойчивости и рванул проклятую дверцу изо всех сил.

Не открывается!

Дверца то ли примерзла, то ли ее удерживала какая-то неведомая, но могучая сила.

Чарли сделал еще несколько тщетных попыток, потом в отчаянии замолотил по дверце кулаками. Передохнул и вновь вцепился в блестящую металлическую ручку.

– Генри! Генри! – звал он, дергая дверцу.

– Что это ты тут вытворяешь, Чарли Бон?

Чарли подпрыгнул как ужаленный. Обернулся и увидел в дверях кухарку.

– Я... я... Понимаете, там, в морозилке, мальчик. Я не знаю, мертв он или... или исчез, – залепетал он. – Может, ему удалось исчезнуть, но я должен проверить.

– Боже милосердный! – Кухарка кинулась к холодильнику, едва не сбив Чарли с ног своей солидной массой.

Один мощный рывок – и дверца распахнулась.

Генри скрючился в уголке, а над ним свисал здоровенный мороженный окорок. Лицо у мальчика было синевато-белое, а волосы и плащ подернулись инеем.

– Силы небесные! – возопила кухарка, вытаскивая окоченевшего Генри из морозилки.

Глаза он не открыл и даже не пошевелился, но, к величайшему облегчению Чарли, издал слабенький стон. Кухарка легко подхватила Генри на руки.

– За мной, Чарли! – скомандовала она. – И Расскажи-ка мне побыстренько, что все это значит.

Кухарка вихрем вынеслась из холодильной, промчалась через кухню и ринулась прямо в какой-то чулан, на поверку оказавшийся проходом в длинный коридор, озаренный мягким светом. Чарли едва поспевал за ней; казалось, вес Генри вовсе не замедляет ее бега.

В конце коридора оказалась лесенка в три ступеньки, за ней еще один ложный чулан, и вот он-то привел Чарли в уютнейший уголок. Это была небольшая теплая комната, вся, от пола до низкого потолка, увешанная яркими картинками. Здесь стояли мягкие стулья на гнутых ножках, а за стеклами старинной горки золотились фарфоровые чашечки и тарелочки. В глубокой нише чернела впечатляющая печь, на ней закипал чайник, а в распахнутой дверце мигали угли. Они наполняли комнату теплом и приятным переливающимся светом.

Кухарка бережно положила неподвижного Генри на кресло у самой печи и принялась растирать ему руки. Окоченелые пальцы мальчика разжались, и синий Времяворот, блеснув, покатился по полу.

– Что это? – спросила кухарка.

– Э-э-э... это Времяворот, – выдавил Чарли.

– Ясно. – Кухарка, кажется, ничуть не удивилась. – Так я и знала. Вечно от него одни неприятности. Положи-ка его вон в ту красную чашку на комод. Да смотри не гляди в него.

– Не буду.

Чарли послушно подобрал блестящий синий шарик и положил в чашку. По внутренней ее поверхности тотчас поплыли радужные волны и запрыгали вспышки, как от солнца на воде. Чарли нестерпимо захотелось подождать и увидеть, какая картинка из них сложится.

– Не смотри в него, Чарли! – вновь предостерегла кухарка.

– Не буду, не буду. – Мальчик отступил от комода.

Кухарка старательно растирала руки Генри, но тот по-прежнему был синевато-бел и не шевелился. Оглянувшись через плечо на Чарли и не прерывая своего занятия, кухарка попеняла:

– И глупец же ты, Чарли Бон! Именно ты! Что ты натворил? Хоть бы головой подумал!

– Я помочь... я хотел помочь, – жалобно оправдывался Чарли.

– Это у тебя называется помочь? Уж скорее загубить. – Тон кухарки был холоднее всех морозилок на свете.

– Да я... да у меня и в мыслях не...

– Что это за мальчик?

Чарли не без труда вспомнил, кем ему в точности приходится Генри.

– Он мой... сейчас-сейчас... двоюродный прадедушка Генри, – с напряжением произнес он. – Кажется, так. Но я его называю просто кузенком. Он явился из тысяча девятьсот шестнадцатого года.

– Я полагаю, благодаря Времявороту, – уронила кухарка.

– Ага, далеко его, беднягу, занесло. То есть из далекого прошлого.

– Да уж. А теперь подай-ка мой пеньюар. – Кухарка кивнула на просторное алое одеяние, расстеленное на стуле.

Чарли повиновался.

– Так, теперь сними с Генри плащ. – Она легко подняла неподвижное тело с кресла.

Следуя ее указаниям, Чарли снял с Генри похрустывающий от инея плащ, помог завернуть его в мягкий теплый пеньюар (в котором тот совершенно затерялся), но признаков жизни Генри по-прежнему не подавал.

Кухарка пощупала ему пульс, озабоченно покачала головой, приложила ухо к груди мальчика.

– Понятно, – пробормотала она. – Уже кое-что.

Чарли, дрожа от отчаяния, плюхнулся на стул и закрыл лицо руками.

– Ну-ну, не все потеряно, – успокоила его кухарка. – А, вот и они!

Чарли вскинулся: откуда-то сверху донеслось отдаленное мяуканье. Задрав голову, он увидел маленькое застекленное окошко. А по ту сторону окошка сверкали желтыми глазами три кота.

– Огнецы! – обрадовался Чарли.

– Они самые. Ну-ка, встань, Чарли.

Кухарка проворно вспорхнула на освободившийся стул и распахнула окошко. Вместе с порывом снежного ветра в комнату проник первый кот – невероятных размеров, с медно-рыжей шубкой.

– Феникс! – узнал его Чарли.

Кот протяжно и благосклонно мяукнул.

– А, так ты с ними знаком? – спросила кухарка, впуская осыпанных снегом оранжевого и желтого котов. Коты благополучно приземлились на стул и поприветствовали Чарли дружным «мяу».

– Саламандр! Везувий! Ну конечно, я знаком с Огнецами! – воскликнул Чарли. – Даже знаю, что они будут делать.

Коты треххвостой кометой подлетели к Генри и стали тереться об него. До ушей Чарли донеслось легкое потрескивание, будто из разгорающегося камина. Затем кошачья троица закружила вокруг кресла. Из глубин алого пеньюара виднелось только бледное лицо Генри, покоившееся на выцветшей подушке.

Тем временем кухарка затворила окошко.

– Они спасли собаку моего друга, – объяснил ей Чарли. – И думаю, еще много кого. Только вот я не знаю, как это они чувствуют, где и кому нужны.

– Шестое чувство, – приглушенно сказала кухарка. – А теперь молчок. Пусть делают свое дело.

Чарли покорно затих и устроился на стуле напротив Генри. От котов уже исходил жар, как от очага. Они кружили все быстрее и быстрее и вскоре слились в огненное кольцо.

От жара и пережитых волнений Чарли разморило. Он зевнул раз, другой и вскоре задремал, свесив голову на грудь.

Когда он проснулся, Генри, по-прежнему укутанный в алый пеньюар, но румяный и улыбающийся, прихлебывал из чашки что-то горячее, испускавшее аппетитный сладкий запах.

– С добрым утром, Чарли! – весело сказал он.

Чарли замигал и протер глаза.

– Ты меня прости, Генри, – поспешно начал он. – Видишь, ничего хорошего не получилось. Честное слово, я пытался тебя вытащить, но мне что-то мешало. Будто кто-то держал дверь с той стороны.

– Знаю, – кивнул Генри. – Я пока поживу тут, у кухарки. Об этой комнате никому не ведомо, так что убежище надежное. А потом мы решим, как быть дальше.

Кухарка, хлопотавшая у печки, вынула из духовки противень горячих булочек и переложила их на блюдо.

– Угощайся, – предложила она Чарли. – Перекусишь и иди-ка спать. Только чтобы тебя не засекли.

– Спасибо! – Чарли впился в горячую восхитительную булочку. – Ух, объедение!

– Ты не виноват, что так получилось, – точно читая его мысли, проговорила кухарка. – Это я сгоряча на тебя на шумела. А зря. Именно

на тебя – зря.

– Почему вы все время повторяете – «именно ты», «именно на тебя»? – удивился Чарли. – Что это значит? Чем я такой особенный?

– Объясню, но в другой раз, – пообещала кухарка.

Чарли поднял на нее глаза и замер. На миг ему почудилось, что сквозь ее немолодое усталое лицо с морщинками вокруг глаз проступает какое-то иное – юное и прекрасное. Мальчику внезапно захотелось, чтобы этот миг длился и длился. Никогда еще ему не было так уютно и спокойно, как сейчас, когда он сидел в озаренной мягким светом комнате, в величественной тени, которую отбрасывала массивная фигура кухарки, под убаюкивающие звуки – гудение огня в печке и согласное мурлыканье трех котов, лакавших молоко из мисочки.

– Но кто вы? – робко спросил он.

– Я-то? – улыбнулась кухарка. – Я – краеугольный камень этого дома. Когда б не я, вы все рухнули бы во тьму.

– Как вас зовут?

– Скажу, но не сейчас.

– А завтра можно опять прийти? – Чарли распирало от любопытства.

– Лучше не стоит, – покачала головой кухарка. – Нужно немножко переждать. За тобой кое-кто следит. Кое-какие люди, и не только люди. – Она показала глазами на приземистую собаку, возникшую в темном углу комнаты.

Переваливаясь, как жаба, в полосу света от печки выбрался Душка. Он явно метил посидеть у самой печки, но место было занято котами, которые, судя по угрожающему ворчанию, позиций сдавать не собирались. Душка попятился.

– Я его уже как-то видел, – воскликнул Генри. – Это сколько же ему лет?

– Много. Он соглядатай, так что если ты его уже видел, то он наверняка доложил кое-кому о твоём появлении. Вот что, Чарли, тебе пора возвращаться. Душка не единственный шпион и доносчик в этом заведении. Кое-кто еще может заметить, что твоя постель пуста.

Чарли дожевал булочку и с сожалением поднялся. Простившись с Генри, он последовал за кухаркой через лабиринт чуланов и

коридоров, пока вновь не очутился в холле. Кухарка извлекла из кармана фонарик и вручила Чарли.

– Он хорошо светит. Ну, беги. И смотри, никому ни слова о сегодняшнем. Ни единой живой душе.

– Но мои друзья уже в курсе про Генри.

Кухарка вздохнула:

– Что поделаешь. Но чем меньше народу узнает о том, где ты побывал, тем лучше.

– Хорошо, я никому не скажу, где Генри, – пообещал Чарли.

Кухарка подождала, пока он пересечет холл и поднимется по лестнице, затем помахала мальчику на прощание и быстрым шагом вернулась в свою потайную комнату глубоко под городом.

К ее удовольствию, Генри Юбим уже спал крепким сном. Вынув из его теплой (наконец-то) руки пустую чашку, кухарка поставила ее в буфет. Три огненных кота уже вылакали молоко и выжидающе смотрели на кухарку, поэтому она вновь открыла окошко в потолке.

Коты вспрыгнули на стул, а оттуда скользнули в окошко и были таковы.

– Спасибо вам, мои хорошие, – крикнула им вслед кухарка и плотно притворила окно.

– А теперь поговорим о твоём поведении. – Она слезла со стула и наклонилась над Душкой, который уже перетащил свою обвислую тушу поближе к печке.

– Я знаю, кто ты и чем занимаешься, – отчетливо сказала ему кухарка, – но покамест ты вел себя прилично и не проболтался о моей комнате никому, даже своему дружку Билли Грифу.

Душка попытался жалобно заскулить.

– Цыц! Слушай меня внимательно. Не смей докладывать своему драгоценному Билли об этом мальчике. – Она кивнула на спящего Генри.

Пес возвел на кухарку темные блестящие глаза и склонил голову набок, качнув брылами. На языке зверей она не говорила, но Душка достаточно хорошо ее знал, чтобы понимать, о чем речь.

– Если посмеешь проболтаться, если выдашь мальчика – отбивных тебе больше не видать. Можешь также забыть о теплом местечке у очага, о прогулках в парке и так далее. Будешь жить как знаешь, перебиваться как сумеешь, потому что ты мне, жирный куль,

без надобности. Я о тебе заботилась только по доброте душевной. – Она погрозила псу пальцем. – Все понятно? Вопросы есть?

Душка заворчал и улегся у печки на подстилку. От добра добра не ищут, решил он.

Глава 7

ЧЕРНАЯ ПЕРЧАТКА

Кухаркин фонарик оказался не из простых. Луч у него был хотя и не особо яркий, но каким-то непостижимым образом выхватывал из темноты детали, которых Чарли раньше никогда не замечал. А знакомые коридоры и переходы в его свете обрастали новыми подробностями и выглядели совсем иными.

Например, стена вдоль одной из лестниц оказалась сплошь увешана картинами. Свернув в очередной пустынный коридор, Чарли обнаружил, что у одной двери стоит пара мужских сапог, а у следующей – дамских атласных туфелек. На лестничной площадке угнездился синий фаянсовый горшок с каким-то высоким комнатным растением, а рядом красовалась декоративная урна, и из нее по стене тянулся плющ.

– Этого тут не было! – вырвалось у пораженного Чарли.

Все эти неожиданно проявившиеся мелочи не помешали ему с легкостью отыскать дорогу назад, в спальню. Однако на подходе к спальне в лицо Чарли ударил слепяще-яркий луч другого фонарика, узкий, как лезвие. Первым порывом Чарли было погасить свой, то есть кухаркин, фонарик. Мальчик замер, затаив дыхание.

Тот, слепящий луч тоже погас. Его владелец, кто бы он ни был, видимо, выжидал, что же предпримет Чарли. И Чарли осторожно попытался двинуться вдоль стены на ощупь. Он точно знал, что дверь его спальни – вторая слева; миновав первую, он опять застыл, чутко прислушиваясь в ожидании шагов. Тишина. Чарли метнулся к своей двери и с размаху налетел на какую-то щуплую фигурку, ахнув от неожиданности.

– Ай! – приглушенно пискнула фигурка. – Ты отдавил мне ногу!

– Билли, это ты? – шепотом осведомился Чарли.

– Ну я, а что?

– Не глупи. Я просто спросил. – Чарли включил фонарик.

Билли Гриф заморгал красными глазами за блестящими стеклами очков. Под носом у него темнели шоколадные усы.

– Куда ты ходил? – спросил он.

– А ты куда ходил? – быстро парировал Чарли, отводя луч своего фонарика в сторону.

Билли промолчал.

– Лично я просто сбегал в туалет. А вот ты, кажется, навестил кого-то, кто угощал тебя шоколадом.

– Вообще-то не шоколадом, а какао, – поправил Билли. – А туалет всегда был в ту сторону, а не в эту.

– Значит, я спросонья пошел не туда, – бойко отозвался Чарли.

Билли подозрительно блеснул на него очками, но опять ничего не сказал и скользнул в спальню. Чарли последовал за ним и поспешно залез в постель. Билли, судя по шороху, еще некоторое время возился, устраиваясь поудобнее, потом настала тишина.

Интересно знать, кто это поил альбиноса какао, да еще глубокой ночью? И за какие такие заслуги? В награду за отличный шпионаж, что ли? Так, Душка видел Генри в комнате у кухарки, а Билли понимает язык животных. Значит, в самом скором времени щедрый поилец какао узнает о Генри. Плохо, очень плохо. Но Чарли так хотелось спать, что голова у него совершенно не соображала. Он понял, что надо любой ценой предупредить кухарку, и на этой конструктивной мысли уснул.

Но утро принесло Чарли новые волнения, на время вытеснившие беспокойство о судьбе гостя из прошлого.

Завтрак уже почти подошел к концу, когда двери столовой распахнул резкий порыв штормового ветра. Он пролетел по обширному помещению, сметая на пол посуду и опрокидывая столы. Чашки и тарелки со звоном разлетались на куски, ученики и учителя с криками ужаса уворачивались от летевших по воздуху вилок и ножей. Большинство детей натянули на голову капюшоны и попрятались под столами.

В относительной безопасности этого убежища Чарли с Фиделио наткнулись на Оливию – она как раз ползла на четвереньках им навстречу.

– Что происходит? – с трудом перекрикивая вой ветра и грохот всего остального, спросил Чарли.

– Наверняка Танкред опять буйствует. Говорят, у них с Лизандром вчера вечером вышла ужасная ссора.

– Танкред? Тогда надо пойти и успокоить его. – Чарли опасливо высунул нос из-под стола, но Фиделио крепко ухватил приятеля за край плаща.

– Какой смысл? – прокричал он. – Тут ничем не поможешь. Он не в первый раз с катушек слетает, сам знаешь. Надо просто оставить его в покое, пока он не выпустит пар.

– Нет! Мне надо до него добраться! Чарли и сам не мог бы сказать, отчего ему вдруг позарез понадобилось переговорить с Танкредом. Наверно, потому, что Танкред спас его во время игры в руинах, и теперь Чарли чувствовал: надо хотя бы попытаться его успокоить.

Пригибаясь и придерживая рукой капюшон, Чарли с трудом двинулся против ветра к выходу из столовой, а потом, с не меньшим усилием, по коридору, в котором завывало и гудело. Сила Танкредовой ярости была поистине страшной. В коридоре бушевал шквал. Чарли еле шел и едва дышал, нос и рот ему забило пылью, глаза слезились, а со стен коридора то и дело с треском обрушивались портреты, преграждая ему путь. То и дело острый угол какой-нибудь рамы бил его по голове, ударял в спину или норовил стукнуть по руке, которой Чарли вцепился в капюшон.

Но Чарли, сжав зубы, продвигался дальше. Вдруг он заметил, что впереди медленно, как черепахи, ползут две фигуры в развевающихся фиолетовых плащах.

Манфред и Аза.

Надо поскорее добраться до Танкреда! И успеть первым! Ведь если Манфред обгонит его, Чарли, то наверняка загипнотизирует Танкреда, и уж точно не на несколько минут. Ну да, подкрадется неожиданно, и готово. С Манфреда станется погрузить его в такой же жуткий сон наяву, в котором Эмма Толли провела восемь лет. Нет, этого допустить нельзя!

Пока что Манфред с Азой его опережали. Выбравшись в холл, Чарли увидел, что тут бушует настоящая буря и враги хватаются за мебель и стены, чтобы не упасть.

Позолоченная ручка какого-то шкафчика, за который уцепился Аза, вдруг с треском отлетела, рыжий оборотень взвизгнул и покатился на пол. Манфреду повезло больше: он обвил руками лестничные перила, и его мотало, как матроса, привязавшегося к мачте.

Чарли быстро огляделся. Как быть, за что удержаться? Того и гляди, ветер шмякнет его об стену, так что только мокрое место останется. Под сводами холла выло и гудело, ярость Танкреда была так сильна, что массивные стулья взлетали в воздух, точно спички. И вдруг Чарли заметил Танкреда: тот стоял у высоких дверей, которые вели на свободу, во внешний мир, соломенные его волосы вздыбились щеткой. В нескольких шагах от него разевал рот доктор Блур, согнутый пополам от ветра, но что именно он кричал, Чарли расслышал не сразу – так выл ветер.

– Танкред Торссон, успокойся! Возьми себя в руки! Немедленно отойди от дверей!

Танкред и ухом не повел. Ветер усилился – если такое вообще было возможно, – и дальнейшие крики доктора Блура потонули в шуме и грохоте.

Внезапно Манфред выпустил перила и, пригнувшись и отплевываясь от летящей пыли, двинулся к Танкреду.

Кричать «берегись!» бесполезно. Танкред все равно не услышит.

Манфред уже почти вплотную подобрался к повелителю буре, но тут Танкред развернулся, заметил противника и в гневе шарахнул его таким разрядом электричества, что староста отлетел от него, как мячик. В тот же миг тяжелые двери холла громко треснули и распахнулись настежь.

Танкред, вскинув взлохмаченную голову, вышел вон, и за ним улетел шквальный ветер. Доктор Блур поспешно бросился запирать двери, но они не просто отворились – их так покорежило, что закрыть их было невозможно. Внушительный ключ, который директор академии неизменно носил с собой, тщетно щелкал в сломанном замке.

– Несите сюда сундук! – велел доктор Блур, махнув Азе и сыну.

Те послушно оттащили от стены тяжеленный сундук, выдержавший бурю. Пол был усеян обломками и мусором. Ничего себе, сколько, оказывается, в холле было хлама! Если бы не Танкредова буря, никто бы об этом и не узнал.

Под ногами у Чарли валялась черная перчатка. Он нагнулся и машинально сунул находку в карман.

Тем временем Аза с Манфредом, обливаясь потом, доволокли сундук и приперли им двери.

– Пока пусть так постоит, – решил доктор Блур, – а потом Уидон их починит. Еще не хватало, чтобы кто-нибудь сбежал.

«Ага, можно подумать, у нас тут тюрьма!» – мысленно возмутился Чарли.

В холл уже начали осторожно выглядывать любопытные, но Манфред по закону подлости заметил Чарли первым.

– Бон, что ты тут делаешь?

– Пытаюсь попасть в актовый зал, – с честным видом ответил Чарли.

У Манфреда не нашлось что на это возразить.

– Ну так пошевеливайся, не то опоздаешь, – раздраженно бросил он, вытирая лоб.

У дверей музыкальной раздевалки Чарли нагнал Фиделио.

– Ничего себе, а? – прошептал он. – Натуральный ураган! Тайфун «Танкред»!

В холле поднялся гвалт: от возбуждения многие ученики забыли о пресловутом правиле молчания. Раздосадованный Манфред немедленно объявил всем провинившимся, что они оставлены после уроков, и разогнал притихших преступников за метлами и совками.

– Ну вот, теперь-то Оливии точно не придется страдать от одиночества в субботу, – заметил Фиделио. – Манфред упек после уроков не меньше шести человек. А то и больше.

Чарли присел на ближайший уцелевший стул и принялся стряхивать с плаща пыль и налипший мусор. Почему-то на него внезапно навалилась невероятная усталость, и он в изнеможении прислонился к стене.

– Что с тобой, Чарли? – забеспокоился Фиделио. – Тебя как из розетки выключили.

– Плохо, что Танкред ушел. Надо непременно его вернуть, – проговорил Чарли.

– Почему? Зачем?

– Понимаешь, не могу толком объяснить. Он мне помог тогда, зимой, а теперь взял и ушел. Его же исключить могут!

– Не исключат, – уверенно возразил Фиделио. – Особо одаренных никогда не исключают. Рано или поздно он успокоится и вернется.

– Лучше бы рано, а не поздно, – пробормотал Чарли. И он был прав: без Танкреда в академии определенно чего-то не хватало.

В тот вечер Чарли первым явился в Королевскую комнату и засел за уроки. Вторым пришел Габриэль Муар, и вид у него был такой, точно ему не по себе. Он разложил учебники рядом с Чарли и озабоченно сказал:

– Плохи наши дела. Что-то не так.

– Это ведь из-за Танкреда? – тотчас спросил Чарли. – Мне тоже как-то нехорошо. Будто земля из-под ног уходит.

– И мне, – согласился Габриэль. – Надо его обязательно вернуть, и как можно скорее. Пойдешь со мной в выходные, Чарли?

– Домой к Танкреду?

– Именно. Он живет неподалеку от меня, но в очень беспокойном обиталище. Их дом так и называют – «Громовой дом».

– А что, Танкред в семье не один такой... э-э-э... бурно одаренный?

– Еще как не один. Папаша у него просто смерч.

– Ого! – Чарли тут же задумался, так ли уж ему хочется идти в подобные гости.

– Хотел бы я знать, куда подевались все остальные? – Габриэль оглянулся на дверь. – Опаздывают на десять минут. Манфред же всегда первым приходит.

На пороге Королевской комнаты возник Лизандр с пачкой набросков. Обычно жизнерадостный, сейчас он выглядел озабоченным и недовольным.

– А где все? – удивился он. – Я-то думал, опаздываю!

Чарли в ответ пожал плечами.

– Все исчезли – как Танкред, – сказал он и тут же пожалел о своих словах, потому что Лизандр сделался совсем как в воду опущенный.

– Из-за чего вы с ним поссорились? – осторожно поинтересовался Габриэль.

– Никто не ссорился, просто он меня неправильно понял, – буркнул Лизандр. – А все из-за Манфреда, будь он неладен. Додумался тоже, что спросить: не может ли Танкред устроить для меня погоду потеплее, а тот разозлился и сказал, мол, это не по его части, а я хотел его поддержать и говорю, дескать, ладно тебе, Танкред, и на том спасибо, я не в претензии.

– Танкред разве умеет управлять температурой?

– Нет, конечно, в том-то все и дело. – Лизандр плюхнулся на стул. – Он вообще к своему дару относится ужасно нервно, вот и взорвался. Ах да, вы ведь при этом были. Надо же мне было забыть, что с Танкредом на эти темы лучше не шутить! Вообще я подозреваю, что это Манфред подстроил, чтобы я забыл. Гипноза он на меня не наводил, но пялился – знаете, как он пялится. Я был как в тумане.

– Мы в субботу собираемся в «Громовой дом», – сообщил Габриэль. – Айда с нами. Тебя-то он точно послушается.

– Насчет этого не уверен. – Лизандр мрачно покачал курчавой головой. – Но пойду обязательно.

Некоторое время трое мальчишек сидели погруженные в угрюмое молчание, а потом Чарли вспомнил про черную перчатку и выложил ее на стол.

– Вот, нашел в холле, когда Танкред удалился, – объявил он.

– Это не его. Она, похоже, дамская. – Лизандр рассматривал находку. – Наверно, старинная, лежала себе в каком-нибудь пыльном шкафу сто лет.

Перчатка была из мягкой кожи самой тонкой выделки, с длинными пальцами, и застегивалась на запястье на ряд крошечных пуговиц.

Габриэль смотрел на перчатку с сосредоточенным интересом, потом потянулся к ней.

– Не тронь! – неожиданно для себя завопил Чарли.

Но было поздно. Габриэль уже натянул черную перчатку. Его лицо внезапно исказилось от боли, из груди вырвался стон.

Чарли хотел было помочь ему снять перчатку, но Габриэль упал лицом на стол и остался неподвижен.

– Обморок! – пронзительно крикнул Лизандр. – Что с ним? Почему?

– Из-за перчатки, – поспешно объяснил Чарли. – Ты же знаешь, у него дар насчет вещей. Он чувствует то, что чувствовали предыдущие владельцы.

– Да уж, значит, владельцу этой перчатки пришлось совсем туго. – Лизандр озабоченно щупал лоб Габриэля. – Слушай, он похолодел!

– Габриэль! Габриэль, да очнись же! – заголосил Чарли, пытаясь стянуть черную перчатку с руки бесчувственного мальчика. Но

тщетно: злосчастная перчатка сидела как влитая. Можно было подумать, будто она прилипла.

Габриэль с трудом повернул голову.

– Рука... больно... о-о-о... – невнятно простонал он.

– Это из-за перчатки, – объяснил ему Чарли. – Нам никак не удастся ее с тебя стащить.

– М-м-м... – Габриэль выпрямился и принялся сдирать перчатку с правой руки. —

Больно-то как! У меня все пальцы переломаны! Помогите! Пожалуйста!

Чарли стал тянуть за кончики перчаточных пальцев, а Лизандр одновременно пытался подцепить кайму на запястье. Но у них ничего не получалось. Габриэль тяжело дышал, преодолевая стоны. Ему удалось выдавить:

– Она пыталась придержать дверь, а он с размаху захлопнул ее и прищемил ей пальцы и сломал.

– Кто? Кто это сделал? – спросил Чарли.

– По-моему... ох... по-моему, это была женщина. Она пыталась выбраться, она мотала головой, хотела сказать им, что не станет их слушаться... – Габриэль вновь застонал. – А он... мальчик, мне кажется, это был Манфред, так вот, он захлопнул дверь и давил и давил, пока не сломал ей пальцы. О-о-о... Больно... Точно, это Манфред, но он тогда был младше... Ай! – Габриэль опять упал лицом на парту.

Тут в дверь поскреблись, и в Королевскую комнату заглянула Оливия.

– Вот вы где! – воскликнула она. – Фиделио послал меня на поиски. Сам он не мог уйти, потому что сидит в первом ряду.

– В первом ряду? – переспросил Чарли.

– Только не говорите, что вы все забыли. В театре сегодня концерт. Ой, а что с Габриэлем?

– Ему плохо, – отозвался Лизандр.

– Это видно невооруженным глазом. Только лучше все равно оттащите его в театр, если не хотите, чтобы вас оставили после уроков.

– Габриэль, ты идти сможешь? – мягко спросил Лизандр.

– Раз надо, значит, пойду, – простонал бедняга Муар.

– Тогда идем. Чарли, помоги мне! Вдвоем они поставили Габриэля на ноги, он положил руки им на плечи. Чарли как раз поддерживал Габриэля справа, и у него сердце упало, когда на плечо ему легла скрюченная мальчишеская рука в черной дамской перчатке.

– Пойду-ка я вперед и подыщу вам три свободных места где-нибудь в последних рядах. – И Оливия умчалась.

Они дотащились до зала как раз к началу концерта.

– Сейчас тебе придется пройти немного самому, – шепнул Лизандр Габриэлю.

– Угу, – проворчал тот.

Чарли осторожно натянул рукав его плаща так, чтобы прикрыть перчатку, а потом помог Лизандру усадить несчастного страдальца на одно из трех мест, которые верная Оливия отыскала для них в последнем ряду.

К несчастью, их запоздалое появление в зале не укрылось от бдительного ока доктора Солтуэзера. Он грозно насупился, многообещающе покачал всклокоченной головой, затем вновь повернулся к сцене. Собственно, концерт еще не начинался: посреди сцены высился доктор Блур и говорил пространную речь о музыке. Вскоре до опоздавших дошло, что он излагает жизнеописание гостя академии, знаменитого пианиста Альберта Терцини.

Сама знаменитость, смуглый кудрявый мужчина с непроницаемым лицом, сидел за роялем, скрестив руки на груди, и терпеливо ждал окончания речи. Время от времени он косился на алый бархатный задник.

Наконец директор договорил. Зал бурно зааплодировал. Альберто Терцини крутанулся на круглом вертящемся табурете, взмахнул руками, и его длинные пальцы легли на клавиатуру.

Габриэль Муар и сам учился на музыкальном, причем играл именно на фортепиано, и теперь он с возрастающим вниманием слушал игру Терцини. Постепенно дыхание мальчика выровнялось, искаженное лицо разгладилось, он забыл о боли и с удовольствием слушал сложные фиоритуры и пассажи.

Вторая пьеса, которую исполнял Терцини, отчего-то показалась Чарли знакомой, но откуда – он вспомнить не мог. Какое-то давнее туманное воспоминание, может быть, из совсем раннего детства – вот что навевала эта музыка. «Может, папа играл эту пьесу?» Чарли

слушал, слушал и незаметно для себя задремал. Ему приснилась та самая комната, о которой рассказывала бабушка Бон, – белая, со светлыми шторами на высоких окнах, пустая, если не считать рояля. А за роялем сидел отец, но лица его Чарли различить не мог. Он ведь даже не помнил, как выглядел папа, потому что бабушка Бон уничтожила или спрятала все фотографии своего единственного сына.

– Чарли! Просыпайся! – Габриэль дергал Чарли за рукав.

Чарли вздрогнул и открыл глаза. Сцена уже опустела, и публика теснилась в проходах между рядами, направляясь к выходу.

– Сколько ты проспал? – спросил Габриэль.

– Не знаю, – честно ответил Чарли. – Похоже, почти весь концерт. – Он с усилием поднялся со стула.

Из зала все трое вышли вместе, но Лизандру следовало идти в другую спальню.

– Тебе не лучше? Ты поправишься? – спросил он Габриэля на прощание.

– Выживу как-нибудь, – невесело усмехнулся тот.

– Мы попытаемся снять перчатку еще раз, – пообещал окончательно проснувшийся Чарли.

В спальне он рассказал о перчатке Фиделию, и вдвоем они совершили на нее новую атаку. Мальчики провозились минут пять, не меньше, и все без толку. Габриэль отправился в ванную и прибег к мылу и воде, но и это не помогло.

Габриэль вернулся расстроенный.

– Бедная ее хозяйка, – пробормотал он, устало опускаясь на край койки. – Должно быть, сломала себе все пальцы.

– А кто она была, ты знаешь?

– Она не была, она есть, – поправил Габриэль. – Она жива, более того, живет в академии. Я ее как-то видел. Это траурная дама из музыкальной башни. Раньше я думал, что она привидение, но, оказывается, ошибался. Просто она никому не нужна и совсем одинока.

К ним незаметно подкрался Билли Гриф и уставился на перчатку.

– Что это у тебя? – поинтересовался он у Габриэля.

– А как по-твоему, на что это похоже? – без особого тепла в голосе спросил Фиделию.

– На перчатку. А почему ты в одной перчатке, Габриэль?

– Снять не могу, вот почему, – вздохнул Муар.

Билли сосредоточенно свел белесые брови. Вопросов он больше не задавал, но вернулся к своей койке с видом глубокой задумчивости.

Последующие попытки снять перчатку также не увенчались успехом. От воды и мыла упрямая перчатка охватила руку как вторая кожа.

– Не тратьте силы, ребята, – посоветовал Габриэль. – Придется мне так с ней и спать. Может, за ночь она высохнет и наконец слезет. – Он широко зевнул. – Ох, я так устал, что готов заснуть где угодно и в чем угодно.

И точно, едва опустив голову на подушку, Габриэль забылся сном. Но ночью его мучили кошмары, он стонал от боли и ворочался с боку на бок.

Габриэль производил такой шум, что был единственным, кто спал: остальным, в том числе и Чарли, не удалось даже глаз сомкнуть. Дамиан Сморг швырнул в стонавшего во сне Габриэля подушкой, но тот не проснулся, только зарылся в одеяло и вздохнул.

Наутро, а также днем и вечером Чарли с Фиделио несколько раз подступались к перчатке, но она как будто приросла к руке Габриэля намертво. Сама рука безжизненно висела вдоль тела. Габриэль уже стал жаловаться на то, что не чувствует пальцев.

Мальчики не знали, что и делать. Разумеется, посвятить в это дело надзирательницу было невозможно. И вдруг Чарли осенило. Когда свет в спальне погас, он перевесился со своей койки к страдальцу Габриэлю и шепнул:

– Кажется, я знаю, кто тебе поможет.

– Кто?

– Один человек, который живет за кухней. Только надо подождать до полуночи.

– Хорошо, тогда разбуди меня.

– Договорились.

Чарли пообещал кухарке, что никому не откроет тайну убежища Генри. Но привести к ней еще одного мальчика, нуждавшегося в помощи, – это совсем другое дело, этим он секрета не выдаст. И к тому же тут дело неотложное, и на кухарку вся надежда.

Глава 8

НАЗАД ВОЗВРАТА НЕТ

В пять минут первого Билли Гриф тише мыши выскользнул из спальни. Но бодрствовавший Чарли это заметил и забеспокоился: надо успеть провести Габриэля к кухарке до возвращения Билли. Получится ли?

– Габриэль! – Он потряс спящего соседа за плечо. – Подъем! Нам пора!

Габриэль выбрался из постели и, с трудом орудуя одной рукой, завернулся в халат.

– Я готов, – шепнул он.

Чарли взял его за здоровую руку и вывел из спальни. Только в коридоре он отважился включить кухаркин фонарик. В его мягком свете длинный коридор, как и в прошлый раз, был отчетливо виден весь, до мельчайших подробностей.

– Ого, – восхитился Габриэль, – вот это да!

– Иди за мной и не отставай, – поторопил его Чарли.

Он двинулся вперед трусцой, стараясь производить как можно меньше шума. Габриэль старательно поспевал за ним, пошатываясь и шлепая тапками, которые были ему великоваты.

Когда они наконец добрались до буфета, служившего входом в потайное обиталище кухарки, Габриэль уже совсем изнемог. Пальцы под перчаткой сводило судорогой, и мальчик корчился от боли.

Чарли вовсе не хотел вламываться к кухарке без предупреждения, поэтому вежливо постучал в дверцу буфета.

За ней что-то зашуршало, потом в буфете приоткрылась осторожная щелка.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнула кухарка, заведя Чарли. – Что ты тут делаешь?

– Извините, – робко начал Чарли, – но тут такое приключилось...

Габриэль за спиной у Чарли не сдержался и глухо застонал, баюкая больную руку.

Дверца тут же распахнулась. Кухарка, в алом пеньюаре, обозрела бледного Габриэля и у нее вырвалось:

– Мать честная! Это еще кто?

– Габриэль Муар, – объяснил Чарли, – у него вышел несчастный случай с перчаткой, и...

– Ай-ай-ай, – покачала головой кухарка. – Ну-ка заходите, быстренько.

Чарли бережно провел друга внутрь, и Габриэль в изумлении обвел глазами комнату кухарки.

– Как тут славно, – заметил он. Кухарка усадила его в кресло и осмотрела больную руку. Чарли тем временем поведал ей, как нашел перчатку и почему Габриэлю от нее так худо.

– Хм-хм... – пробормотала кухарка. – Так это же перчатка Дороти!

– Дороти? – переспросил Чарли.

– Так зовут траурную даму, – пояснил Габриэль. – Она обитает в музыкальной башне. Я ее видел. Ей сломало пальцы дверью.

– А-а, вот как вы ее прозвали, – протянула кухарка. – Траурная дама. Да будет вам известно, что эта траурная дама не кто иная, как миссис Блур.

– Что?! Мама Манфреда? – поразился Чарли. – А я-то думал, она... ну, умерла.

– Многие так полагают, но она, бедняжка, жива, если только это существование можно назвать жизнью, – вздохнула кухарка. – Когда Манфред сломал ей пальцы, она сдалась. Можно сказать, совсем в тень превратилась. Она иногда проскальзывает ко мне поболтать. Но она такое несчастное создание, тихое, печальное.

– Это точно, – согласился Габриэль. – У меня от этой перчатки такое ощущение – хоть вешайся.

– Ну, ну, прекрати подобные разговорчики! – Лицо кухарки мгновенно сделалось строгим. – Сейчас мы ее снимем, и моргнуть не успеешь. Только имей в виду: единственный, кто может ее снять, – это хозяйка перчатки.

– Почему? – удивился Чарли.

– Потому что потому. Видите ли, у музыкантов совершенно особые руки. Перчатка впитала в себя все ощущения хозяйки и, насколько я понимаю, прямо-таки приросла к тебе как вторая кожа, Габриэль.

– Я бы предпочел обойтись без сдирания кожи, – передернулся Габриэль. – Боль плохо переношу, и тошнить начнет.

– М-да, в мое время особо одаренные дети отличались куда большим стоицизмом. – Кухарка легко поднялась. – Схожу за Дороти.

Она открыла дверцу другого высокого буфета, углового, и мальчики на секунду увидели, что за ней начинается узенькая лестница. Впрочем, дверь тут же закрылась. За стеной куда-то вверх промчались быстрые шажки. Кухарка бегала с удивительным для такой комплекции проворством и легкостью.

– Вот это так место! – сказал Габриэль, переводя взгляд с ярких картинок на старинную мебель. – В жизни бы не подумал, что под нашей мрачной академией – и вдруг такое.

– И я бы тоже, – кивнул Чарли. – По-моему, эти комнаты не только под академией, но и под городом. Смотри, вон в то окошко в потолке небо видно.

Габриэль посмотрел на окошко, откуда позапрошлой ночью явились огненные коты.

– А что там?

– Кто знает? – пожал плечами Чарли. – Может, чей-нибудь сад. А может, улица. – Говорил он рассеянно, потому что мысли его то и дело возвращались к Генри. Неужели кухарке удалось отправить его обратно в прошлое? Или он сбежал?

Над головой у мальчиков пробежала быстрая дробь шажков, за ней что-то зашаркало. Кухарка возвращалась не одна.

Через несколько секунд дверца углового буфета вновь распахнулась, и вслед за кухаркой в комнату вошла женщина в бесформенном черном платье. Голова ее была окутана темной шалью, лица почти не видно, да и шла она, понутив голову, точно что-то искала на полу.

– Садитесь, Дороти, милочка. – Кухарка придвинула стул поближе к Габриэлю. – Знакомьтесь, это Габриэль, и он у нас, кажется, никак не может расстаться с вашей перчаткой.

Дороти нагнулась над беспомощной рукой Габриэля, потом вдруг обернулась к Чарли. Шаль упала ей на плечи, показалось бледное лицо с серыми глазами, обведенными темными кругами. Волосы у миссис Блур были совсем седые.

– А это кто? – едва слышно спросила она.

– Чарли Бон, очень приятно, – поспешно сказал Чарли, тоже стараясь говорить негромко.

– Да? – отозвался голосок миссис Блур. – Так ты и есть Чарли. Я знаю... я знала...

Миссис Блур забыла, что хотела сказать, и вновь переключила свое внимание на Габриэля.

– Бедняжка, ты ведь играешь на фортепиано! Мне нравится тебя слушать. Я сделаю для тебя все возможное, но видишь, у меня действует только одна рука. Над другой тяготеет заклятие. А с руки оно переходит и на полотенца, и на перчатки, так что приходится его все время смывать, а оно не смывается. Нет, не смывается...

Мальчики ахнули от ужаса.

– Кто его на вас наложил? – не выдержал Чарли.

Вместо ответа миссис Блур испуганно замотала головой. Правой рукой она принялась медленно, осторожно стаскивать с Габриэля перчатку. Чарли, затаив дыхание, не сводил с нее глаз. Вот уже показались пальцы. Последний рывок – и перчатка наконец сошла.

– Уф! – выдохнул Габриэль и затряс освобожденной рукой. – Сразу легче стало. Правда! Спасибо вам!

– Я очень рада, – едва слышно отозвалась миссис Блур, а потом по настоятельной просьбе Габриэля поведала мальчикам свою историю.

Дороти де Вер с юных лет проявила себя как талантливая скрипачка. Вскоре после того, как она получила крупное наследство от тетушки, за ней стал ухаживать доктор Гарольд Блур. Через год они поженились, и Дороти перевела часть своего состояния на имя мужа. Тогда-то и начались ее неприятности. Сын Дороти, Манфред, возненавидел музыку как таковую. Стоило ей взяться за скрипку, как он поднимал крик. Поэтому вскоре Дороти отваживалась играть только в комнате, где ее никто не слышал. К тому же старик Иезекииль Блур осаждал ее требованиями перевести на Блуrow все состояние целиком. Дороти отказалась. По совету отца она поместила деньги на секретный счет в швейцарском банке и не собиралась никому их уступать, тем более что в мрачной академии она чувствовала себя глубоко несчастной и вынашивала планы бегства.

– Блуры вытворяли с людьми такие ужасы, что я просто не могла больше этого выносить. И вот настал тот день, ненастный, ветреный

день... – Еле слышный голос миссис Блур делался все тише, затем умолк, и остаток истории мальчикам рассказала кухарка.

Итак, в тот день поднялась ужасная буря, и Дороти, надеясь, что из-за непогоды отъезда ее никто не заметит, начала поспешно складывать вещи. Она уже собралась в путь, как вдруг к ней в комнату появился Манфред.

– Никуда ты не поедешь, – закричал он. – Мы тебя не пустим! Пока не отдашь деньги, никуда не пустим!

Дороти была тверда и вновь ответила отказом. Сын пригрозил, что запрет ее в комнате. Дороти пыталась воспрепятствовать этому, и тогда Манфред хлопнул дверью и сломал пальцы, которыми она цеплялась за косяк.

Голова миссис Блур опустилась еще ниже. Она дрожала как осиновый лист.

– Расскажите им все, – прошелестела она. – Чарли Бон должен все знать.

– От боли бедняжка упала в обморок, – продолжала кухарка, – а очнувшись в своей постели, и рядом сидел старик Иезекииль. Он прикладывал к ее больной руке примочку, пропитанную одной из тех ядовитых микстур, которые в изобилии составлял, – чтобы пальцы подольше не заживали. Старик глумливо сообщил Дороти, что на скрипке ей больше не играть. И что академию она не покинет до самой смерти. Блуры решили изобразить, что она умерла, поэтому ей было велено немедленно отдать им деньги.

– Но я этого не сделала, – прошептала Дороти. – Так и не сделала...

Наступила тяжелая пауза. Габриэль вздохнул, а Чарли, как будто очнувшись ото сна, вспомнил, что им надо вернуться в спальню, по возможности опередив Билли.

– Нам пора, – поспешно сказал он. – А скажите, – обратился он к кухарке, – где... ну, вы знаете, о ком я?

– Спит, – отвечала кухарка.

Чарли завертел головой, но ни постели, ни Генри не увидел. Кухарка рассмеялась.

– Это не единственная моя комната, – объяснила она. – У меня еще есть прелестная ванная и ватерклозет, но обзорную экскурсию мы отложим на потом, до лучших времен. Ну, мальчики, бегом марш!

– Ой, так я же завтра еду домой, – спохватился Чарли. – Как же я вытащу Генри?

– Получается, что никак не вытащишь, но это даже и к лучшему, – успокоила его кухарка. – Согласись, Генри вовсе ни к чему попадаться на глаза сестрицам Юбим. А я пока как следует подумаю, как с ним быть дальше.

«Ого, сколько она всего знает про мою семейку!» – поразился Чарли.

Мальчики стали прощаться с хозяйкой и ее печальной гостьей. Прежде чем уходить, Габриэль вдруг отвесил миссис Блур учтивый поклон и бережно поцеловал ей руку – ту самую, искалеченную. «Во дает! – подумал Чарли. – Удивительный он все-таки тип». Но миссис Блур просияла – впервые за все это время, – и лицо у нее сразу сделалось на десять лет моложе, а на щеках возникли ямочки.

Чарли повернулся к кухарке.

– Я вот хотел спросить насчет фонарика, – решился мальчик. – Он ведь волшебный? Высвечивает всякое такое, чего я раньше не замечал.

– Волшебный не только фонарик, но и ты сам, Чарли, – непонятно ответила кухарка. – То ли еще будет, дружок.

По дороге в спальню Габриэль поинтересовался:

– Что за таинственный Генри?

Чарли вкратце открыл ему тайну Времяворота; он твердо знал, что Габриэлю можно довериться. Тот был поражен историей о госте из прошлого.

Путь до спальни обошелся без приключений, более того, им повезло: они на несколько минут опередили Билли Грифа, возвращавшегося со своей подозрительной ночной прогулки.

Наутро Габриэль вручил Чарли клочок бумаги:

– Мой адрес. Не забудь, мы идем к Танкреду, в «Громовой дом».

Чарли предложил Фиделио присоединиться.

– Шторм-стрит, Вершины, – прочитал тот адрес. – И как мы туда доберемся?

– Что-нибудь придумаем.

Остаток дня Чарли ломал голову, как же связаться с Генри до выходных. Манфред дважды перехватывал его на подступах к кухне и на второй раз пригрозил, что оставит после уроков, и Чарли, который был готов пойти даже на это, вовремя сообразил, что Генри в

надежном убежище под защитой кухарки, а вот Танкреда надо срочно вернуть. Дело в том, что его отсутствие влияло на особо одаренных престранным образом: они четко разделились на два лагеря, и самому Чарли, Лизандру, Габриэлю и даже Эмме Толли было не по себе, словно совсем рядом – там, где в Королевской комнате пустовал стул Танкреда, – разверзлась пропасть и из нее тянуло холодом и ужасом. Все они утратили аппетит и едва соображали. Эмма и та жаловалась на скверное самочувствие. А вот Манфред, Зелда и даже Билли Гриф, напротив, прямо-таки лучились здоровьем, бойко делали уроки и ели за обе щеки.

Надо было немедленно исправлять положение.

Когда наступил долгожданный вечер и дети потянулись через высокие двери на свободу, Чарли обернулся и увидел на лестнице Оливию и Бинди. Он виновато помахал им, но у Оливии вид был несколько не огорченный, и она явно предвкушала очередное приключение. Только бы эта егоза не придумала какую-нибудь слишком опасную авантюру!

Синий автобус, как всегда, высадил Чарли в начале Филберт-стрит. Навстречу мальчику уже бежали Бенджи и Спринтер-Боб.

– Ну и тоска была на этой неделе! – пожаловался Бенджи. – А у тебя?

Чарли отчитался обо всем, что случилось за неделю.

– Да-а, нескучно тебе живется, – заметил Бенджи. – Но я бы на такое не согласился.

– А я разве соглашался? У меня и выбора никакого не было, – вздохнул Чарли. – Я просто стараюсь уцелеть любой ценой, вот и все.

Не успел Чарли позвонить в дверь номера девять, как на крыльцо вылетела Мейзи и принялась душить его в объятиях.

– Чай на столе! – воскликнула она, увлекая внука на кухню. – Приготовила все, что ты любишь. И все твое любимое тоже, Бенджи. Проходи, проходи. А для Спринтер-Боба у меня припасена отличная косточка.

Только мальчики уселись за стол, готовясь воздать должное Мейзиной стряпне, как в кухню вплыла бабушка Бон. Сразу было видно, что она намерена испортить Чарли аппетит.

– Это что? – требовательно спросила старуха, резко сунув Чарли под нос фотографию Генри Юбима и его семьи.

– Старая фотокарточка, – уклончиво ответил Чарли.

Так, прекрасно, бабушка Бон рылась в кабинете у дяди Патона. Ой, что будет! Не миновать скандала!

– А что с ней такое случилось? Где стекло?

– Она упала со стены, когда вы хлопнули дверью.

Ох, не стоило говорить этого старухе.

– Я хлопнула дверью? – вскипела бабушка Бон. – Это ты, Чарлз, разбил стекло, и еще увливаешь!

– Он правду говорит, – пылко вступилась Мейзи. – Мальчик не виноват, а разбитую фотографию он сразу принес сюда. Я и стекло выметала.

– Рамка принадлежала *мне*, – процедила бабушка Бон. – И она была *антикварная*. Впрочем, сейчас меня интересует не рамка, а мальчик. – Костлявый палец уперся в лицо Генри. – Ты ведь его видел, Чарлз?

– Нет, конечно, – быстро ответил Чарли. – Фото же старое. Ему, наверно, сейчас лет сто.

Бенджи не поднимал головы от тарелки с бутербродами, стараясь не встречаться с Чарли глазами.

– А вот у меня есть неопровержимые данные о том, что Генри Юбим вернулся, – ледяным тоном заявила старуха Бон, чеканя каждое слово, – и что ты, Чарлз, его видел.

«Ага, Душка все выложил Билли Грифу, – смекнул Чарли, – а тот уже настучал надзирательнице тетке Лукреции, или Манфреду, или еще кому-нибудь из этой теплой компании».

– Гризелда, вы ведете себя глупее некуда, – вмешалась Мейзи. – Чарли всю неделю просидел взаперти в этой жуткой, мрачной академии и никоим образом не мог видеть мальчика! Он что, призрак, этот мальчик?

– Не вашего ума дело, – отрезала бабушка Бон.

– А портить Чарли ужин – вашего ума дело? – звонко возмутилась Мейзи, уперев руки в боки – в точности как разгневанная кухарка.

Это было типичное начало скандала в доме номер девять, и Чарли прекрасно знал, как он будет развиваться дальше. Ну почему надо начинать склоки, как только он, Чарли, вернулся домой! Ни минуты покоя. Чарли скорчил гримасу и перемигнулся с Бенджи. Тот понимающе закатил глаза. Под аккомпанемент скандала мальчики

успели поглотить немало снеди. Бабушки метали друг в друга громовые оскорбления. Спринтер-Боб, так сказать, подпевал: оторвавшись от косточки, он время от времени издавал недовольный вой, поскольку терпеть не мог, когда двуногие шумят.

Когда турнир по взаимным оскорблениям подошел к концу, старуха Бон, трясаясь от злобы, заявила:

– И не думайте, что вам это сойдет с рук!

Не уточнив подробности, она вылетела из кухни и хлопнула дверью.

– Чудненько, – перевела дыхание Мейзи. – Вот так цирк!

– Кому цирк, а кому и не цирк, – проворчал Чарли, дожевывая бутерброд с ветчиной. – У меня лично была очень тяжелая неделя.

– Мадам Бон на старости лет совсем из ума выжила, – фыркнула Мейзи. – Где это видано, мальчик ста лет от роду!

– Ну, ему несколько меньше, – не подумав, брякнул Чарли.

– Что? – Мейзи сделала понимающее лицо. – Ясно. С тобой опять чудеса творятся, да, Чарли?

– Не со мной, а с Генри, – отозвался Чарли, переходя к сладкому.

– Все было очень вкусно, миссис Джонс, – поспешно вставил Бенджи.

– Ничего, не волнуйтесь, – улыбнулась Мейзи. – Я буду молчать как рыба. Особенно, раз это не порадует мадам Бон.

Ужин закончился в мирной обстановке, после чего мальчики поднялись в комнату Чарли. За ними увязался и Спринтер-Боб. Разгневанная бабушка Бон забыла поставить внуку на вид, что собакам в доме не место.

Бенджи помог Чарли распаковать сумку, и они уселись на постель, а пес втиснулся между ними. Чарли рассказал приятелю о том, что собирается в «Громовой дом». Может, мама Бенджи отвезет туда всю компанию?

Но Бенджи отрицательно покачал головой:

– Мама занята, она сейчас расследует очень важное дело. Кошмарное убийство. Она освободится только поздно вечером в субботу, и папа тоже.

Родители Бенджи занимались частным сыском, поэтому работали по совершенно несусветному графику, и Бенджи нередко сам готовил себе еду.

– Разве твоя мама не обещала больше бывать дома? – напомнил Чарли.

– Она и была дома всю неделю, а вчера ей позвонили и предложили заняться этим делом, и она так им заинтересовалась, что не смогла отказаться.

– Ясно. Тогда найду кого-нибудь еще. Остается, конечно, дядюшка Патон.

– Но ведь он сможет нас отвезти, только когда стемнеет, – возразил Бенджи. – Лично мне как-то не хочется ехать на Вершины вечером, особенно если меня там может шарахнуть громом или молнией.

Чарли был вынужден признать, что друг прав, но решил все-таки поговорить с дядей. Когда Бенджи с псом ушел домой, он постучался в дядин кабинет.

Ответа не последовало. Может, дядя уже ушел гулять? В конце концов, на улице темно. Но тут внизу, в прихожей, раздался мамин голос, и Чарли побежал ее встречать. Она принесла целый пакет подгнивших баклажанов.

Мейзи обрадовалась.

– Подумаешь, они и подгнили-то всего с одного бока, – приговаривала она, выкладывая фиолетовые овощи на кухонный стол. – Сделаю рагу а-ля фантазия.

Чарли от души понадеялся, что фантазия эта окажется съедобна, но уточнять рецепт не стал. Мейзи иной раз готовила очень причудливые блюда.

– Кто видел дядю Патона? – спросил он.

– Я – почти что нет, – отозвалась мама. – Бедняжка Патон. Он так увлекся Джулией Ингльдю, а у нее теперь на него просто нет времени. Всю неделю она готовится к приезду Эммы, а выходные неотлучно проводит при девочке. То они в музей, то в театр, и, конечно, без конца о книжках разговаривают. Патону к ней и не подступиться.

– Сурово, – оценил Чарли. – Значит, сейчас он дома?

Он вновь постучался к дяде.

– Что? – отозвался из-за двери сердитый голос.

Чарли осторожно заглянул в кабинет. Обычный беспорядок достиг апогея: бумаги вздымались сугробами, из них торчали книжные

башни. Кроме того, в комнате пахло. Похоже, дядя регулярно забывал снести вниз тарелки с объедками.

– Можно с вами поговорить? – оробев, спросил Чарли.

– Если это тебе так уж необходимо, – пробормотал дядя, не отрываясь от очередного увесистого тома.

Не без труда пробравшись поближе к дядиному столу, Чарли начал:

– Я встретился с этим мальчиком, ну который на фотокарточке. С братом твоего отца.

– Что? – вскинулся дядя Патон. – Рассказывай! И подробно!

Чарли в который раз за эти несколько дней изложил эпопею с Времяворотом. Когда он дошел до эксперимента с морозилкой, дядя зарычал:

– И ты на это пошел?!

– Он хотел вернуться, – дрожащим голосом объяснил Чарли, – надо же было ему помочь.

– Дурень! – загремел дядя. – Вернуться в прошлое нельзя! И историю изменить невозможно! Подумай головой! Когда моему отцу было пять, он потерял брата. Это несчастье перевернуло всю его жизнь. Он остался единственным ребенком в семье, родители над ним тряслись. Все его воспоминания связаны с тем, что он был единственным, Дафна умерла от дифтерии, а Генри исчез. Разве можно изменить воспоминания? И судьбу?

– Нельзя, – поспешно закивал Чарли. – Извините.

Но дядя еще не закончил.

– Родители тосковали по Генри и скорбели о маленькой Дафне. Так что Джеймса они несколько разбаловали. Его отец погиб на войне, а мать оставила все Джеймсу, в том числе и домик у моря. Это ведь тоже не изменишь.

– Угу, – вздохнул Чарли. И вдруг его осенило. – А твой отец хотел бы вновь увидеться с Генри?

Сердитые складки на лице дяди мгновенно разгладились. Он глубокомысленно подвигал бровями, почмокал губами, обдумывая услышанное.

– А что, это мысль, – уронил дядя Патон, словно и не он только что бранил племянника дурнем.

– Так что будем делать? – с надеждой спросил Чарли.

– Пока ничего, – твердо сказал дядя. – Все это надо для начала как следует обмозговать. Взвесить. Прикинуть.

Чарли решил воспользоваться благоприятным моментом и подкатиться к дяде насчет поездки в Громовой дом. Но увы, тот наотрез отказался:

– Нет уж! Я и на пушечный выстрел не подойду к этим громовержцам. Имей в виду, когда такие люди не в духе, к ним лучше не соваться. Не поеду и тебе не советую.

Чарли пустился в объяснения про Танкреда и про то, как важно его вернуть, но дядя был непреклонен. Судя по всему, предприимчивость и отвага на него нападали лишь изредка, приступами, как в прошлом году. Экая жалость!

– Но нам обязательно надо туда попасть! – взмолился Чарли.

– Днем я не выхожу, – в который раз напомнил дядя. – Поищите кого-нибудь другого.

Глава 9

ГРОМОВОЙ ДОМ

Генри Юбим томился от скуки. Слов нет, в подземном обиталище кухарки было и уютно, и занимательно, но он уже обследовал каждый уголок. Жаль, Чарли не придет с ним поболтать – кухарка сказала, что он уехал на выходные. Несмотря на субботний день, кухарка хлопотала всю. Она откуда-то раздобыла для Генри старенькую пижаму, а также кое-что из современной одежды – длинные брюки, черные ботинки и серые носки. А свою теплую куртку с поясом мальчик сменил на вязаный свитер – далеко не такой теплый, но, если сверху накинуть тот синий плащ, в котором Генри прибыл из прошлого, получалось вполне приемлемо.

Времяворот кухарка спрятала.

– У меня нет ни малейшего желания, чтобы ты опять учинил какую-нибудь глупость. – Она погрозила Генри пальцем. – Ты здесь навсегда. Только вот вопрос – что с тобой делать дальше?

Однако Генри все еще надеялся на то, что ему удастся вернуться домой, в 1916 год. Должен быть какой-то способ! А иначе что с ним станет? Конечно, возвращаться в прошлое, но в академию Генри как-то не улыбалось. Главное – попасть в нужный год, а там уж он как-нибудь доберется домой, на побережье.

Но для этого сначала надо будет пройти через другой мир – тот, что мерцает во Времявороте. По дороге сюда, в будущее, перед Генри, как в тумане, проплыл этот удивительный мир, мир Алого короля. Мама Генри, в девичестве Блур, рассказывала мальчику, что и он ведет свой род от этого монарха-чародея.

«Некоторые потомки Алого короля унаследовали толику его магической силы, – говаривала Грейс Блур, – но, насколько я могу судить, к нашей семье это не относится. – После чего, весело и задорно оглядев свое семейство, добавляла: – И слава богу!»

Ах, как же Генри хотелось вновь услышать ее залиvistый смех!

А вот Чарли унаследовал королевскую магию. Может, поселиться дома у Чарли? Наверно, будет неплохо. Чарли научил бы его, как пользоваться всеми этими чудными современными штуковинами, про

которые Генри уже рассказала кухарка: телевизором, видео, компьютером... да всего не упомнишь.

Кухарка пообещала накормить его ленчем в половине первого пополудни и ушла. Генри покосился на часы и вздохнул: еще только десять. Как медленно тянется время! Еще два часа надо как-то убить.

И вдруг мальчика озарило. Раз он теперь одет по-современному, да еще и в форменном плаще, то похож на обычного ученика академии. А значит, можно преспокойно отправиться на разведку. Например, забраться в развалины. Генри всегда тянуло поглядеть, на что они похожи изнутри, но сэр Гидеон строго воспрещал ему туда соваться. Зато теперь можно! Ура!

Генри на цыпочках вышел из кухаркиного обиталища и осторожно прикрыл за собой дверцу буфета. Миновав еще несколько буфетов, скрывавших в себе потайные ходы, он очутился в кухне, затем за пределами столовой и пустился бежать по направлению к холлу, откуда доносился громкий шум. Выглянув в холл, Генри обнаружил высоченного бритоголового мужчину, который что-то прибивал к высоким входным дверям.

Не прерывая работы, бритоголовый мельком глянул на Генри и спросил:

– Это что за киска к нашей миске?

– Я... э-э-э... я Генри, – нервно отозвался мальчик.

– Генри, а как дальше?

– Э-э-э... Бон. – Генри и сам не знал, почему назвал эту фамилию. Просто ему вдруг показалось, что фамилия Юбим в данный момент ничего хорошего не принесет.

– Сам, что ли, точно не знаешь, как твоя фамилия? – Бритоголовый хмыкнул и продолжал забивать гвозди.

– Знаю, и вполне точно, не волнуйтесь.

– У нас тут еще один Бон учится, жуткое дело, а не Бон.

– Он мой кузен.

– А-а, так ты, поди, тоже из этих одаренных ребятишек? Одни неприятности от вас всех, малец, вот что я тебе скажу. – С этими словами бритоголовый бахнул молотком по двери так, что стены задрожали. – Вон, полюбуйся, один из ваших дверь раскокал, тот, который мастер бури устраивать. А я теперь чини. Чтоб ему пусто было!

– Ого! – вежливо удивился Генри и бочком двинулся к выходу в сад.

– Псину выгуливать пошел? – спросил ему вслед бритоголовый.

– Что-что? – Генри на всякий случай ускорил шаг.

– Собаку, говорю. Дурная псина совсем, и страховидная к тому же.

Под ногами у Генри кто-то запыхтел; он опустил глаза и обнаружил Душку, искательно вилявшего хвостом.

– Да, конечно. Пошли, песик, гулять, гулять. – И он быстренько шмыгнул в сад.

На улице Генри вздохнул с некоторым облегчением. Душка, который не отставал от него, выглядел каким-то обеспокоенным, озирался и принюхивался.

– Ты чего? – Генри потрепал пса за уши. Душка был не красавец, это точно, но в выражении его складчатой пожилой морды было что-то стариковское, унылое, и Генри сделалось его жалко.

Посреди сада четверка мальчишек увлеченно гоняла в футбол, поднимая тучу брызг и ничуть не смущаясь снежной кашей под ногами. На Генри и Душку игроки не обратили ни малейшего внимания. Затем Генри миновал огромное поваленное дерево, распиленное на куски. Ему страшно захотелось попрыгать по этим колодам, но впереди соблазнительно маячили руины, и Генри вспомнил, что время терять нельзя.

По мере того как Генри приближался вплотную к развалинам, сердце у него все сильнее колотилось от восторга и предвкушения. Чувствовалось, что место это старое, даже древнее, и от него исходило ощущение неопределенной опасности. Генри живо представил себе, как рыцари в полном вооружении штурмуют стены красноватого камня, как с пронзительным ржанием несутся внутрь руин боевые кони, как свистят в воздухе стрелы. Он уже собирался войти под арку, но тут его окликнули:

– Эй, парень, иди-ка сюда!

Генри нагоняли два мальчика постарше, оба в фиолетовых плащах и с редкостно неприятными и враждебными физиономиями.

– Ты кто? – еще издали спросил тот, что был повыше.

Генри, не раздумывая, сиганул внутрь руин и оказался во внутреннем дворике, из которого расходилось пять коридоров. Он

метнулся в тот, что был посредине. Генри бежал со всех ног, но слышал позади голоса тех мальчишек. Коридор вывел его в следующий дворик, Генри пересек его, кубарем скатился по каменной лестнице со стертыми ступенями и вылетел на травянистую прогалину, окруженную покалеченными статуями – та без головы, та без рук. А посреди прогалины на монументальной надгробной плите из тесаного камня сидели две девочки в фиолетовых плащах, одна – изящная, смуглая, в золотых очочках и с темной косичкой, а вторая – румяная, бойкого вида и с противоестественно-синими волосами.

– Привет, – пропыхтел Генри, – я...

– Ты ведь Генри? – перебила его синеволосая. – Чарли мне о тебе говорил. Тебя ищут, ты в курсе? С самого утра вся академия на ушах стоит. Манфред перерыл всю музыкальную башню, даже книги с полок повыкидывал. Он прямо лопался от ярости. Да, кстати, я – Оливия, а это Бинди.

– Очень приятно с вами познакомиться. – Генри подошел поближе, чтобы пожать им руки. – Как поживаете?

– Ого, какой ты воспитанный! – восхитилась Оливия. – Это, наверно, потому что старый?

– Кто старый – я? – удивился Генри. – Ах, ну да, с вашей точки зрения, я, конечно, весьма преклонных лет. Но чувствую себя на одиннадцать.

– Да и я примерно на столько же. Но мне одиннадцать и есть. Вообще-то обычно мы с Бинди в субботу уезжаем, но нас оставили после уроков.

Над головой у них послышались крики, и по ступенькам на прогалину прошлепал Душка.

– Должно быть, пес их сюда и привел, – понизив голос, сказал Генри. – За мной гнались два мальчика, один высокий и с прической как у девочки.

– А, с хвостом, – догадалась Оливия. – Это Манфред Блур, староста.

– Нельзя, чтобы он тебя нашел, – решительно заявила очкастая Бинди. – Прячься быстренько.

Девочки пушинками вспорхнули с каменной плиты, а затем не без труда сдвинули ее, и перед глазами Генри открылся темный провал, из

которого пренеприятно пахло плесенью, гнилью и еще всякой гадостью, о которой даже думать не хотелось.

– Залезай, – скомандовала Оливия. – Да не бойся, дышать там можно. Мы уже пробовали.

Манфред наверху опять что-то крикнул, и Генри поспешно залез в саркофаг. Девочки общими усилиями вернули плиту на место, но не до конца – осталась щелка, пропускавшая воздух. Затем они, как ни в чем не бывало, уселись обратно и напустили на лицо беспечное выражение. И вовремя – по лестнице вихрем пронеслись Манфред с Азой.

– Мальчишку не видели? Незнакомого? – отрывисто спросил Манфред.

– Нет, но мы видели Даниэля Бенбери. – Оливия назвала мальчика с музыкального отделения, соответственно тоже носившего синий плащ и к тому же примерно одного роста с Генри. – Он во-о-он туда побежал! – Она указала на самую дальнюю арку.

– Бенбери? Уверены? – Желтые глаза Азы подозрительно сузились.

– А то! Конечно! – поспешно ответила Бинди. – Он насвистывал на ходу. Он же всегда насвистывает.

Преследователи ринулись в указанном направлении.

Изнутри саркофага раздалось нервное постукивание.

– Чш-ш! – зашипела Оливия. – Сиди тихо. Вылезать пока нельзя. Они могут вернуться.

Увы, она оказалась права. Через несколько минут Манфред с Азой прибежали обратно.

– Он точно побежал туда? – с нажимом спросил Манфред.

– Чтоб мне лопнуть, если вру! – убежденно воскликнула артистичная Оливия, и лицо у нее было честное-пречестное. – Только он потом почему-то выбежал из другой арки и умчался вверх. Вы, наверно, разминулись.

– А кстати, чем он провинился? – невинно поинтересовалась Бинди.

– Не твоего ума дело, – грубо отрезал раздосадованный и взлохмаченный Манфред, приглаживая волосы.

– И вообще мы не его ищем, – ляпнул Аза.

Манфред метнул на него испепеляющий взор.

– А что тут забыл прадедов пес? – кивнул Манфред на Душку.

– Да вот мы решили его вывести, – доброжелательно объяснила Бинди.

Недовольные мальчишки двинулись было к лестнице, но Аза вдруг обернулся и спросил:

– Что вы вообще тут забыли?

– Да так, знаешь, захотелось немножко посидеть в *тишине*. – Оливия возвела глаза к небу. – Эти мальчишки так шумят, деваться от них некуда.

– Я бы на вашем месте в руинах не засиживался. – Аза скверно осклабился и вслед за Манфредом стал подниматься по ступенькам.

– У меня от него мурашки по спине, – вполголоса призналась Бинди.

На всякий случай девочки выждали еще минут пять и только потом выпустили Генри. Он перевалился через край саркофага и плюхнулся на траву, являя миру заляпанные плесенью брюки и плащ, а также паутину на голове.

– Я там сидел вместе со здоровенной жабой! – сообщил он. – А я не любитель жаб.

Девочки по мере сил почистили его, после чего уселись обратно и разделили на троих булочку, которую Бинди удалось позаимствовать в столовой. Булочка была, к сожалению, совсем маленькая.

Генри поведал новым знакомым о своем родном домике на побережье и о том, как попал в будущее с помощью Времяворота. Оливия вдохновенно описала приключения своей мамы-актрисы на съемках в джунглях, а Бинди рассказала, как ездила к бабушке и дедушке в Индию.

Когда издалека донесся рожок на ленч, Оливия предложила:

– Генри, а пойдем с нами? Держись спокойно, не нервничай, а когда доберемся до столовой, как-нибудь проскользнешь на кухню.

Генри в своем рассказе ограничился тем, что сообщил девочкам, будто прячется в кухне. У него не было причин им не доверять, но обиталище кухарки, ставшее ему прибежищем, благоразумнее было держать в тайне.

К несчастью, на пороге кухни он налетел на девушку-раздатчицу.

– А ты что тут делаешь? – удивленно спросила она.

– М-м-меня просили кое-что передать кухарке.

– Тогда тебе в холодильную, – мило улыбнулась девушка.

Генри пробежал через кухню, но в холодильной кухарки не обнаружилось. Тогда он попытался отыскать тот буфет, в котором был потайной ход, но дверок оказалась уйма, и все неправильные: за одними посуда, за другими чулан. Можно было подумать, будто комната кухарки исчезла! Мальчик в отчаянии рылся в очередном шкафу, раздвигая ряд шуршащих клеенчатых фартуков и надеясь, что за ними окажется ход, и тут чья-то могучая длань крепко взяла его за плечо.

– Генри Юбим, где тебя носило? – прошипела ему в ухо красная как свекла и очень рассерженная кухарка.

– Я... я просто пошел прогуляться, – робко объяснил он.

– А что тебе было сказано? Сидеть и носа не высовывать! – Кухарка прямо кипела. – А? Забыл? Не смей больше никуда ходить! Это опасно!

– Я больше не буду! – сокрушенно пообещал Генри.

– Что, всю кухню перерыл, а прохода так и не нашел? – Кухарка разгребла фартуки, и за ними – о чудо! – оказалась дверная ручка. Генри подтолкнули в спину. – Дальше дорогу найдешь сам. Если повезет, через полчаса будет тебе ленч. – И дверца захлопнулась.

Генри пробрался сквозь джунгли швабр и метел и наконец-то оказался в знакомом коридоре. В комнате у кухарки он устроился у печки и принялся жалеть себя.

Неужели ему придется провести на подпольном положении всю оставшуюся жизнь? Прятаться от людей, которые неизвестно почему его невзлюбили? И почему снаружи опасно? Потом ему вспомнилось, как Манфред спрашивал про прадедова пса. И кто же, интересно, у Манфреда прадедушка? Неужели?.. Да нет, быть того не может. Люди столько не живут. Если это и впрямь кузен Зики, то ему, получается, перевалило за сто.

«В принципе это возможно», – вдруг понял Генри и содрогнулся. Если Зики все еще жив, он все еще хочет избавиться от него, Генри. Любой ценой. Любым способом.

Ну почему Времяворот занес его в академию, а не куда-нибудь еще! Хотя бы домой к Чарли Бону. Там-то, наверно, тихо и спокойно.

А в это самое время дома у Чарли Бона было далеко не тихо и вовсе не спокойно. И Чарли, откровенно говоря, предпочел бы

находиться где угодно, но только не здесь. Они с Бенджи сидели на кухне и ломали головы, как быть дальше. Чарли уже раз десять созвонился с Фиделио и Габриэлем, и в результате отчаянных переговоров выяснилось, что никого из родителей не найти, а тех, кого найти удавалось, ни в какую не удавалось уговорить отвезти их на Вершины.

– Можно вызвать такси, – предложил Бенджамин. – У меня есть три фунта.

С точки зрения Чарли, трех фунтов было маловато. Как назло, мама была на работе, а Мейзи отправилась по магазинам. Просить у бабушки Бон Чарли и в страшном сне бы не приснилось.

– Плохо дело. – Чарли мрачно уставился в окно и начал собираться с духом, чтобы побеспокоить дядю.

Не успел он вымолвить это, как к дому номер девять подъехала шикарная машина, из нее выскочил Лизандр и замахал приунывшим друзьям.

Чарли быстро нацарапал записку маме, похлопал себя по карману, проверяя, взял ли ключ от дома, и успел открыть Лизандру прежде, чем тот успел позвонить.

– Приветик, Чарли! – сказал Лизандр. – Папа взялся подвезти нас к Габриэлю.

За спиной у Чарли возникли Бенджи и Спринтер-Боб.

– А друга с собакой взять можно? – спросил Чарли.

– Ну конечно! Чем больше компания, тем веселее.

Все трое поспешили за Лизандром к автомобилю; африканец забрался на переднее сиденье, а мальчики с псом устроились сзади, где, на кожаных подушках, уже ждал их Фиделио.

– Приветствую вас, молодые люди, – приветливо произнес сидевший за рулем темнокожий красавец.

– Это мой папа, – представил его Лизандр, – он судья, но не пугайтесь.

– Здравствуйте, сэр, – почтительно сказали Бенджамин с Чарли, которых вид импозантного мужчины в таком авто просто поразил.

Автомобиль плавно, как по воздуху, тронулся с места, проплыл по Филберт-стрит, как лодка по каналу, обогнул парк и стал подниматься все выше и выше на холм, в фешенебельный район. Но ни судья, ни мальчики не заметили, что за ними на почтительном расстоянии

движется желтенькое такси. Наконец они выехали на аккуратную дорогу, которая вела к Вершинам. Мимо замелькали роскошные дома, но вот они кончились, и автомобиль выехал на опушку лесной чащи и остановился перед обветшалым домом. Во дворе (довольно-таки запущенном) копошились на клумбе куры и бессовестно объедала куст коза.

– Все, юноши, мы прибыли, – объявил судья.

– А выше ты подняться не сможешь, пап? – попросил Лизандр.

– Знаешь, сынок, машина у меня новая, так что дальше я не поеду, – ответствовал судья. – Уж очень там ненастно.

Выбравшись из автомобиля, мальчики убедились в его правоте: выше по склону холма отчетливо погромыхивало. Спринтер-Боб поджал хвост.

– Удачи вам, молодые люди! – Судья развернул машину и уехал.

– А он нас потом заберет? – забеспокоился Бенджи.

– Может, он, а может, и мама, – неопределенно отозвался Лизандр.

Чуть ниже по склону холма затормозило желтенькое такси, и из него, ненатурально кряхтя, выбрался странноватый старик в длиннющем грязном дождевике. Почему-то при седых усах у него из-под засаленной твидовой кепки выбивались пряди рыжих волос. Старец расплатился с шофером и, как только такси укатило, с мальчишеской легкостью прыжками помчался вверх по склону.

Чарли никогда не доводилось бывать на вершине холма. Вид на город открывался потрясающий, однако из-за ветра и высоты Чарли чувствовал себя как-то неуютно. Деревья протяжно шумели на ветру, да и гром прокатывался все чаще.

Не успели ребята войти во двор, как из обветшалого дома показался Габриэль Муар. В высоких резиновых сапогах он бесстрашно зачавкал по грязи и лужам. Джинсы у него тоже были заляпаны, да так, что им уже никакая грязь не была страшна.

– Салютик! – приветствовал он гостей и помахал левой рукой. – Смотрите, действует, как и не было ничего!

– Здорово! – обрадовался Лизандр. – Ну что, все в сборе, все готовы?

– Готовы к чему угодно, – пошутил Фиделио.

Маленький отряд отправился в путь вверх по склону, возглавляемый Габриэлем и Лизандром. Через некоторое время дорога

стала неровной, потом сузилась, потом превратилась в тропку и, наконец, вовсе пропала, и вот тогда-то они очутились у ворот, на которых была прибита деревянная табличка с надписью «Громовой дом». Ниже была еще одна, и на ней значилось: «Осторожно, плохая погода».

– Что это значит? – насторожился Бенджи.

– Скоро выясним, – отозвался Фиделио. За воротами начиналась узкая и темная аллея, обсаженная черными елями. Их верхушки мрачно качались на ветру, а по гравию неслись прутьики, травинки и пыль.

– Нам сюда, – кивнул на аллею Лизандр. – Я здесь не первый раз, но такого ветра не припомню.

Мальчики двинулись по аллее, пригибаясь и отворачиваясь от ветра. Спринтер-Боба Бенджи тащил за ошейник; пес испуганно путался под ногами, упирался и поскуливал.

– До Танкреда еще поди доберись, – пробормотал Чарли. На зубах у него скрипел песок.

С каждым шагом идти становилось все труднее, ветер усиливался, а вскоре в лицо гостям полетели острые градины. Чарли, который шел, глядя в землю, рискнул поднять голову и увидел впереди угрюмый дом из серого камня, над которым высилась башня. Окна были высокие и узкие, как бойницы, и весь дом выглядел суровым и неприветливым. На самой верхушке башни бешено вращался на ветру флюгер в виде молота. Время от времени непонятно откуда раздавался раскат грома, и весь дом содрогался так, что стекла звенели.

Когда мальчики приблизились к крыльцу, дверь распахнулась, и на пороге возник высоченный бородач с белокурой вздыбленной шевелюрой; настоящий великан, ростом не меньше двух метров, он задевал макушкой притолоку.

– Ничего у вас не получится, – громовым голосом предупредил он неожиданных гостей. – Пытался я его уговорить, да все без толку. Пусть побушует, пока не устанет, потом сам успокоится.

– Он нам нужен, мистер Торссон! – стараясь перекричать гул ветра, воскликнул Лизандр.

– Знаю, знаю, но у него эти штормовые приступы еще похуже, чем у меня! – громыхнул в ответ отец Танкреда. – Мне его не унять.

Озадаченная компания к этому моменту как раз поднялась на крыльцо, но под навесом оказалось ничуть не лучше. Ветер дул со всех сторон, заставляя глаза слезиться и не давая дышать. Мистер Торссон стоял, сложив руки на широкой груди, и град с ветром как будто были ему нипочем.

— Я пробовал с ним потолковать. Но парень заперся у себя и слышать ничего не хочет. — Мистер Торссон закашлялся, и в груди у него загрохотало. — От мебели, наверно, одни щепки уже остались. У жены... — Он опять закашлялся, и совсем рядом с домом полыхнула молния, ударив в ближайшую елку.

Мальчики ахнули. Елка рухнула наземь, ее ветви, похожие на крылья, мгновенно запылали, однако внезапно хлынул ливень, и огонь погас. Наступило мгновенное затишье, и мистер Торссон, вклинившись в паузу, продолжал:

— У жены разыгралась чудовищная мигрень.

— Можно нам все-таки войти и поговорить с Танкредом? — взмолился Лизандр.

— Ни в коем случае. — Мистер Торссон высился на крыльце, как скала, загораживая проход. — Это слишком опасно. Вы уж приходите как-нибудь в другой раз, попозже. Да смотрите, поосторожнее на обратном пути. Что-то там в лесу неладное.

— Погодите, что... — начал Габриэль, но остальные его слова потонули в грохоте оглушительного громового раската. Все разом пригнулись. Бум! Что-то тяжело ударилось в землю совсем рядом и ушло глубоко в почву.

Спринтер-Боб истерически завыл, а Бенджамин выкрикнул:

— Что это?!

— Молот, — отвечал мистер Торссон и тут же скрылся в доме. Лязгнул замок, другой, и мальчики остались перед наглухо запертой дверью.

— Ну вот и все. Мы сделали что могли, — вздохнул Лизандр. — Идемте обратно. В лесу в любом случае не так льет.

Они припустили к лесу, но Спринтер-Боб не побежал с ними, а с восторженным лаем начал рыть землю.

— Чего это он? — удивился Чарли.

— Молот выкапывает, — объяснил Бенджи и прикрикнул на пса: — Фу, Боб, фу! Я сказал, фу! Это не кость!

Продираться через лес было сущей мукой – дорогу преграждали колючие кусты, которые норовили не только уцепиться за одежду, но и расцарапать. И кроме того, всех участников экспедиции преследовало неприятное ощущение, что за ними следят.

– Не нравится мне все это, – пробурчал Лизандр. – И чего мы срезать решили? Надо вернуться на тропинку.

Но тропинку найти не удалось. Мальчики рассыпались по лесу, перекликаясь: «Сюда! Туда! Я нашел! Ой, нет, не то! Мы заблудились! Ау! Наверно, сюда! Сам ты сюда, вон туда!»

Некоторое время Чарли слышал их голоса и сам подавал голос, а потом заплутал окончательно и вдруг понял, что остался один-одинешенек в лесной чащобе. Как-то неожиданно резко стемнело. Вдали перекатывался гром, но ветер стих, и черные резные ели замерли в зловещей неподвижности.

Внезапно Чарли увидел два желтых светящихся глаза. Они горели в подлеске, как два злобных хищных огня, и, что самое страшное, они приближались, причем совершенно беззвучно. У Чарли вырвался вопль ужаса, и он ринулся прямо через колючие кусты.

– Помогите! – выкрикивал он. – Ау! Где вы?

Откуда-то доносился лай, но откуда именно, он в панике понять не мог.

– Боб! – завопил Чарли. – Ко мне, Боб!

За спиной у мальчика раздалось угрожающее рычание, и он помчался стрелой, насколько вообще возможно мчаться стрелой, если продираешься через колючки, налетаешь на деревья, спотыкаешься о корни, падаешь, вскакиваешь и снова бежишь, и даже не видишь куда. Наконец впереди показалась бледная ленточка тропинки. Чарли выполз на нее на четвереньках, а когда поднялся, то увидел своих четверых спутников, которые вытаращились на него в полном ужасе.

– Чарли! Где ты был? Что с тобой? – испуганно сыпал вопросами Фиделио. – Посмотри, на кого ты похож!

– На себя погляди, – пропыхтел исцарапанный, измазанный и охрипший Чарли. – Как вы на дорогу-то выбрались?

– Если бы не пес, мы бы до сих пор по лесу плутали, – сказал Габриэль. – А что с тобой стряслось? Мы тебя звали, звали...

– Не слышал, – просипел Чарли, вытряхивая из волос веточки. – На меня там что-то напало. Какой-то зверь.

– Да, он рычал на весь лес, – мрачно кивнул Лизандр. – Уж не знаю, что это за хищник, но он нам явно не рад. Давайте-ка побыстрее смотаемся.

Они кое-как дотащились до дома Муаров и с удивлением обнаружили, что он только снаружи такой обветшалый, а внутри вполне уютный. Почистившись и умывшись, мальчики плюхнулись на стулья вокруг кухонного стола, на котором высились полные тарелки жареного мяса с картошкой и тушеными овощами.

– Чарли, звонила твоя мама, – сообщила хлопотавшая у стола миссис Муар, кудрявая синеглазая женщина, на которую Габриэль совсем не был похож. – Я сказала ей, что ты с друзьями ушел прогуляться и к ужину вернешься.

– Большое спасибо! – ответил Чарли. Странно, он же вроде оставил маме записку. Впрочем, с бабушки Бон вполне станется ее спрятать.

Три сестренки Габриэля, тоже кудрявые и синеглазые, подсели к столу и щебетали вовсю, но разговорить мальчиков им не удалось: те в беседе участия не принимали и молча уминали обед, и сил разговаривать у них не было. Особенно угрюм и измотан был Лизандр.

– Нечего сказать, удачное начало четверти у вас получилось, – сочувственно заметила миссис Муар. – То Габриэль руку покалечил, то теперь Танкред капризничает.

Быть мамой особо одаренного ребенка нелегко, но миссис Муар с честью справлялась с этой миссией. Она понятия не имела, откуда у Габриэля взялся его странный талант, и они с мужем нередко спорили о том, какая сторона, отцовская или материнская, в ответе за это хлопотное чудо. Миссис Муар подозревала, что во всем виноваты предки ее супруга, среди которых было немало, мягко говоря, чудаков. Габриэль из-за своего дара физически не мог ходить в ношенной одежде с чужого плеча, носил только новое: распродажи и барахолки исключались, а поскольку Муары были отнюдь не богачи, то нарядами с барахолки приходилось довольствоваться девочкам. Они, конечно, дулись и жаловались на несправедливость, угнетения и притеснения, но брата любили.

После обеда гостям были продемонстрированы знаменитые хомяки, счет поголовью которых был давно утерян, а потом, поскольку

время было уже позднее, миссис Муар развезла мальчиков по домам в своем потрепанном «лендровере».

– Надеюсь, твоя мама не слишком волновалась! – сказала она, высаживая Чарли у дома номер девять по Филберт-стрит.

В прихожей его встретила Мейзи.

– К нам пожаловали Юбимиhi, – приглушенно провозгласила она. – Я срочно спасаюсь к себе, телевизор смотреть. Удачи, Чарли!

Глава 10

ЧАРОДЕЙ СКОРПИО

Обычно трех теток Чарли, сестриц Юбим, принимали в мрачной парадной столовой, но сегодня они почему-то внедрились на кухню и оскорбляли ее уют своими кислыми лицами и унылыми темными одеяниями. Тетки повесили свои черные пальто на спинки стульев, а черные ридикюли сложили на буфет. На столе истекал кремом початый торт, но пахло в кухне невкусно, по-старушечьи: нафталином, лежалым тряпьем и затхлой лавандой.

Чарли, впрочем, постарался вести себя вежливо.

– Привет, тетушки! – как можно доброжелательнее поздоровался он. – Вот так неожиданность!

– Чего я действительно не ожидала, так это что мать позволяет тебе шляться допоздна, – с надзирательским нажимом изрекла тетка Лукреция. – Где ты ходишь?

– А где мама? – заозирался Чарли.

– Цто, мамоцку исцем? – издевательски заметила тетка Юстасия.

Чарли многозначительно посмотрел на торт, но угоститься ему не предложили.

– Твоей мамы дома нет, – отчеканила бабушка Бон.

– Но где она?

– Ах, какой заботливый мальчик, так беспокоится о мамочке, настоящий маменькин сынок, – проворковала младшая и самая вредоносная из теток, Венеция.

– Ничего я не беспокоюсь, – вознегодовал Чарли. – Просто удивился, что она куда-то ушла.

– В театре мама твоя, в театре, – смиростивилась старуха Бон. – У нее было два билета на мюзикл «Чудесная чечетка», и она, конечно, хотела пойти с тобой, но ведь ты где-то гулял.

– Мне она о билетах и не заикнулась, – насторожился Чарли. – Откуда они взялись?

– Чарлз, мало ли откуда! Разве мы сторожа твоей маме? Может, ей кавалер билеты подарил? – ехидно предположила тетка Юстасия.

– Нету у нее кавалера, – возразил Чарли.

– А ты откуда знаешь? – сладко пропела тетка Венеция, поправляя черную змею косы, уложенной вокруг головы. – Она еще молодая и вполне привлекательная женщина.

– Кавалер ей ни к чему, – выпалил Чарли, – потому что мой папа жив!

На кухне воцарилось ледяное молчание. Четыре сестрицы оцепенели и ели Чарли змеиными злыми глазами.

– Почему ты так упорно твердишь эту галиматью, Чарлз? – сурово спросила бабушка Бон. – Твой отец мертв. Мы лично его похоронили.

– Ага, как же, похоронили, только тела-то в гробу не было, – язвительно заметил Чарли и уже повернулся, чтобы уйти, но сестры хором гаркнули:

– Стой!

От неожиданности Чарли и впрямь остановился.

– Ты еще не рассказал нам про Генри, – властным голосом произнесла бабушка Бон.

– Нечего мне рассказывать, – помотал головой Чарли.

– Глупый мальчишка! – гаркнула тетка Лукреция тем же тоном, каким в академии кричала «отбой!». – Неужели ты полагаешь, что мы ничего не знаем о Времявороте? И о том, как Иезекииль Блур зашвырнул в будущее своего маленького кузена? И что теперь этот самый Генри вновь оказался в академии, только припозднился малость?

– Хе-хе-хе! – рассыпалась противным смешком тетка Юстасия.

– И ничего смешного! – вспыхнул Чарли. – А если даже и так?

– Попался! – резко сказала старуха Бон. – Сам сознался, что его видел!

В ответ Чарли упрямо топнул ногой и заявил:

– Не буду я ничего сознаваться!

– «Ни в чем сознаваться», мальчик, – визгливо поправила его тетка Лукреция. – Говори грамотно! Значит, ни в чем сознаваться не хочешь?

– Создается как миленький! – Старуха Бон поднялась и нависла над Чарли. – Где он? – потребовала она. – Мы все равно отыщем мальчишку, имей в виду. Но если старого Иезекииля заставить ждать, он впадет в такое состояние, что уйдет твоего драгоценного Генри куда-нибудь в ледниковый период!

– Без Времяворота у него ничего не получится, – возразил Чарли.

– Малыш, да ты даже представить себе не можешь, на что способен Иезекииль Блур, – своим обычным елейным тоном, не сулившим ничего хорошего, проворковала тетка Венеция. – В его власти такое, что я тебе даже описывать не буду, а то как бы ты штанишки не намочил. Чарли, почему бы тебе для разнообразия не быть хорошим мальчиком и не рассказать своим дорогим тетушкам честно и откровенно, где прячется этот Генри? Поверь мне, он не заслуживает такого доброго отношения, он просто противный маленький негодяй. Детка, давай же, расскажи. Нам совсем не хочется, чтобы старый Иезекииль сделал тебе бо-бо.

Чарли растерялся: вкрадчивые речи тетки Венеции всегда сбивали его с толку. К счастью, дверь распахнулась и на пороге очень кстати воздвигся дядя Патон.

– Что за тарарам? – недовольно осведомился он. – В такой обстановке невозможно работать, собственных мыслей не слышишь!

– Ты что, думаешь вслух? – скрипуче хихикнула тетка Юстасия.

– Не глупите, мадам, – отрезал Патон. – И вообще, соблаговолите вести себя потише. Моя работа достигла самой важной стадии. Я не могу себе позволить отвлекаться на кудахтанье стаи глупых старых квочек!

– Кудахтанье? – страшным голосом переспросила тетка Лукреция.

Но бабушка Бон вмешалась и более спокойно объяснила:

– Мы просто расспрашивали Чарли насчет одного весьма важного дела.

– Расспрашивали-допрашивали, – пробурчал дядя. – Что ж, мне он нужен по еще более важному поводу. Пойдем, Чарли.

Чарли в благодарном порыве метнулся к дяде, но старуха Бон допрос еще не закончила.

– Мальчик останется здесь, – постановила она, – пока во всем не сознается.

Дядя Патон многозначительно вздохнул и поднял глаза к небу. Точнее, к лампе, которая свисала с потолка точно над тортом.

– Патон! – резко сказала старуха Бон. – Ты не посмеешь!

– Еще как посмею, – покачал головой дядя.

Мгновение угрожающей тишины – и печально зазвенело стекло лампочки. Сестрицы Юбим с визгом шарахнулись от стола, а торт

украсился блестящей стеклянной обсыпкой и утратил всякую съедобность.

– Идем же, Чарли, – поторопил мальчика дядя.

Чарли поспешил вслед за дядей покинуть кухню, оставив теток и бабушку сильно занятыми: кудахча, они суетились вокруг стола, стряхивали осколки с причесок и платьев, искали метлу и совок и даже тщетно пытались спасти торт.

– Спасибо, что вытащили меня оттуда, дядя Патон, – от души поблагодарил Чарли, очутившись в кабинете у дяди.

– Не за что, мальчик мой, не за что. Ты мне и в самом деле нужен. – Вид у дяди был взбудораженный, а почему – неизвестно. – Я проводил эксперимент. Смотри!

Он взял со стола книгу, раскрыл ее и принялся читать, а затем, не отрываясь от чтения, подошел к выключателю и, не глядя, зажег свет.

Чарли пригнулся, ожидая обычного результата. Но взрыва с последующим стеклопадом не последовало.

– А я думал, вы все лампочки у себя в комнате вывинтили, – удивился Чарли.

– Было такое дело, было, – пробормотал дядя, по-прежнему уткнувшись в книгу, – но одну я все-таки ввинтил обратно.

– Так что все-таки происходит? – полюбопытствовал Чарли.

– Выключи-ка свет, голубчик, – попросил дядя. – Я не могу одновременно читать и беседовать.

Заинтригованный, Чарли послушно щелкнул выключателем, и дядин кабинет вновь озарился обычным мягким светом керосиновой лампы, неизменно стоявшей на столе.

– Ну, Чарли, ты удивлен, что лампочка не взорвалась? – торжествующе спросил дядя.

– В общем и целом, да, – кивнул Чарли, – но ведь они у вас не всегда взрываются? То есть я хочу сказать, когда вы спокойны, они остаются целы.

– Именно, друг мой, именно! – И дядя удовлетворенно вздохнул. – Видишь ли, когда мой ум на что-то переключается, прости за каламбур, – хохотнул он, – и мысли мои заняты чем-то еще, то я меньше подвержен опасности подобных электрических происшествий. Так вот, я решил, что если, находясь в непосредственной близости от

электрических ламп, читать по-настоящему увлекательную книгу, то есть шанс, что лампочка уцелеет.

– А-а-а, понял, – протянул Чарли. – Интересная идея, правда.

– Более чем интересная, друг мой! Она работает. Прямо чудо какое-то! – Дядя и сам сиял, как лампочка. – Это значит, что днем я наконец-то смогу выходить на улицу, просто нужно при этом читать на ходу книгу. Я смогу пройти мимо освещенной витрины, мимо машин и светофоров, и ни одна лампочка не взорвется. Да, возможно, я даже смогу зайти в кафе – разумеется, не отрываясь от чтения.

Чарли сразу понял, что в дядиной теории полно проколов. Как, например, он собирается расхаживать по городу и переходить улицы, уткнув нос в книгу? Да он дальше первого перекрестка не уйдет. Машин же полно! А канавы? А люки?

– Знаете, по-моему, вы что-то не продумали, – осторожно начал он. – Это может быть опасно, а вдруг вас собьют?

– Вот тут-то и начинается твоя миссия, Чарли. Если ты будешь меня сопровождать, то предупредишь о люке или автомобиле. Я подумал, что, может быть, завтра мы прогуляемся и проверим мою концепцию на практике? Что скажешь? Например, в сторону собора?

– То есть вы имеете в виду – до книжной лавки Ингльдю, – прямолинейно брякнул Чарли.

Дядя весь заалелся: особенно запылали у него уши. Он кашлянул и с усилием произнес:

– Не могу отрицать, что ты прав. Именно туда я и собирался. Я много думал о мисс Ингльдю и пришел к выводу, что, покажись я ей при дневном свете, прогуливающимся как нормальный человек, она перестанет воспринимать меня как ярмарочное диво, как чудовище.

– Да она вовсе не считает вас чудовищем! – горячо возразил Чарли. – Просто у нее теперь есть Эмма, и мисс Ингльдю все свое время проводит с ней, как родная мама.

Дядя тяжело вздохнул и покачал головой:

– Ах нет, Чарли. Она меня боится, и кто скажет, что она не права?

– Ладно, тогда завтра идем гулять в направлении книжной лавки.

Чарли согласился не без колебаний, поскольку мысли его были заняты другими делами и отвлекаться от них не хотелось.

– Спасибо, Чарли! – Дядя чуть не прослезился.

Внизу, в прихожей, затрезвонил телефон.

– А вдруг это меня? – насторожился Чарли.

– Тогда беги скорее снимай трубку, – посоветовал дядя. – С моих дорогих сестричек станется ничего тебе не передать.

Чарли вылетел на площадку и перевесился через перила. И вовремя: бабушка Бон как раз прорычала в телефон: «Его нет!» – и бросила трубку.

– Это мне звонили? – спросил Чарли.

– Разумеется, не тебе, – огрызнулась старуха. – Кем ты себя вообразил?

– Вообще-то я тоже тут живу, – рассердился Чарли, – и мне вполне могут звонить друзья!

В ответ бабушка Бон только фыркнула.

Из кухни выплыли три тетки, которые все еще отряхивались от стеклянной крошки.

– Вот еще осколочек! – Тетка Венеция ухватила седую прядь тетки Юстасии.

– Убери! Убери скорее! – завопила та.

Тут, к несчастью, тетка Лукреция взглянула вверх и увидела Чарли, который при виде этой сценки не сдержал улыбки.

– И нечего скалиться! – протрубила она. – Мы еще с тобой разберемся!

Три сестрицы Юбим двинулись было к выходу, но уже на пороге зашушукались с бабушкой Бон.

В этот момент телефон зазвонил вновь, Чарли кубарем скатился с лестницы и, опередив бабушку Бон, схватил трубку.

– Алло, Чарли? – спросил на том конце провода Габриэль Муар.

– Да, – осторожно отозвался Чарли.

– А мне какой-то противный голос сказал, что тебя дома нет, но я не поверил.

– Это моя бабушка. – Чарли покосился на старух, но они уже скрылись за дверью, зато бабушка Бон впилась во внука пронзительным взглядом.

– Она тебя слушает? – сообразил Габриэль.

– Да, – кратко ответил Чарли, поворачиваясь к бабушке Бон спиной.

– Слушай, тут такое дело: я кое-что нашел на улице перед домом. Кое-что важное. И хотел тебе показать.

– Где встречаемся? – невольно понизил голос Чарли.

– Маме завтра днем надо кое-что отнести в «Зоокафе», жди меня там.

О таком кафе Чарли слышал впервые в жизни.

– А где это? – уточнил он.

– Лягушачий переулок, – объяснил Габриэль. – Между Сляк-стрит и Бульк-стрит. Как раз за собором.

Вот это кстати!

– А я как раз туда и собираюсь с дядей. Можно, я с ним приду? – спросил Чарли.

– Конечно! Это который стекла бьет? Приводи его! Он просто класс!

– Что верно, то верно.

– Отлично, договорились. Все, я побежал. Значит, завтра, часа в три. Ай! Меня хомяк цапнул. Ну, пока!

В трубке что-то стукнуло: похоже, Габриэль уронил телефон.

Чарли осторожно обернулся, но бабушка Бон уже испарилась. Мальчик сунулся на кухню, но там ее, по счастью, не оказалось, так что ему представилась возможность перекусить в спокойной обстановке. Ни стеклянного крошева, ни испорченного торта на столе уже не было, зато появилось кое-что новое, а именно небольшая картинка или фотография в рамке, которая лежала изнанкой кверху. Чарли догадался, что оставлена она тут не просто так. Зная теток, можно было догадаться, что дело нечисто. Но ловушка ли это? Или что-то другое?

Он отсел от загадочной рамки подальше и принялся сосредоточенно жевать бутерброд и даже отвернулся. Но рамка все равно не давала ему покоя. А может, это и не ловушка? Жуя, Чарли покосился на темную рамку раз, другой, вытянул шею, потом не выдержал и вместе со стулом подъехал поближе. Рамка была наверняка старинная, из темного дерева, покрытого трещинами и изъеденного жучком, а гвозди, скреплявшие ее, проржавели, да и веревочка, на которой она когда-то висела, истерлась, а может, порвалась.

Набрав в грудь воздуха, Чарли решился и перевернул рамку. Какая-то картинка, а на ней комната. Соблазн был слишком велик: мальчик стал разглядывать изображение.

Да, картинка оказалась непростая. Прежде всего, на ней имелся высокий старик в черном балахоне, склонившийся над человеческим черепом, который лежал у его ног. Сам старик был древний, с седой бородой и седыми волосами, а на голове у него красовалась черная шапочка-скуфейка. За спиной у старика виднелся стол, покрытый алой скатертью, на котором громоздились книги, очинённые перья, свитки, связки каких-то сушеных трав, кости животных и даже поблескивало оружие. На голых каменных стенах комнаты виднелись таинственные символы, начертанные мелом, сам же старик не только разглядывал череп, но и рисовал вокруг него пятиконечную звезду.

Чарли никак не удавалось отвести взгляд от черепа: он пытался, но тщетно. А затем в ушах у мальчика зазвучал низкий голос, который нараспев произносил какое-то заклинание на непонятном языке, и еще он слышал постукивание и скрип мела по камню и шуршание старикова балахона.

Внезапно старик повернул голову и взглянул Чарли прямо в глаза.

Мальчик ахнул и поспешно перевернул картинку. С улицы донесся шум автомобиля, притормозившего у крыльца, а затем мамин голос. Потом послышался еще один голос, мужской, и мама серебристо рассмеялась в ответ. А смеялась она теперь редко.

Кто это, интересно знать, и чем он ее так рассмешил?

Когда мама вошла в кухню, перед глазами у Чарли все еще стояло торжествующее лицо старика в черном и его сверлящий взор.

— Чарли, что с тобой? — быстро спросила мама. — Ты такой бледный!

— Я... э-э-э... — Пальцы Чарли легли на темную рамку картины, и он понял, что не в состоянии объяснить происшедшее. Тем более что сейчас его беспокоило другое. — А где ты была? — Он услышал в собственном голосе противные плачущие нотки, но поделать с собой ничего не мог.

— Смотрела «Чудесную чечетку». Мы хотели взять тебя с собой, но ты где-то бегал, сынок.

— Мы? — обиженно спросил Чарли. — Кто это «мы»?

— Боб Дэвис и я, — ласково улыбнулась мама. — Он купил три билета на мюзикл, рассчитывал и на тебя тоже. Но я же не могла обидеть его и не пойти только потому, что ты не пошел.

– Какой-такой Боб Дэвис? – Плачущие интонации в голосе никуда не делись, Чарли был бессилён.

– Чарли, милый, да что на тебя нашло? – Мама придвинула себе стул и села рядом с сыном. – Просто мой знакомый, очень славный человек, он хотел нас развлечь и вывести в театр. Почему ты надулся?

Чарли сделалось стыдно.

– Извини, мам, – промямлил он, – просто со мной только что случилось нечто странное. Вот, тетушки оставили картинку. – Он кивнул на темную рамку, к которой даже прикасаться теперь и то не хотелось.

Мама покрутила картинку в руках, всмотрелась повнимательнее и прочла подпись в нижнем углу:

– Она называется «Чародей». Чарли и не заметил подписи.

– По-моему, тут какой-то фокус или ловушка, – заявил он.

– Что за фокус, сынок?

– Пока сам не понимаю, – пожал плечами Чарли, отводя взгляд от картины.

– Знаешь что, – предложила мама, – я сейчас сбегу к себе, переоденусь, и мы с тобой попьем чайку, идет?

– Идет, – грустно согласился Чарли. Можно подумать, какой-то чай поможет забыть о сверкающих глазах седого колдуна!

Мама тем временем расстегивала пальто, и Чарли заметил, что на ней очень нарядное платье, расшитое стеклярусом.

– Мам, я хотел тебе сказать, что папа, возможно...

Она резко обернулась:

– Что?

– Возможно, жив.

– Чарли, ну что ты, солнышко! Конечно, он давно умер. – Мама быстро чмокнула его в щеку и умчалась переодеваться. На этот раз она говорила о папе вовсе не так печально, как обычно. И вообще повеселела. Чарли забеспокоился.

Не успела мама исчезнуть, как в кухню заглянул дядя Патон с горящей свечкой.

– Как-то мне не по себе, – сказал он, красноречиво кивнув на новую лампочку. – Не возражаешь, если я выключу свет?

Чарли рассеянно кивнул, и дядя в полутьме, озаряемой свечой, прошествовал к холодильнику, достал оттуда ветчину и помидоры,

водрузил все на стол вместе с подсвечником. Он уже хотел было приняться за свою вечернюю трапезу, но заметил темную рамку картины и отложил нож и вилку.

– Надеюсь, это не то, о чем я подумал, – мрачно сказал он.

– А что это, по-вашему? – Тон дяди насторожил Чарли.

– У меня есть серьезнейшие опасения, что это, скорее всего... – Дядя перевернул картинку, поглядел на нее. – Да, так оно и есть. Полагаю, ее подложили мои драгоценные сестрицы.

– Это тоже родственник? – обреченно спросил Чарли.

– Именно. Его звали Скорпио, и был он могущественным чародеем, – объяснил дядя.

– Дядя, но я думал, что мой... этот, как его... дар, – тщательно подбирая слова, произнес Чарли, – действует только на фотографии!

Дядя уставился на него во все глаза.

– То есть ты хочешь сказать, что слышал?.. – Он кивнул на картинку с колдуном. – Он с тобой разговаривал?

– Не совсем, – уточнил Чарли. – Я слышал его голос и еще кое-какие звуки, и...

– Чарли! – Дядя резко положил картинку на стол изображением вниз. – Надеюсь, внутрь ты не входил?

– Внутрь? – ошалел Чарли. – Это как – внутрь? Я просто смотрел на нее, а он, чародей то есть, как обернется да как вылупится на меня!

Дядя оглядел Чарли со смесью ужаса и озабоченности.

– Тогда Скорпио тебя увидел, – похоронным голосом определил он.

В ушах у Чарли завыл ледяной ветер, и забряцали ржавые цепи, и заскрипел по каменным плитам пола мел, и нараспев затянул свои заклинания чародей Скорпио.

Глава 11

ЗООКАФЕ

Некоторое время Чарли с дядей глядели друг на друга в полнейшем молчании. Затем дядя подсел к столу и сокрушенно произнес:

– Жаль, что я не узнал об этом раньше. Но, Чарли, честно тебе скажу, я только сейчас понял, как далеко заходит твое дарование.

– О чем вы? – Чарли еле удержался, чтобы не тряхнуть головой. В ушах у него все еще звучал монотонный напев колдуна.

– Дело в следующем, – принялся объяснять дядя. – Как тебе известно, я давно уже тружусь над историей рода Юбимов и их прародителя, Алого короля. И что ты думаешь? Я обнаружил существование нескольких людей, обладавших способностями, сходными с теми, которыми располагают твои друзья и ты. Один из этих людей был некий Чарлз Пеннибак. Начал он с того, что стал слышать голоса портретов, – надо тебе сказать, он жил задолго до эпохи фотографии, – а в конце концов научился проникать внутрь картин и заводить беседы с теми, кто на них изображен.

– То есть эти, изображенные, его тоже видели?

– Еще как, – кивнул дядя. – К несчастью, конец беднягу Пеннибака постиг скверный. Он попал в портрет одного пренеприятного типчика – графа Д'Орли, если не ошибаюсь, – и свихнулся.

– Кто именно свихнулся? – запутался Чарли. – Граф или Пеннибак?

– Пеннибак, разумеется, – ответил дядя и тут же спохватился: – Тьфу, и зачем я все это рассказал! Имей в виду, тебе бояться нечего, успокойся. С тобой ничего подобного не случится.

– А как же Скорпио? – встревоженно напомнил Чарли. – Он же меня видел, значит...

– Ах, Скорпио! – Дядя извлек из недр холодильника бутылку белого вина. – Скорпио – это, конечно... М-да... – Из буфета появились два стакана и были водружены на стол рядом с бутылкой.

– Да, да, Скорпио, – не унимался Чарли. – Вы что-то начали о нем говорить.

– Этот колдун жил пятьсот лет назад, и сам портрет очень старый. – Дядя постучал по рамке. – Скорпио был из тех чародеев, каким мечтает стать Иезекииль Блур, но старине Блуру до него как до неба.

– Из каких – тех?

– Тебе этого лучше не знать. – Дядя откупорил вино и налил себе стакан. – Хочешь стаканчик, друг мой? Уверен, тебе не повредит.

– Нет, спасибо, – отказался Чарли и нетерпеливо попросил: – Дядя, расскажите мне побольше про этого Скорпио, пожалуйста! Что со мной теперь станет, раз он меня увидел?

– Не имею ни малейшего представления, – отозвался дядя. – Может статься, ничего. А может, тебе удастся каким-то образом использовать этот аспект своего дара себе на благо. Насколько мне удалось установить, твои предшественники так уже делали. Главное, Чарли, держи ухо востро. Если почувствуешь, что ведешь себя странно, сразу же сообщи мне, а там уж мы что-нибудь придумаем.

Ответ был не слишком воодушевляющий, но Чарли понял, что на лучшее рассчитывать не приходится. Мальчик все-таки решил попробовать вино, первый глоток ему понравился, второй – еще больше, а к тому моменту, когда в кухню вошла мама, настроение у Чарли было уже вполне бодрое.

– Темноедением занимаетесь? – шутливо осведомилась мама, включая свет.

– Оп! – Дядя поспешно отвел взгляд от лампочки. – Берегись, Эмми. Сегодня я уже одну приговорил.

– Простите, Патон, я забыла. – Мама тотчас погасила электричество и принялась готовить чай при свечах.

Чарли взял чашку чаю и отправился к себе наверх. Он оставил дядю зачарованно внимающим тому, как мама в лицах излагала мюзикл. В силу застарелых проблем с электричеством дядя с самого детства не мог позволить себе удовольствие ходить в театр, поэтому он обожал слушать, как об этом рассказывает миссис Бон. А мама, в свою очередь, от каждого похода в театр оживлялась, расцветала и по такому случаю превращалась в прекрасную рассказчицу.

На следующий день Чарли с дядей двинулись в сторону «Зоокафе» – как и договорились, дядя уткнулся в толстенную книгу, а Чарли служил ему поводырем. На углу Филберт-стрит им повстречались Бенджи со Спринтер-Бобом.

– А почему твой дядя читает на ходу? – поинтересовался Бенджи, будто дяди Патона тут и не было.

Впрочем, дядя его не заметил: он изо всех сил старался сосредоточиться на чтении.

Чарли объяснил приятелю, что проводится эксперимент.

– Ага, – с понимающим видом закивал Бенджи. – А можно, мы с Бобом тоже пойдем? Вдруг тебе помощь понадобится.

И мальчики проследовали дальше, Чарли слева от дяди, Бенджи справа. Пес трусил впереди. Воскресенье, по счастью, выдалось пасмурное, холодное, и прохожих попадалось мало. Чарли сильно смущало то обстоятельство, что он сопровождает человека, читающего на ходу.

Правда, на перекрестке, где был светофор, вся компания столкнулась с некоторыми затруднениями. Дядя, не отрываясь от книги, шагнул на мостовую на красный свет, мальчики хором крикнули «нет!», испуганный дядя поднял глаза на светофор, Чарли яростно дернул его за рукав и прошипел:

– Дядя, не смотрите туда!

– Кгхм! – отозвался дядя, ретируясь на тротуар.

– Уф! – выдохнул Бенджи. – Еще бы чуть-чуть, и все.

Путешествие продолжалось. Мальчики старались избегать светофоров и бережно переводили читающего дядю через самые оживленные улицы. Наконец они добрались до Сляк-стрит, а от нее отходил узкий переулок, и на ближайшей стене красовалась вывеска с лягушкой.

– Не очень-то похоже на дорожный знак, – заметил Бенджи.

– Это наверняка и есть Лягушачий переулок, – сообразил Чарли, – потому что рядом Сляк-стрит.

Спрашивать совета у дяди он не решился, поскольку прямо под лягушкой была освещенная витрина.

Вопрос решил Спринтер-Боб: он принялся и с восторженным лаем припустил по переулку, так что мальчикам волей-неволей пришлось последовать за ним, таща с собой старательно читающего

дядю Патона. Трудно было поверить, что где-то здесь, в глухом переулке, может быть кафе, но, нагнав пса, они услышали мяуканье, лай, щебет и множество прочих звуков, издаваемых самыми разными зверями и птицами.

– Зоопарк там, что ли? – удивился Бенджи.

Лай Спринтер-Боба, свернувшего за угол, сделался истерическим. Чарли ухватил дядю за рукав и осторожно помог ему обогнуть угол.

Они очутились перед «Зоокафе». Переулок упирался в тупик, и, судя по виду, помещение встроили в замыкавшую его старинную стену. В кафе вела зеленая дверца, а сквозь забранное решеткой окно на Спринтер-Боба лаяла целая собачья свора. Над окном красовалась вывеска «Зоокафе», разрисованная изображениями разных животных, причем требовалось определенное усилие, чтобы разобрать буквы в путанице лап, хвостов, усов, крыльев и когтей.

– Мы на месте, – объявил Чарли, выруливая дядю к двери.

Бенджи предусмотрительно взял Спринтер-Боба за ошейник, и вся компания вошла внутрь.

Какофония в кафе стояла такая, что Чарли собственного голоса почти не слышал.

– Вон там прилавок! – перекрикивая мяуканье, щебет, писк и лай, сообщил он Бенджи.

Но не успели они протолкаться к прилавку, как дорогу им преградил могучий кудрявый мужчина в рубашке, вышитой слониками.

– Животные? – спросил он.

– Нет, мы люди, – честно ответил Чарли.

– Это я вижу, – нетерпеливо сказал обладатель слоновой рубашки. – Я спрашиваю, где ваши животные? У нас без сопровождения животного, птицы или рептилии вход запрещен.

– Ой! – расстроился Чарли.

– У нас есть собака! – пискнул Бенджи. – Вон, большой такой пес, с Лабрадором общается.

– Сопровождение должно быть у каждого посетителя, – неумолимо заявил слонonosец. – В противном случае, дверь вон там!

Между тем дяде с трудом удавалось продолжать чтение: поди сосредоточиться в таком шуме. Он поднес книгу к самым глазам, заслоняясь от лампочек, которые мигали с низкого потолка кафе. Затем

дядя покашлял, чтобы напомнить мальчикам о своем присутствии, и приглушенно сказал:

– Запах тут невыносимый. Пойдемте! Чарли уже не знал как быть, но в этот самый миг откуда-то возник Габриэль с большой деревянной коробкой. Он проворно извлек из нее пару хомяков, одного вручил Чарли, а другого сунул в нагрудный карман ошарашенному дяде Патону.

– Только не это, – воспротивился дядя, увидев прямо у себя перед носом мордочку хомяка. Но было уже поздно.

– Так-то лучше, – смягчился Слоновая Рубашка и проводил их к прилавку, вдоль которого было выставлено угощение такого рода, что вся компания оказалась в затруднении. Подкрашенные косточки и сосиски, пирожки, пахнущие рыбой, галеты, какие-то круглые подушечки, которые в принципе могли быть шоколадными (а могли и не быть), семена, зернышки и многое другое.

– Советую вам взять сосиски, – предложил Габриэль, – они просто объедение.

– Да, но на вид они вроде собачьего корма, – засомневался Чарли.

– Может, они и для собак, но все равно вкусные, – настаивал Габриэль. – Мои хомячки их просто обожают.

– Нам, пожалуйста, печенье и три порции воды. – Чарли решил играть наверняка.

Хозяин, стоявший за прилавком, вдруг хлопнул себя по бокам:

– Да ведь это же Чарли Бон!

Чарли захлопал глазами. Только теперь он по острозубой улыбке признал в хозяине «Зоокафе» мистера Комшарра, мышелова. Мистер Комшарр, в белоснежном фартуке и поварском колпаке, выглядел совсем иначе, чем в пальто из искусственного меха.

– А вы что здесь делаете, мистер Комшарр? – спросил Чарли.

– Супруге помогаю, – сообщил мышелов. – Это ее кафе, и идея заведения тоже принадлежит ей. Согласись, и идея и воплощение превосходны.

– Блеск! – подтвердил Чарли. – А как Огнецы, не возражают против такого наплыва посетителей? Ведь они с вами живут, да?

– Огнецы? – поднял густые брови мистер Комшарр. – Не-е-ет, они гуляют сами по себе, слишком заняты своими обязанностями. Огнецы заглядывают сюда около полуночи – перекусить и подремать, – а потом

снова отправляются по делам. Если, конечно, я им не нужен, в каком случае я бросаю все и сопровождаю их.

– Понятно, – сказал Чарли, расплачиваясь за печенье и воду. Цены были фантастически низкие.

– Рад тебя видеть, Чарли. – Мистер Комшарр улыбнулся еще шире. – Удачи тебе!

– И вам тоже, – отозвался Чарли.

За спиной у Чарли скопилась очередь, поэтому мальчик поспешно подхватил свой поднос и пошел к столу, где уже устроились его друзья. По дороге ему пришлось проталкиваться через собачье-кошачью толпу. Габриэль выбрал местечко у окна, так что вся компания получила возможность наблюдать за посетителями.

За соседним столом восседала дама в красной соломенной шляпе, по которой разгуливал туда-сюда внушительных размеров паук. Хозяйка шляпы и паука, судя по всему, была вполне довольна происходящим и время от времени поднимала к шляпе руку и скармливала своему питомцу какие-то кусочки. Чарли испугался, что кусочки живые, и поскорей отвернулся.

– Так что ты хотел нам показать? – поинтересовался он у Габриэля.

В ответ тот вытащил из-под стола пластиковый пакет, а из него извлек потрепанную твидовую кепку и заношенный дождевик.

– Смотри!

– Костюм Азы?

– Точно! Я даже накладные усы нашел! – Габриэль продемонстрировал Чарли белую полоску. – Они валялись на улице прямо у нас за забором. Наверно, все это принес ветер, который подняли обитатели Громового дома, а Аза, должно быть, спрятал костюм в лесу.

Чарли стало холодно.

– Ты хочешь сказать, что тогда, в лесу, за мной гнался Аза? То есть зверь, в которого он перекидывается?

– А ему обязательно раздеваться, прежде чем превратиться? – подал голос Бенджи.

– Слушай, ничего смешного в этом нет, дело серьезное, – сердито покосился на него Габриэль.

– Извини, я просто так спросил, интересно же.

– Но зачем Аза потащился в такую даль, на Вершины? Разве он там живет? – рассуждал вслух Чарли.

– Где он живет, я не знаю, – отозвался Габриэль, – но думаю, он хотел нас спугнуть, чтобы мы больше не совались в Громовой дом.

– Но зачем ему это?

Габриэль пожал плечами:

– Может, это как-то связано с твоим кузеном Генри. Тот злобный старик, который запустил его в будущее, знает, что Генри вернулся. Наверно, он в ярости.

– Еще бы, – закивал Чарли. – Старый Иезекииль велел Манфреду с Азой отыскать Генри. Но они знают, что мы его защитим – и ты, и я, и Лизандр с Танкредом. Вот поэтому они и пытаются нас разделить, чтобы мы стали слабее. Ты рассказал Лизандру про находку?

– Не получилось пока, – ответил Габриэль. – Но завтра я с ним непременно увижусь.

В этот самый миг что-то с размаху ударило в витрину. Мальчики вскинулись: из-за стекла, с улицы, на них по-волчьи щерился Аза Пик, рыская глазами по кафе. Завидев пакет с одеждой, он прорычал:

– Это мое! Отдайте, мерзавцы! Внезапное появление Азы перевернуло «Зоокафе» вверх дном. Вспугнутые птицы, щебеча и крича, взлетали к потолку и отчаянно били крыльями, собаки выли, задрав морды, коты шипели и урчали, кролики суетливо прятались под столы, а все остальные прятались за большие цветочные кадки, расставленные там и сям в зале.

– Не очень-то ему рады, а? – дрожащим голосом выдавил Бенджи.

– Дядя Патон, пожалуйста, читайте дальше! – предупредил Чарли.

В кафе и так все смешалось – не хватало еще, чтобы дядя начал колотить лампочки. В воздух взлетали тарелки и чашки, ошметки и брызги, а ошарашенные покупатели наступали на невменяемых зверей и останки посуды.

– Вон он, смотрите! – воскликнул Габриэль.

Аза уже вломился внутрь, но дорогу ему преградил мужчина в слоновой рубашке, который явно служил в кафе швейцаром.

– Животное? – осведомился он.

Вот сейчас Аза ляпнет, что он и есть животное! Но нет, рыжий оборотень только злобно оскалился в ответ.

– Ах так! – сказал вышибала. – Тогда вон отсюда! – Он сграбастал Азу за шкуру и вышвырнул на улицу. Аза вскочил, встряхнулся и изготовился к новой атаке, но тут из кафе на него вылетела свора крупных собак. Оборотень пронзительно взвизгнул и пустился наутек, а псы гнались за ним с азартным лаем. По счастью, Бенджи успел ухватить за ошейник Спринтер-Боба, который тоже рвался принять участие в увлекательной погоне. Разочарованный пес заскулил так жалобно, что мистеру Комшарру пришлось выдать ему в утешение косточку.

«Зоокафе» стремительно пустело. Хозяева собак, погнавшихся за Азой, умчались за своими питомцами, а остальные посетители, поймав и успокоив своих котов, птиц, хомячков и пауков, решили убраться подобру-поздорову, от греха подальше.

Чарли с друзьями остались: они вызвались помочь мистеру Комшарру и вышибале, которого звали Нортон Кросс, навести в кафе порядок.

– Я смотрю, этот дылда – порядочный лентяй, и не думает пособить-то, – заметил Нортон в адрес дяди Патона, все так же погруженного в книгу.

– У него бывают... неприятности, – запнулся Чарли, – так что лучше мы обойдемся своими силами, а он пусть не отвлекается.

– Он из особенных, – проронил мистер Комшарр, заговорщицки подмигнув Чарли.

– Мать честная, из *этих*, что ль? – скривился Нортон. – И так уж от них в городе не продохнуть, от чудиков всяких, – заворчал он. – Вот и парнишка, за которым собаки припустили, по нему сразу видно, что из чудиков. Звери-то чего заволновались? Они завсегда такое чуют.

Из задней двери кафе появилась миссис Муар, закончившая свои дела, а за ней вышла рослая длинноносая женщина с волосами, клубившимися вокруг головы, как дым, – это, к удивлению Чарли, и была миссис Онория Комшарр. Она оказалась весьма дружелюбной и милой дамой, которая, кажется, любила детей не меньше, чем зверей.

Когда порядок в кафе наконец был восстановлен, миссис Муар предложила подбросить Чарли и компанию до Филберт-стрит.

– Вместе с твоим папой, – кивнула она на дядю Патона. – Это ведь твой папа?

– Нет, у меня нет... это не мой папа, – сказал Чарли, сдавая Габриэлю своего хомяка. – И к тому же нам сейчас еще не домой. Но все равно спасибо!

– Нет так нет. Счастливо вам, мальчики. Пойдем, Габриэль. – Она направилась к двери.

Габриэль деликатно извлек второго хомяка из кармана дяди Патона. По счастью, хомяк не успел учинить особых разрушений, поскольку пригрелся и уснул, – разве что сгрыз завалявшийся в дядином кармане мятный леденец.

– До завтра, – попрощался Габриэль, прижимая к груди ящик с хомяками и поудобнее перехватывая пластиковый пакет. – Посмотрим, как будет выглядеть Аза. Интересно, здорово его покусает? – С этим он и удалился.

– Дядя! – Чарли потеребил дядю за рукав. – Все, можно идти.

Дядя послушно поднялся, не отрывая пристального взора от раскрытой книги, и Чарли вывел его за дверь. Бенджи пристегивал к ошейнику Спринтер-Боба поводок.

– На всякий случай, – объяснил он. – А то вдруг Бобу взбредет в голову за кем-нибудь погнаться.

До книжной лавки Ингльдю они добрались без особых приключений. Здесь, в старом квартале, светофоров не попадалось, оживленных улиц с потоками транспорта – тоже. Пересекая площадь, мальчики услышали глубокое гудение органа, и Чарли сразу вспомнил об отце, который когда-то служил в соборе органистом, пока однажды, восемь лет назад, туманным вечером, не упал вместе с автомобилем в карьер. С тех пор Лайелла Бона больше никто не видел.

– Знаю, о чем ты думаешь, мой мальчик, – пробормотал дядя, похлопав Чарли по плечу. Он очень любил отца Чарли.

На дверях книжного магазина висела табличка «Закрыто», однако витрина с залежами старинных книг светилась, хоть и не ярко.

Чарли позвонил, но никто не ответил. Он нажал кнопку звонка посильнее, и вся компания услышала, как звонок заливается в задней комнате, но дверь по-прежнему никто не открывал.

– Ты вроде говорил, что они по выходным куда-то уходят? – напомнил Бенджи. – Может, они в музее или в кино.

– А, ну да, я забыл, – спохватился Чарли.

Услышав это, дядя Патон резко захлопнул книгу и уныло уставился на витрину.

– Дядечка, не на... – взмолился Чарли, но договорить не успел.

Дядя был слишком расстроен, и освещение в витрине этого расстройства не выдержало. Крак! Дзынь! Лампочка взорвалась, и осколки со звоном посыпались на старинные книги.

– Вот незадача! – охнул дядя. – Она поймет, что это моих рук дело.

– Ничего она не поймет, – попытался успокоить его Чарли. – У мисс Ингльдью наверняка лампочки часто гаснут.

– Гаснут, но не взрываются! – в отчаянии простонал дядя. – Джулии превосходно известно, что взрывать их – мое любимое занятие.

– Идемте, дядя.

– О, горе мне! – бормотал дядя Патон, влекомый прочь от разгромленной витрины. – Я никогда больше не смогу посмотреть ей в глаза!

– Сможете, сможете, – утешал его Чарли. – А сейчас идемте домой. Читать вам больше не надо, уже стемнело.

– А ведь и правда! – Дядя огляделся и устремился в ближайший переулок. Чтобы поспеть за ним, мальчикам пришлось бежать. Спринтер-Боб неся впереди, радостно взлаивая: он решил, будто это такая игра.

Уже на подходе к Филберт-стрит дядя вдруг сказал:

– Мне бы не хотелось, чтобы об этом досадном приключении прознали мои сестрицы.

– А почему они у вас такие... вредные? – отважился Бенджи.

– Давняя история, – неопределенно отозвался дядя Патон.

– Они всегда поступают по указке Иезекииля Блура, – заметил Чарли. – Можно подумать, они его боятся.

– Боятся – это еще слабо сказано, – подтвердил дядя. – Он им родня, и в данный момент самый могущественный из всех. Они перед ним пресмыкаются.

– Как хорошо, что у меня нет никаких теток! – пробормотал Бенджи. – Ладно, я побежал, мама с папой уже дома. Пока!

Из прихожей дядя напрямик устремился к себе и заперся, а Чарли отправился на кухню, чтобы отчитаться маме и Мейзи о результатах

эксперимента.

– Ну, как прошло? – с живым интересом спросила мама. – Без проколов?

– Великолепно! – соврал Чарли.

– В следующий раз я с ним схожу, – предложила воодушевленная Мейзи. – Бедненький Патон, у него была такая тоскливая жизнь, а теперь, если он сможет гулять днем, все-таки ему будет повеселее.

Чарли огляделся: чародея Скорпио было не видать.

– А где картина? – спросил он.

– Вот уж не знаю, – отозвалась мама. – Наверно, бабушка Бон унесла к себе.

Но бабушка Бон сделала кое-что другое, ибо, ложась спать, Чарли обнаружил картинку в темной рамке у себя на подушке.

– Ах так, – мрачно сказал он сам себе, а точнее, теткам. – Хотите, чтобы я полез внутрь? Полезу, но только когда пойму, что готов. И когда пойму, что от него может быть польза.

Прежде чем запрятать картину в ящик комода под слой носков, Чарли еще разок глянул на седовласого колдуна. Скорпио повернул к нему голову и скрипуче произнес:

– Добро пожаловать, дитя Алого короля!

Чарли быстренько задвинул ящик. Интересно, а насколько опасно забираться внутрь картины и тем более просить чародея о помощи? Раз Генри нужно спасти, пока до него не добрался старик Иезекииль, магическая поддержка не помешает.

Глава 12

«В ПОДЗЕМЕЛЬЕ ЕГО!»

Остаток выходных Генри Юбим просидел в потайной комнате у кухарки.

– Высунешь отсюда нос – мигом попадешься, – предупредила она мальчика. – И что тогда с тобой станется? Имей в виду, кое-кто в этом заведении спит и видит, как бы от тебя избавиться!

– Кузен Зики, кто ж еще, – подавленно сказал Генри. – Так и не может мне простить, что я вмешался, когда он пазл складывал.

– Если это Иезекииль, – сказала кухарка, – то представь, каково ему: он-то уже древний старик, одной ногой в могиле, и тут, откуда ни возьмись, объявляется мальчишка, которого он прикончил, как ему казалось, – все такой же юный, и у него, то есть у тебя, еще вся жизнь впереди.

Генри не выдержал и заулыбался:

– Ух и разозлился же он!

– О да. Но нам-то с тобой совершенно не надо, чтобы он загубил твою жизнь! Что скажешь?

– Согласен, – кивнул Генри, которому тем не менее никак не удавалось вообразить, что же за жизнь его ожидает.

Кухарка занялась приготовлением обеда. Позже к ним должна была присоединиться миссис Блур, поэтому Генри помог накрыть стол в маленькой комнатке на три персоны, а затем свернулся клубочком в кресле и стал слушать историю кухарки – поистине удивительную историю.

Кухарка и ее младшая сестра, Перл, когда-то жили вместе с родителями на некоем северном острове. Отец их, Грегор, был рыбаком. Когда девочкам исполнилось соответственно пять и шесть лет, стало ясно, что обе они не что иное, как живые талисманы. Всякий раз, когда они провожали отца в море, он неизменно возвращался с богатым уловом, едва уместившимся в его лодчонке. Вскоре весть об этом разнеслась повсюду, и на остров стали стекаться желающие купить у Грегора рыбу. Отец девочек разбогател, купил весь остров и построил на нем роскошный дом с потрясающим видом на океан. И

вокруг острова всегда царила прекрасная погода, а морские волны были спокойны. Ходили слухи, что Грегор обязан этим волшебному дару своих дочек – дару спокойствия и удачи.

В один прекрасный день на остров появился некий молодой человек.

– На вид довольно пригожий, – описывала его кухарка, – но было в нем что-то неприятное, отчего у нас с Перл мурашки по коже побежали. Оказалось, что он решил жениться на одной из нас, а на которой – ему было решительно безразлично. Мне тогда было шестнадцать, сестре пятнадцать, и отец указал ему на дверь: «Ступайте-ка восвояси, Гримвалд (так представился гость). Ступайте. Слишком юны еще мои дочурки для замужества. Пусть сначала мир посмотрят, а потом уж и гнездо выют». Так сказал отец, но гость упорствовал. «Мне нужна любая из ваших дочерей, и именно сейчас, – настаивал он, – пока они еще молоды. Мне нужны их чистота, красота, очарование и свежесть. А главное, мне нужны покой и удача, которые они приносят». Эти слова пришлись отцу не по нраву, и он вновь ответил отказом. И тогда Гримвалд начал нам угрожать. Недосолено, – прибавила кухарка, пробуя мясо.

– А дальше? – взмолился Генри.

– А дальше было вот что, – продолжала кухарка. – Отец велел Гримвалду убираться прочь с острова, и тот в конце концов повиновался, но, прежде чем исчезнуть, обрушился на нас с бранью. «Ах, вы возомнили, будто повелеваете океаном, маленькие поганки? – кричал он. – Так нет же! Скоро, очень скоро вы убедитесь, что я куда могущественнее вас! Помяните мое слово, вы еще будете у меня в ногах валяться!» Ах, кабы мы знали, что он прав! – печально вздохнула кухарка. – Прошел год, и мы с Перл уехали с острова. Мы путешествовали по всему свету, и кружились в танцах, и кружили головы, и обе встретили себе кавалеров по сердцу – удивительно, оба оказались моряками. Воротились мы домой, спросить благословения у родителей, а вместо дома... – Кухарка прерывисто вздохнула и невольно подсолила мясо крупными слезами.

– Что там было вместо дома? – замирая, спросил Генри.

– Ничего там не было, – махнула рукой кухарка. – Все исчезло – остров, наш дом и сами родители. Все погибло в цунами – величайшем цунами в истории тех мест. Мы заподозрили, чьих это рук дело, а когда

оба наших жениха утонули, уже точно поняли: это все Гримвалд устроил!

Генри ахнул:

— То есть он мог...

— Вот именно, он мог повелевать стихией воды, как ему заблагорассудится. Тогда мы с сестрой приняли решение расстаться: путешествовать порознь было безопаснее, так нас труднее было признать. Пришлось нам скрываться, держаться в тени и искать работу там, где ему и в голову бы не пришло нас искать. Но где бы мы ни оказывались, мы с Перл старались приносить пользу, и главное — оберегать детей. Однажды я выяснила, что академии Блура требуется кухарка. Я слыхала, что когда-то здесь был двор Алого короля, и решила, что смогу помочь некоторым из учеников. Я подумала, что им, наделенным необычными дарованиями, как мы с Перл, нелегко придется в жизни. — Кухарка вдумчиво облизнула ложку, которой помешивала соус, удовлетворенно хмыкнула и накрыла кастрюльку крышкой.

Генри не терпелось узнать продолжение истории, но маленькая угловая дверца отворилась, и в комнату беззвучно проскользнула миссис Блур, так что кухарка пригласила всех к столу. Отужинав, миссис Блур помогла хозяйке вымыть посуду и так же беззвучно и понуро удалилась в свое убежище в западном крыле.

— Какая она всегда печальная, — заметил Генри, бережно расставляя фарфоровые тарелки в буфете.

— Не то слово, — покачала головой кухарка. — Если бы только она могла стать такой, какой была, пока эти злодеи не сломали ей руку!

— А Времяворот тут не поможет? — робко спросил Генри.

Кухарка покосилась на него как-то настороженно:

— Ты же знаешь, вернуться в прошлое невозможно, Генри.

— Да-да, но ведь ей нужно вернуться всего на пять лет назад. А здесь, сейчас, у нее все равно какая-то ненастоящая жизнь, призрачная. Если она исчезнет, никто и не заметит.

— Хм... — задумчиво произнесла кухарка, но этим и ограничилась.

Позже, уже лежа в постели, Генри вновь и вновь возвращался к мыслям о Времявороте: «Кухарка не имеет права его от меня прятать!» Мальчик закрывал глаза, но перед ним все равно блестел и переливался синий шарик, и заснуть не получалось. Поэтому он встал,

накинул поверх пижамы плащ и на цыпочках вышел в соседнюю комнату.

Здесь лунный луч, падавший из окна в потолок, сообщал всем предметам какой-то жемчужный отлив. Света было достаточно, чтобы разглядеть фарфор на буфете. Генри присмотрелся к чашкам, выстроившимся в ряд на верхней полке: все они были одинаковыми, в узорах из золотых и серебряных листьев, но две стояли чуть ближе друг к другу, чем остальные, словно кто-то переставлял их в спешке. Ага!

Генри придвинул к буфету стул и вскарабкался на него; но до верхней полки мальчику было не дотянуться, так что пришлось перелезть на сам буфет. Теперь он нащупал холодный край чашки. Первая оказалась пуста, Генри поставил ее на место, снял с полки вторую... Что-то маленькое и блестящее выпало из нее на пол и покатилося со знакомым звоном.

Генри глянул вниз: так и есть, на полу посверкивал Времяворот. Мальчик довольно улыбнулся, но не успел слезть с буфета на стул, а со стула на пол, как к шарiku метнулась какая-то четвероногая тень.

– Фу, Душка! – шепотом приказал Генри, узнав старого пса. – А ну положи!

Душка и ухом не повел. Он схватил шарик в зубы и быстро зашлепал к двери в западное крыло.

– Нельзя! – прошипел Генри. – Это не игра, фу! Положи на место!

Накануне они долго играли в «принеси мячик», и теперь Генри жалел, что с таким увлечением предавался этой забаве.

Душка толкнул дверь носом и скрылся за ней. Генри скатился с буфета, опрокинув стул, но, когда он выскочил за дверь, на лестницу, перед ним мелькнул только Душкин хвост. Мальчик попытался ухватить пса, но поскользнулся и упал. Впрочем, он тут же вскочил, но Душки уже и след простыл.

Одним прыжком преодолев лестницу, Генри очутился в каком-то темном коридоре. Где-то впереди, в непроглядном мраке, мерно клацали по полу когти пса. Генри помчался на этот звук, но коридор кружил и кружил, и казалось, конца ему не будет, но все-таки уперся в дверь. Генри подергал ручку – заперто. И Душки не видать. Он что, сквозь дверь прошел? Мальчик обернулся, но увидел только темный коридор. Хотя... в темноте слабо светился какой-то тоненький лучик,

просачивавшийся из-под деревянной панели у самого пола. Генри подошел поближе и толкнул панель ногой. Она открывалась, как кошачья дверца. Или собачья? Если уж толстяк Душка туда просочился, то он, Генри, и подавно пролезет. Что он и проделал, встав на четвереньки. За дверцей оказался еще один коридор – академия положительно состояла из сплошных коридоров! – но совершенно иного вида: с отполированным полом и весь увешанный картинами в золотых рамах. Все это великолепие озаряла лампа под цветастым абажуром, стоявшая на круглом столике.

Впереди темнел шкаф, и Генри решил, что за ним-то и спрятана потайная дверь, через которую миссис Блур сообщается с кухаркой. Мальчик на цыпочках двинулся по коридору, и до него донесся детский голос: «Рассказывай давай! Ну же, псина, говори!»

Коридор вывел Генри на лестничную площадку над бескрайним темным холлом. Мальчик старался идти как можно беззвучнее, и поэтому тот, другой, который разговаривал с Душкой, его не заметил – тщедушный очкастый малыш в синем халате, почему-то беловолосый и красноглазый. А-а, альбинос, вот он кто! Беловолосый вдруг перешел на повизгивание и тявканье.

Генри вжался в стену и затаил дыхание, но Душка на собачий язык не откликнулся, так что красноглазый мальчик опять заговорил по-человечески:

– У, глупая, тупая псина! Ну, что молчишь? Я кому сказал, говори сию минуту! Где он? Где тот мальчишка из ниоткуда?

Душка только встряхивал брылами и ел мальчика глазами, но упорно молчал.

– Что у тебя там в пасти? – сердито прошипел мальчик. – Это Та Штука? Волшебный шарик? А ну отдай, живо, я его мистеру Иезекиилю отнесу.

Генри застыл. Значит, альбинос состоит в приспешниках у Зики! Он уже изготовился к отступлению, но внезапно...

– А ну отдай, поганая псина! – взвизгнул альбинос и с размаху пнул Душку под ребра. Пес взвыл, лапы у него подкосились. Но следующего удара альбинос нанести не успел.

– Не смей! – во все горло крикнул Генри и ринулся к нему. Красноглазый почему-то заулыбался.

– Это ты и есть? Ты – мальчик из ниоткуда?

– Не смей бить собаку! – напустился на него Генри. – Как тебе не стыдно! Он же старый, слабый!

– Он утащил этот... шарик со временем! Разве нет?

– Может, и утащил, а тебе-то что? Ты кто, собственно, такой? – спросил Генри.

– Меня зовут Билли Гриф, и я умею разговаривать с собаками, – похвастался альбинос. – То есть обычно они мне отвечают, а что сегодня нашло на это старое чучело, я не знаю.

Душка выбрал именно этот момент, чтобы выронить из пасти Времяворот, и теперь синий шарик, мягко светясь, лежал между двумя мальчиками.

– Не вздумай в него смотреть! – предупредил Генри. Альбинос ему совсем не нравился, но он был совсем малыш, и Генри вовсе не хотелось, чтобы Билли утащило в другую эпоху (к тому же неизвестно какую).

– Красотища какая! – Билли нагнулся поднять Времяворот, но Генри отфутболил шарик подальше, тот покатился через площадку и в прорезь перил. Диньк! – раздалось снизу, из темноты холла.

– И зачем ты это сделал! – Билли злобно посмотрел на Генри, которого так и подмывало поскорее спуститься и поискать шарик. Но красные глаза альбиноса смотрели на него из-за стекол очков так хитро и выжидающе, что Генри замешкался.

Душка вдруг испустил низкий рык, Генри вздрогнул, но было слишком поздно. На плечо ему легла чья-то рука, и хриплый голос протянул:

– Вы только поглядите, кого нам изловил этот пес!

Генри рванулся было, но хватка была просто железная. Вывернув шею, он оглянулся и увидел над собой длинное злое лицо Манфреда Блура.

– Пусти! – дернулся Генри.

– Ты шутишь, – процедил Манфред. – Отпущу я, как же! Кое-кто жаждет тебя видеть. – Он пихнул Генри вперед, подгоняя, потом обернулся. – Молодец, Билли. Скоро получишь небольшую награду.

– Спасибо, Манфред! – отозвался альбинос. Манфред поволок упирающегося Генри по коридору; когда они вышли на другую лестницу, Генри почти удалось вырваться, но Манфред заорал: «Зелда,

где ты там?» – и откуда-то возникла тощая носатая девчонка, которая вцепилась Генри в руку и чуть ее не вывихнула.

От боли Генри отчаянно заверещал.

– А ну заткнись! – приказал Манфред. – Держи его крепче, Зелда!

Носатая с удовольствием завернула Генри руки за спину – у него прямо кости захрустели, – а Манфред крепко связал ему кисти липкой лентой.

– Потребуется фонарик, – похлопал себя по карманам Манфред. – Где он?

– Не волнуйся,хватила, – буркнула носатая Зелда.

Вдвоем они потащили Генри, который все еще пытался сопротивляться, дальше. Темные коридоры, опять темные коридоры, древние винтовые лестницы, вверх, вниз... Наконец вокруг замаячили более или менее знакомые ему помещения: именно здесь они с Джеймсом проводили то последнее, роковое, Рождество.

– Мы еще не пришли! – прошипел Манфред.

Последовала еще одна лестница, наверх, и Генри со своими конвоирами очутился в сумерках, озаренных мертвенным светом газовых рожков, шипевших по стенам. Газовые рожки Генри прекрасно помнил, а вот сами стены, некогда оклеенные шикарными тисненными обоями, теперь могли похвастаться разве что обилием сырых плесневелых пятен да паутиной.

Перед облупившейся дверью, выкрашенной черной краской и покрытой царапинами, они остановились, и Манфред постучался.

Во рту у Генри пересохло от страха, и примерно там же колотилось сердце, которому полагалось находиться в груди.

– Кто там? – осведомился сиплый старческий голос.

– Дедушка, это я, Манфред. Угадай, кого я к тебе привел? Хочешь увидеть сюрприз? – Манфред дернул Генри за шкурку и нехорошо ухмыльнулся.

– Кого? – обрадованно проскрипел старик из-за двери. – Его? Заходи, заходи скорее, тащи его сюда!

Генри весьма грубо впихнули в комнату, и он оказался лицом к лицу с самым дряхлым старцем, какого когда-либо видел. Неужели это сморщенное пугало в инвалидном кресле когда-то было кузеном Зики? Нет, если присмотреться, то что-то общее есть, особенно недобрые, глубоко посаженные глаза и тонкие губы, поджатые в жестокой

усмешке. Духота в комнате стояла невыносимая: за согбенной спиной старика, в камине, полыхали не то что дрова, а целые бревна, а пол толстым слоем устилали вытертые ковры, и к тому же окна были плотно занавешены толстыми бархатными шторами.

– Прелестно, – прокаркал старик. – Глазам своим не верю, это же дорогой братец Генри!

В горле у Генри застрял комок, и слова наружу не выходили, да их и не было – от растерянности.

– Поди-ка поближе, – поманил Иезекииль.

Манфред с Зелдой совместными усилиями подтолкнули Генри вперед. Оказавшись ближе к огню, мальчик почувствовал, что сознание у него мутится от жары. А старик-то весь обмотан пледами! И как он не задыхается?

– Так-так, – недовольно пробормотал старик. – А ты, как я погляжу, совсем маленький, верно?

– Мне одиннадцать, – получилось у Генри хрипло, будто ему было сто одиннадцать. – То есть на прошлой неделе столько было.

Старик угрожающе нахмурился.

– На прошлой неделе? – язвительно переспросил он. – Ты имеешь в виду, девяносто лет назад?

– Не совсем так, – расхрабрился Генри. – Во всяком случае, не в моем восприятии.

– Ах, скажите пожалуйста, «восприятие»! – передразнил старик. – Ты ведь всегда в умниках ходил? Ну и что теперь, попался, умник?

Генри только и оставалось, что кивнуть. Правда есть правда.

– И где же ты прятался?

Мысли Генри отчаянно заметались. Нельзя же выдавать кухарку!

– В шкафу, – брякнул он.

– В каком шкафу? Где именно?

– В кухне, – быстро добавил Генри. – Меня никто не видел, а ночью я вылезал подкрепиться.

– Далеко же ты залез на этот раз, а? – ядовито спросил Зики.

– Угу, – вяло отозвался Генри.

– Как мы с ним поступим, деда? – кровожадно поинтересовался Манфред.

– Запрет на чердаке, – предложила Зелда, – с мышами. Летучими и бегучими. – Она радостно хохотнула.

Старик потер колючий подбородок.

– Обдумаем. Где Времяворот? – резко спросил он.

– Не знаю, его пес утащил, – пожал плечами Генри.

– Утащил-таки? Хорошая собачка, принесет хозяину еще один сюрприз. – Морщинистая физиономия старика расплылась в усмешке, и это было еще страшнее злобной гримасы: зубов у Иезекииля осталось всего ничего, да и те были черные и кривые.

В глубине души Генри был уверен, что Душка просто хотел поиграть, но спорить со стариком как-то не тянуло.

– И где же мой преданный песик? – прошамкал старик.

– Нес шарик и не донес, – сообщил Манфред, – выронил, потому что дурень Билли его пнул.

– Пнул? – заорал Иезекииль, брызгая слюной. – Эта моль белесая осмелилась пнуть мою собаку?! Паршивец! Почему ж ты не отыскал Времяворот, простофиля, тряпка, тюфяк!

Манфред отчетливо скрипнул зубами и кисло ответил:

– Ты просил привести мальчишку, я тебе его привел. А шарик и Билли найдет.

– Тьфу! – Старик смачно сплюнул в огонь. – Пусть поторопится!

– А этого куда – на чердак, да, сэр? – с надеждой подала голос Зелда. – И пусть там сидит, пока вы его обратно не отошлете?

– Нет, прах меня побери, это слишком ненадежно. Там проходной двор. Вот что, тащите его в подземелье! – И, скрипнув креслом, старик повернулся к Генри спиной.

При слове «подземелье» Генри содрогнулся, несмотря на удушливую жару.

– Разве нельзя мне остаться здесь? – взмолился он. – Я не помешаю, я тихо, как мышка, я... Я мог бы пожить у Чарли Бона, он...

– Остаться? – не поворачиваясь, переспросил старик. – Чего захотел! Ни за что. Уберите его с глаз моих долой, видеть его не могу. Ишь какой – румяненький, молоденький, здоровенький! Я сказал, вон его!

И Генри вытолкали вон.

– Не надо! – упирался он. – Ну пожалуйста, пустите! Ну что же вы делаете-то!

В коридоре Манфред и Зелда, не обращая ни малейшего внимания на его мольбы и брыканье, залепили Генри рот куском черного

пластыря, после чего потащили вниз, через холл, и куда-то на улицу, в темноту и адский холод. От холода Генри почему-то обмяк, и силы его покинули. Больше он не вырывался, и конвоиры повели его через заснеженный двор.

Луна скрылась за облаками, и только острые ледяные звезды озаряли академию призрачным светом. Зелда зажгла фонарик, и узкий луч выхватывал из мрака пересыпанную снегом траву. Генри почти ничего не видел в этом прыгающем свете, но догадывался, куда его ведут. И все же, когда из темноты возникли красноватые стены руин, он испугался и ноги у него подкосились.

Миновав знакомую Генри арку и дворик, конвоиры с узником двинулись по коридору, но, в отличие от того, которым гость из прошлого ходил вчера, этот, похоже, вел не вверх, а куда-то вниз. Земля под ногами была скользкой от плесени, Генри то и дело спотыкался и падал на Зелду.

– А ну прекрати, – рывкнула она, – а то я тебя туда за уши поволоку!

Куда это «туда»? Неужели в подземелья?

Они спускались все ниже и ниже, и плесенью воняло так, что Генри начал кашлять, тем более что пластырь мешал дышать. Он боялся задохнуться, но спуск вывел их наружу, на травянистый откос. В темноте чернели и с шуршанием качались на ветру деревья.

– Пошел! – Манфред в который раз пихнул Генри в спину.

Мальчик, спотыкаясь, скатился вниз; Зелда и Манфред, потешаясь над его неуклюжими прыжками, шли на шаг сзади. Затем Генри рывком поставили на ноги и подвели к черному валуну, полускрытому кустами.

– Давай, Зелда, за дело, – сказал Манфред.

На лице Зелды возникла кривая улыбочка, с которой носатая девчонка уставилась на валун. В тусклом свете фонарика Генри видел, как эта улыбочка постепенно превращалась в мучительную напряженную гримасу, а валун... валун зашевелился! Да, Зелда явно была из особо одаренных, ведь обычному человеку такое не под силу. Медленно-медленно, со скрежетом, валун сдвинулся назад, обнажив черную пасть ямы.

Генри и глазом моргнуть не успел, как Манфред развязал ему руки и толкнул прямиком к этой ужасной яме.

– Валяй, – бросил он. – Лезь вниз. Генри замычал и яростно замотал головой.

– Полезешь как миленький! – С этими словами Манфред с силой пихнул его в спину, и Генри заковылял вниз по скошенным каменным ступенькам.

– Пошел вниз! – На этот раз удар пришелся по голове, и Генри заскользил в яму, отчаянно цепляясь за камни, чтобы не грохнуться и не расшибиться. На лету ему удалось нащупать какое-то железное кольцо, вбитое в стену, и он попытался вскарабкаться обратно, но не успел: черная громада валуна уже задвигалась обратно. Генри очутился в кромешной темноте, и ему показалось, что он заживо погребен в могиле...

... Грохот в соседней комнате разбудил кухарку, но, выглянув на шум, она увидела только опрокинутый стул и пустую чашку, куда давеча спрятала Времяворот. Кухарка тотчас сообразила, что случилось. В окошко под потолком уже нетерпеливо царапались огненные коты. Стоило их впустить, и Огнецы кометой устремились к потайной лестнице. Коты всегда чуяли, если какой-то ребенок попадал в беду. Но на площадку над холлом они опоздали: Генри Юбима уже утащили, и там был только Билли, который таращился вниз, в темноту, перевесившись через перила. Завидев котов, он порскнул прочь и помчался в спальню. Там же, на лестнице, коты обнаружили Душку. Старый пес лежал на боку и тяжело пыхтел, не в силах подняться после пинка, который ему отвесил разозленный альбинос. Коты стали ободряюще тыкаться в собачий бок носами и ласково мурлыкать, и потихоньку им удалось унять боль и уговорить Душку подняться. Огнецы проводили его до того места, которое пес считал домом, и вот теперь он блаженно подремывал у ног кухарки, заботливо укутанный в одеяло.

– Бедняга, дорого тебе пришлось заплатить за то, что не выдал мой секрет! – качала головой кухарка. – Не бывать бы злосчастному псу в живых, если б не вы, – сказала она котам. – Но в этой треклятой академии где-то пропадает мальчик, который может погибнуть! – Она закрыла лицо руками. – Ах, Генри, глупыш, куда же ты делся?

Медно-рыжий Феникс не смог спокойно слушать, как она плачет, и, поднявшись на задние лапы, передней потербил кухарку по колену.

Кухарка тотчас утерла глаза и выпрямилась.

– Ты прав, слезами тут не поможешь. Ступайте, котики, поищите его!

Она распахнула потолочное окошко, и кошачья троица огненным сполохом исчезла в темноте. От этого зрелища кухарке стало легче на душе.

– Хотелось бы мне знать, что случилось с Времяворотом. Нашел его этот маленький негодяй Билли или нет? – пробормотала она, закрывая окно и прислушиваясь к далекому бою соборных часов, отбивавших полночь.

Билли, так кстати спугнутый котами с лестницы, уже спал в своей постели. Время-ворот все еще поблескивал в темном углу холла. Когда пробило полночь, дверь в западное крыло тихонько приотворилась и в холл проскользнул высокий темный силуэт. Прижимаясь к стене, некто принялся медленно обходить холл, пока не отыскал синий шарик. Времяворот вознесся из темного угла и был беззвучно, но быстро опущен в не менее темный карман.

Глава 13

В ЛОГОВЕ СТАРИКА

Утром следующего понедельника маме Оливии Карусел, знаменитой киноактрисе-звезде, необходимо было поспеть на работу как можно раньше, поэтому Оливия оказалась в академии еще затемно, изрядно опередив друзей. К немалому удивлению девочки, в холле было полным-полно народу. Целая армия уборщиц, вооруженных швабрами и вениками, тщательно выметала все углы; доктор Солтуэзер и другие мужчины-преподаватели отодвигали от стен мебель, стоявшую там годами; все прочие прочесывали каждый сантиметр, заглядывали под гобелены и перетряхивали тяжелые шторы.

– Не стой столбом, девочка, займись делом! – повелительно крикнул Оливии доктор Блур, восседавший посреди холла в кресле, как на троне.

Каким именно делом ее так настойчиво призывали заняться, Оливия пока не понимала.

– Вы что-то ищете, сэр? – вежливо уточнила она.

– Разумеется, ищем! – прогремел директор. – Шарик! Очень редкий и необычный стеклянный шарик! Ну же, ищи!

– Хорошо, сэр.

Оливия опустила сумку на пол прямо у входа и принялась блуждать туда-сюда по холлу, не отрывая глаз от пола. Но какой там шарик – на полу даже пылинки не осталось!

Тщательные, но совершенно бесплодные поиски продолжались еще с полчаса, после чего рассерженный директор приказал вернуть мебель на место и очистить помещение.

– Здесь его нет, – бурчал он себе под нос, – но куда же он тогда делся? У кого он?

Оливия услышала со двора знакомые голоса, подхватила сумку и помчалась навстречу Чарли, чтобы успеть с ним перемолвиться до утреннего собрания. Тот как раз поднимался по ступенькам и оживленно обсуждал с Фиделио Дореми какое-то зоокафе.

– Приветик! – крикнула им Оливия. – А у меня новости!

– А ну посторонись, укроп-петрушка! – пихнул ее локтем на бегу Дамиан Сморг, бесцеремонный малый, особенно в отношении девочек.

Но Оливия этого трусливого грубияна ничуть не боялась и быстро парировала:

– Да уж лучше иметь зеленые волосы, чем такую рожу, как у тебя!

И гордо пригладила свою прическу, не далее как вчера выкрашенную в изумрудно-зеленый цвет.

– Чучело-мяучело! Пижонка чокнутая! – отвечивал Сморг и проследовал своим путем.

Фиделио скорчил ему вслед неопишемую гримасу и повернулся к Оливии:

– Так что за новости?

Оливия в красках описала масштабные поиски шарика.

– Наверно, они искали ту самую штуку, которая закинула сюда твоего кузена, – добавила она, повернувшись к Чарли, – ну, Времяворот.

Мальчики уставились на нее в немом изумлении. Воспользовавшись паузой, Оливия небрежно похвасталась:

– Кстати, я с ним виделась.

– С Генри? – поразился Чарли.

– Ага, там, в руинах. Манфред и Аза его искали. Он сказал, что прятался в кухне, так что мы с Бинди быстренько отвели Генри обратно, пока та парочка его не изловила.

– Молодцы! – одобрил Чарли.

Мимо них прошла Эмма Толли, и Оливия окликнула ее:

– Эмма, подожди меня, я хотела...

Но Эмма даже не обернулась и скрылась в холле, где любые разговоры были строго-настрого запрещены.

– Не понимаю, какая муха ее укусила, – вздохнула Оливия. – Похоже, Эмма больше не хочет со мной дружить.

– А может, ты для нее слишком экстравагантная! – пошутил Чарли.

– Ха-ха, чья бы корова мычала! – Оливия фыркнула и бодро запрыгала через ступеньку в холл.

Мальчики прошли в раздевалку музыкального отделения, и первый, кого они там увидели, был Габриэль Муар, все с тем же

костюмом Азы в руках и очень обеспокоенный.

– Что стряслось? – спросил Фиделио. – Аза тебя преследовал?

– Похоже на то, – отозвался Габриэль. – Какой-то зверь прошлой ночью напал на наших коз.

Чарли сел с ним рядом.

– Они все целы? – осторожно спросил он.

– Да, просто напугались и доиться утром не стали, – расстроено сообщил Габриэль. – Думаю, надо вернуть Азе это шмотье, но как – не знаю. Вдруг он на это устроит какую-нибудь пакость?

– Да куда уж больше... А ты отдай Оливии, – предложил Фиделио, – а она на перемене подбросит в театральную раздевалку.

– Это мысль. Так и сделаю. – Габриэль запихнул пакет под скамью и вместе с друзьями отправился на ежеутреннее собрание, по окончании которого Чарли потащился на урок духовой музыки, к вспыльчивому мистеру Палтри. Однако тот решил, что Чарли пора попробовать свои силы на трубе вместо обычной флейты, и с трубой у мальчика дело пошло намного легче, так что урок получился, можно сказать, приятный – против обыкновения.

На перемене Чарли присоединился к Габриэлю и Фиделио, мерившим шагами заснеженный двор. Габриэль все с тем же обеспокоенным видом сказал Чарли, что привел план в исполнение и Оливии, кажется, удалось повесить злосчастный пакет на Азин крючок.

– Тогда все улажено.

– Если бы! Я пошел на урок фортепиано, но мистера Пилигрима на месте не было.

– Да у него же память дырявая, он вечно все путает, – напомнил Габриэлю Фиделио.

– Только не уроки, – мрачно сказал Габриэль.

К ним рысцой подбежала Оливия, рот до ушей.

– Дело сделано! – отрапортовала она. – Повесила пакет на Азин крючок, а потом знаете что было?

– Не знаем, – хором сказали все трое.

– Только я успела все проверить, как входит Аза! И видок же у него был, мальчишки! Хромает и весь в бинтах! Кто-то его здорово отделал.

Друзья не удивились: они-то прекрасно помнили ералаш в зоокафе и свору псов, азартно погнавшихся за Азой, о чем Чарли не преминул тут же поведать Оливии. Эта история развеселила девочку так, что она покатилась со смеху и остаток перемены хохотала до икоты, в каком-то состоянии отбыла на урок декламации, в то время как Фиделио с Чарли пошли на английский.

Габриэлю теоретически полагалось идти на математику, но он чувствовал себя как-то странно, а почему – и сам не понимал. Да и с чего бы? Одежда на нем была вся новая, однако в животе у него неприятно холодело, в горле стоял комок, а по спине бегали мурашки. Сам не зная как, Габриэль очутился в западном крыле и вскоре уже поднимался на музыкальную башню. Навстречу ему неслись переливчатые трели фортепиано: мистер Пилигрим, несомненно, вернулся.

Габриэль постучался к нему в дверь, но ответа не последовало. Громовой басовый аккорд завершил пьесу, повисла тишина, и тогда Габриэль решился войти без спросу. Мистер Пилигрим вопросительно воззрился на него поверх черного блестящего рояля.

– Прошу прощения, сэр, но я пропустил урок, потому что вас... вы куда-то делись и я хотел... можно позаниматься сейчас?

– Сейчас? – озадаченно переспросил мистер Пилигрим.

– Да, пожалуйста, сэр.

– Сейчас. Э-э-э... да. – Мистер Пилигрим уступил Габриэлю место, и тот, не дожидаясь указаний, заиграл привычные гаммы. Когда с гаммами было покончено, мистер Пилигрим не сказал ни слова, и Габриэль перешел к хитроумным фугам Баха. Преподаватель слушал молча.

К концу второй фуги Габриэлю показалось, что воздух в комнате звенит от напряжения. Через силу доиграв, мальчик сложил руки на коленях и стал ждать, что скажет мистер Пилигрим. Впрочем, тот нередко вообще воздерживался от замечаний.

Где-то вдалеке соборные часы стали бить полдень.

– Мне, наверно, пора, сэр, – осмелился Габриэль.

– Сегодня ты играл очень хорошо, – сказал мистер Пилигрим.

– Спасибо, сэр.

Габриэль уже хотел встать, когда учитель вдруг произнес:

– Габриэль, они забрали мальчика!

– Какого мальчика, сэр?

– Того, что тут ночевал.

Габриэль мигом сообразил, о ком речь:

– Вы про Генри, сэр? Про кузена Чарли Бона?

Мистер Пилигрим напряженно нахмурился:

– Генри? Они его забрали. Ему нужна помощь.

– Хорошо, сэр, я понял.

Габриэль заторопился, но мистер Пилигрим ухватил его за рукав:

– погоди, возьми. – Вынув из кармана что-то маленькое, блестящее, он вложил этот предмет в руку Габриэля.

Это был увесистый стеклянный шарик, синий, испускавший странное сияние даже сквозь сомкнутые пальцы.

– Бери, – настойчиво сказал мистер Пилигрим. – Теперь можешь идти.

– Спасибо, сэр.

На середине лестницы Габриэль присел прямо на ступеньки. Нужно было хорошенько обдумать, как быть дальше. Если мистер Пилигрим не ошибся, Генри в ловушке. Блуры искали именно этот шарик – Времяворот. Что они затевают? Хотят услатить Генри в прошлое, где он погибнет?

Габриэль осторожно разомкнул пальцы и увидел радужные переливы, которые дышали и мерцали внутри шарика, потом поспешно сжал его в кулаке, вспомнив, как здесь очутился Генри. «Засмотришься – себе дорожке выйдет», – пробормотал он.

В полутьме пролетом ниже возник какой-то силуэт, и Габриэль, вскинувшись, увидел бледное лицо миссис Блур.

– Ты сегодня играл великолепно, – еле слышно произнесла она.

Поблагодарив, Габриэль спустился к траурной даме и протянул ей синий шарик:

– Я хочу вам отдать одну вещь.

– Что это? – Миссис Блур как будто испугалась.

– Времяворот, он может перенести вас в прошлое, сделать прежней, – поспешно объяснил Габриэль, вкладывая шарик в ее обтянутую перчаткой ручку. – Только не смотрите на него сейчас, – предупредил он. – Нужно дождаться подходящего времени.

– Я знаю, – понизила голос миссис Блур, – мне кухарка рассказывала. Спасибо тебе, от всего сердца спасибо, Габриэль.

Ее траурная фигурка исчезла, словно и не было. На душе у Габриэля стало полегче, и он бойко запрыгал вниз по ступенькам.

– Опаздываешь, – заметил Фиделио, когда Габриэль появился в столовой, поставив на стол свою порцию жареной картошки.

Габриэль стал бдительно озираться: вообще-то в столовой стоял гвалт и голоса можно было не понижать, но ему определенно не хотелось, чтобы малоприятные новости услышали чьи-то чужие уши. Усевшись между Чарли и Фиделио, Габриэль нагнулся над тарелкой и быстро произнес:

– Генри попался к *ним* в лапы!

– Что? – слишком громко вырвалось у Чарли.

– Тише ты! – Габриэль опять огляделся, но никто не обращал на них внимания. – Мне мистер Пилигрим сказал, а откуда он узнал – понятия не имею.

– Слушай, он со странностями, так что может сказать что угодно, – засомневался Фиделио.

– Говорил он уверенно, – настаивал на своем Габриэль.

– Кухарка наверняка в курсе. – Чарли решительно поднялся. – Пойду отнесу тарелку на кухню и поищу ее.

– Тогда лучше отправляйся прямо сейчас, – посоветовал приятелю Фиделио. – Вон на раздаче какая толпа, как раз проскочишь, и никто не заметит.

Чарли сделал вид, что двинулся на раздачу, а потом незаметно шмыгнул в кухонную дверь.

В кухне, как всегда, стоял дым коромыслом, точнее, пар, и Чарли, пробираясь сквозь этот горячий туман, то и дело налетал на озабоченных поварих с кастрюльками и стопками тарелок.

– Тебе тут не место! – прикрикнула на него одна.

Чарли проскользнул в дальний угол, где и обнаружил кухарку, сосредоточенно чистившую морковь. Глаза у нее были красные, словно она чистила лук, а лицо расстроенное, если не сказать несчастное. Завидев Чарли, она горестно покачала головой.

– Что, в самом деле правда? – прошептал Чарли. – Они поймали Генри?

– Увы, правда, Чарли, – отозвалась кухарка. – Он попался. Ты-то как об этом узнал?

– Мистер Пилигрим сказал Габриэлю.

– Мистер Пилигрим? – озадаченно переспросила кухарка. – Странно. Впрочем, теперь я уже ничему не удивлюсь.

– А куда его утащили, вы не знаете? – торопливо спросил Чарли.

– Точно не знаю, но за полночь я видела, как Зелда с Манфредом вышли через садовую дверь.

– Значит, они отволокли его в руины.

– С них станется, – вновь покачала головой кухарка. – Там есть какие-то жуткие подземелья, но развалины такие обширные, что я просто не знаю, где его и искать. Но ты имей в виду: его наверняка найдут Огнецы и позаботятся о нем.

– Да что они могут сделать, если Генри сидит взаперти? – махнул рукой Чарли. – Нет, мне надо найти его самому и вытащить оттуда.

– Кому-то точно надо его найти, это яснее ясного, – согласилась кухарка. – А теперь беги обратно, Чарли, и не отчаивайся. Что-нибудь да придумаем.

Отчаиваться Чарли не собирался. Выскользнув обратно в столовую, он взял себе на сладкое печенья и присоединился к друзьям.

– Все верно, – отчитался он. – Кухарка считает, что его заточили в подземелье.

– Они заточили – мы вытащим, – уверенно заявил Фиделио.

– Ага, только сначала найти надо, – напомнил Габриэль.

– Тогда вперед, начнем прямо сейчас, – предложил Фиделио. – У нас еще полчаса перемены.

Расправившись с ленчем, мальчики вышли в сад. Снег растаял на солнце, которое безмятежно сияло с безоблачного неба, и настроение у всех от этого сделалось бодрое, однако бодрости хватило только до руин.

Миновав арку, спасательная экспедиция наткнулась во внутреннем дворе на неожиданное препятствие в лице сурового садовника мистера Уидона, который деловито заколачивал планками все пять проходов в коридоры.

– Брысь отсюда, Бон, – бросил он. – Я занят.

– Да мы вам не помешаем, – расхрабрился Чарли.

– Я сказал – брысь, и это ко всем относится, – обрушился на мальчишек садовник. – Здесь стало слишком опасно. Думаете, с чего я тут стараюсь?

Троица поняла, зачем он заколачивает проходы, и поспешно ретировалась.

– Ясное дело, путь в подземелья теперь отрезан, – невесело заметил Габриэль. – Какие будут предложения?

В мрачном молчании несостоявшиеся спасатели принялись кружить по саду. Вскоре к ним подбежала Оливия и поинтересовалась, с чего это они все ходят как в воду опущенные. Тревожные известия о Генри ее просто оглушили.

– Ужас какой, – выдавила девочка. – Как же его теперь спасти?

– Сами еще не знаем, – бросил Габриэль. В течение последующих уроков Чарли изо всех сил старался сосредоточиться и подумать, но ему это не удавалось: учеба мешала, учителя дергали, задавали вопросы, делали замечания. Дважды он в задумчивости ошибся классом. Если бы не присмотр верного Фиделио, не миновать бы Чарли общения со старостой, что ему никоим образом не улыбалось – особенно в свете последних событий. В тот вечер атмосфера в Королевской комнате царила самая подавленная. Лизандр угрюмо уткнулся в учебник, Бинди где-то подхватила сильнейшую простуду, Эмма сосредоточенно делала уроки, не поднимая головы, а Аза шипел и гримасничал от боли каждый раз, когда ему требовалось что-нибудь записать забинтованной рукой. Место Танкреда по-прежнему пустовало, и эта пустота притягивала к себе все взоры и, казалось, источала смертный холод, словно на стуле помещалось привидение.

Единственным довольным человеком в комнате была Зелда, которая то и дело утягивала чей-нибудь учебник или тетрадь, не прибегая к помощи рук. Когда она принялась силой взгляда вращать пустой стул Танкреда на месте, у Манфреда лопнуло терпение.

– Прекрати, Добински! – напустился он на фокусницу. – Что еще за глупости! Смотри, какой беспорядок устроила!

– Это не глупости, а телекинез, – огрызнулась Зелда. – Впрочем, ты, наверно, и слова-то такого не знаешь.

– Плевать мне, как это называется, – рывкнул Манфред, – но оно мне на нервы действует. Я сказал – хватит.

Зелда показала ему язык и неохотно принялась за уроки.

Летающие учебники рассмешили бы Чарли, не будь он слишком расстроен и встревожен. К тому же обмен любезностями произошел не между кем-нибудь, а между тюремщиками Генри! Время ползло, как

сонная улитка; можно было подумать, что кто-то перевел стрелки часов назад. Взгляд Чарли упал на портрет Алого короля, который висел как раз за пустовавшим местом Танкреда. «А что бы вы сделали на нашем месте, Ваше Величество?» – мысленно спросил Чарли.

Король ответил Чарли пристальным темным взором; золотая корона его сверкнула, словно на холсте появилось настоящее золото, густые тени зашевелились в складках алого плаща. И вдруг высокая фигура начала расплываться, менять очертания, и Чарли понял, что смотрит уже не на короля, а на раскидистое дерево, одетое алой и золотой осенней листвой. Но почему он не слышит голоса короля? Странно. Чарли прикрыл глаза, а когда открыл, дерево уже исчезло, вновь уступив место неподвижной и величественной фигуре монарха. «Что-то у меня с головой не то, воображение разыгралось», – решил мальчик.

Изнывая от нетерпения, Чарли дождался восьми часов и стрелой вылетел из комнаты; Габриэль за ним еле поспевал.

– Ты что-нибудь придумал, да? – шепотом спросил он Чарли по дороге в спальню.

– Планом это пока что не назовешь, – признался Чарли, – но все равно я в любом случае отправляюсь сегодня ночью в развалины.

– Я с тобой.

– Нет, – отказался Чарли и поспешно объяснил: – Лучше, если пойдет кто-то один. А ты пока последишь за обстановкой в спальне.

– Нет, – возразил Габриэль. – В этих треклятых руинах может случиться что угодно. Тебе прошлого года мало?

– Аза же ранен, значит, особой опасности он не представляет, – возразил Чарли, стараясь говорить как можно увереннее, поскольку на самом деле перспектива ночного похода его, конечно, страшила.

Узнав о намерении Чарли, Фиделио тоже вызвался пойти с ним в руины. Но Чарли и от его помощи отказался.

– Если мы пойдем вдвоем, нас непременно засекут, так что лучше я сам, – твердо сказал он. – В конце концов, Генри чей родственник? Мой.

Они держали совет, расположившись втроем на койке Чарли, и вошедший в спальню Билли Гриф сразу же обратил на них внимание.

– У вас вид как у настоящих заговорщиков, – тоненько сказал он.

– Да, мы тут замышляем, как бы под тебя повернее подкопаться, – неприязненно отозвался Фиделио.

– Тоже мне, умник выискался, – надулся Билли.

Вслед за ним в спальню потянулись прочие ее обитатели, и заговорщики смолкли, не желая, чтобы их подслушали.

Дождавшись, когда часы на далеком соборе пробили одиннадцать, Чарли в темноте накинул синий плащ, натянул носки и сунул ноги в ботинки. Идти на цыпочках в уличной обуви было не так-то просто, но Чарли удалось выскользнуть из спальни, почти не произведя шума. Предвкушение приключения начинало его будоражить: Чарли был уверен, что отыщет Генри. Лелея эту мысль, он свернул за угол и натолкнулся на надзирательницу – тетку Лукрецию!

– Куда это ты направляешься? – с нажимом спросила она.

– Ой! Должно быть, я ходил во сне, – фальшиво удивился Чарли. – Приступ лунатизма.

– Чушь собачья. Что там у тебя в руках?

– Ничего. – Чарли поспешно спрятал кухаркин фонарик за спину.

– Отдай. Живо!

Деваться было некуда, и Чарли неохотно протянул тетке заветный фонарик.

– Оч-ч-чень интересно, – прошипела надзирательница. – Где взял?

– Дома нашел, – соврал Чарли.

– Да что ты говоришь? Ладно, я его забираю. Иди спать.

– Как я вернусь, мне без фонарика ничего не видно!

– Как лунатик – с закрытыми глазами, – язвительно предложила тетка. – Марш!

Пришлось Чарли возвращаться на ощупь по темным холодным коридорам. Он уже почти добрался до спальни, когда споткнулся обо что-то и рухнул на пол. Поднимаясь, Чарли ощупал неожиданное препятствие и чуть не завопил: поперек коридора лежало чье-то тело!

И, судя по курчавой шевелюре, это был не кто иной, как Фиделио!

– Фиделио, – отчаянно зашептал Чарли, – ты чего, вставай! Проснись!

Руки и лоб у Фиделио были совсем холодные, и Чарли испугался еще больше. Он потормошил друга, сначала легонько, затем посильнее.

– Проснись! Да что с тобой?! Фиделио не отзывался и не шевелился. Чарли кинулся в спальню напрямик к Габриэлю.

– Габриэль, вставай! – приглушенно позвал он. – Беда!

Габриэль пробурчал что-то нечленораздельное и рывком сел.

– Что стряслось?

– Там, в коридоре, лежит Фиделио, – быстро сказал Чарли. – Мне его не разбудить.

Габриэль мигом схватил свой фонарик, и оба мальчика выбежали в коридор. Фиделио, несомненно, спал, хотя был бледен, холоден и дышал совсем тихо. Габриэль посветил ему в лицо, и Чарли прикусил губу: глаза у спящего Фиделио были широко распахнуты, но неподвижный взгляд устремился в никуда с отсутствующим выражением. Вдвоем им удалось поднять Фиделио и отнести в постель.

– Он под гипнозом, – понял Чарли. – Нельзя же его так оставить до утра, он тогда может вообще не проснуться!

Габриэль крадучись сбегал в ванную и принес кувшин холодной воды.

– Иного выхода нет, – извиняющимся тоном пробормотал он и облил Фиделио голову.

Фиделио застонал, вздрогнул и захлопал глазами. И сел.

– В чем дело? – слабым голосом спросил он.

– Это ты нам скажи, в чем дело! – шепотом потребовал Чарли. – Ты валялся в коридоре.

– Я пытался пойти за тобой, – запинаясь принялся оправдываться Фиделио, – но Манфред подстерег меня и заставил посмотреть ему в глаза. Он светил себе в лицо фонариком. Бррр, ну и глазищи у него были! Как черные дыры!

– Он тебя загипнотизировал, – объяснил Чарли. – Ты как, получше? Очухался?

– В сон клонит, – вяло ответил Фиделио. – Поспать бы.

– И меня тоже, – сказал Габриэль. – Ладно, спокойной ночи.

Они разошлись по своим койкам, но Чарли заснул не сразу, он был слишком обеспокоен. Значит, теперь слежка установлена и за его друзьями! Кто-то решил во что бы то ни стало помешать им спасти Генри.

Бодрствовал в спальне и еще один мальчик – Билли Гриф: он выжидал. Удостоверившись, что все заснули, он направился к двери. Пора было навестить мистера Иезекииля. Душку ждать смысла нет, они теперь враги, о чем Билли, пожалуй, сожалел.

– Ничего не попишешь, – пробормотал он, плотнее закутываясь в новенький синий халат.

С помощью яркого фонарика Билли быстро добрался до западного крыла академии, но, очутившись в царстве газовых рожков, фонарик погасил. И почти сразу споткнулся о пустую банку из-под джема: помимо старика в этих покоях обитал кто-то еще, и этот кто-то время от времени швырял такие банки на лестницу с чердака. Кто именно был любителем джема, Билли не знал и предпочитал не выяснять – может, привидение, может, еще кто похуже. Маленький альбинос проворно засеменил к комнате старика, но у двери притормозил и замер: в комнате скандалили. Билли тут же приник ухом к двери.

– Его кто-то прячет! – разорялся старик. – Кто-то из этих негодных недорослей-волшебничков!

– Все дети в это время были дома, не считая маленького Грифа, – раздался успокаивающий трубный голос, по которому Билли с содроганием признал надзирательницу.

– Он мне нужен! – настаивал разъяренный старик. – Я хочу иметь эту вещь!

– Успокойтесь, Иезекииль, – уговаривала надзирательница, – есть же другие способы избавиться от мальчишки, зачем все усложнять?

– Чарли получил ту картину?

– Получил, получил, не волнуйтесь, – заверила старика мадам Юбим.

– Думаешь, он не выдержит искуса и полезет внутрь? – коварно проскрипел Иезекииль.

– Конечно полезет, ему не устоять. Только вот вытащит ли он оттуда кинжал, это еще вопрос.

– Вытащит, никуда не денется. Любой нормальный мальчишка выберет кинжал – оружие, блестит.

– Да, забыла сообщить, у нас некоторые сложности с Патонем, – произнесла надзирательница. – Кажется, он знает больше, чем нужно.

– Так разберитесь наконец с этим своим братцем! – отрезал старик. – Он знает слишком много. И читает слишком много.

Надзирательница издала неприятный смешок:

– О да, он только и делает, что читает. Это-то его и погубит... когда-нибудь. Положитесь на нас.

К ее смеху присоединилось дребезжащее хихиканье старика. Билли решил, что сейчас самое время постучать.

– Кто там? – осведомился старик, все еще задыхаясь от смеха.

– Билли Гриф.

– А, тебя-то мне и надо, заходи, – пригласил мистер Иезекииль.

Билли, преисполненный приятных предвкушений, вошел в комнату. Он рассчитывал на заслуженную награду, но...

– Негодяй! – заорал старик, едва завидев его. – Как ты посмел пнуть моего песика?!

– Я хотел как лучше, – заблеял Билли. – Я ловил мальчика из ниоткуда!

Иезекииль и слушать не стал:

– Я спрашиваю, как ты осмелился обидеть Перси? А? Отвечай, паршивец!

– Он не желал со мной разговаривать, – объяснил испуганный Билли. Кажется, награды не будет, но спросить все-таки надо. – Сэр, а когда я увижусь со своими новыми родителями?

– Никаких тебе родителей, – отрезал старик. – Раз ты обидел пса, не видать тебе родителей как своих ушей. Все, разговор окончен, выметайся.

Билли ничего не оставалось, как повиноваться. В спину ему ударило презрительное фырканье надзирательницы: она терпеть не могла детей.

Глава 14

КАТАСТРОФА

Такой кошмарной недели у Чарли в жизни еще не было.

Фиделио несколько дней не мог оправиться от Манфредова гипноза: он плелся за Чарли, как шаткая тень, бледный, заторможенный, не в силах разговаривать, и забывал то имя приятеля, то свое собственное, а об уроках уже и говорить не приходилось.

Каждый день Чарли пытался проникнуть в руины и терпел поражение, поскольку на входе неизменно торчал садовник, шугавший его прочь.

– Пошел вон отсюда! – кричал мистер Уидон. – Запретная зона! Брысь, кому говорят!

По ночам отправиться на поиски Генри тоже не выходило – стоило Чарли сунуться за порог спальни, его перехватывала тетка Лукреция, почему-то всякий раз оказывавшаяся неподалеку. В конце концов Чарли сдался, но за Генри тревожился страшно. Куда его заперли? А вдруг он голодает? А вдруг он уже умер?! Еще сильнее Чарли забеспокоился, когда до него дошло, что беднягу Генри и искать-то никто не станет: у него же нет родителей, и вообще его в этом году и в этом месте быть не должно. Он, можно сказать, и не существует вовсе. Конечно, о нем знают кухарка и миссис Блур, но что они могут и кто, к примеру, станет слушать миссис Блур, которая собственной тени боится?

– Да, все зависит от меня... – пробормотал себе под нос Чарли.

– Что от тебя зависит? – рассеянно спросил Фиделио, не отходявший от него ни на шаг.

Настал долгожданный пятничный вечер, и мальчики складывали сумки, собираясь домой.

– Ого! – вскинулся Чарли. – Наконец-то ты спросил что-то осмысленное. Тебе лучше?

Фиделио кивнул:

– Чары рассеиваются, но голова у меня все равно болит. Эх, как бы так устроить, чтобы Манфред испытал этот гипноз на своей шкуре!

– Ничего, когда-нибудь дождется, – подал голос Габриэль.

В спальню понуро вошел Билли Грифф, и Фиделио прошипел:

– Это все он виноват, доносчик проклятый!

Но Чарли было жаль Билли, одинокого, маленького и какого-то затравленного.

– Нечего его жалеть, – предупредил Фиделио. – У этой гадюки еще полно яду.

Собравшись, мальчики победоносно промчались через холл, к массивным дубовым дверям, которые вели во внешний мир.

– Ура, свобода! – пел на бегу Габриэль. – Дорогие хомячки, я уже в пути!

Вот и синий школьный автобус на площади! Чарли каждый раз казалось, что тащится он как черепаха: Филберт-стрит была одной из последних остановок на маршруте. А сегодня мальчику особенно не терпелось поскорее попасть домой, потому что надо было срочно спросить у дяди Патона совета насчет Генри. Положение-то безвыходное.

Выскочив из автобуса, Чарли увидел, что навстречу ему несутся Бенджи и Спринтер-Боб. По лицу приятеля Чарли сразу понял: что-то стряслось. Сердце у него упало.

– Ну, говори! – без предисловий сказал он запыхавшемуся Бенджи.

– Ой, Чарли, такой ужас! Твой дядя попал под машину! – выпалил тот.

– Что?! – Чарли уронил сумку прямо в лужу. – Когда? Где? Как? Он...

– Жив он, жив, – поспешно добавил Бенджи, переводя дух. – Он... уф... в больнице. Попал под машину неподалеку от собора... Уф... Кто-то видел, как он переходил улицу, читая книгу, а из-за угла как вылетит автомобиль, и – бац! – сбил мистера Патона и умчался, даже не притормозил, представляешь?

Чарли схватился за голову.

– Только не это! – взвыл он. – Я боялся чего-нибудь подобного!

Заходить домой к Чарли Бенджамин отказался.

– Не хочу я вам мешать. Наверно, поедете в больницу?

С порога Чарли попал в объятия заплаканной Мейзи.

– Ах, Чарли, что за несчастье! – ахала она. – Тебе ведь Бенджи уже рассказал?

– Да-да. – Чарли вырвался на свободу. – Дяде лучше? Говорить он может?

– Вчера еще не мог, – всхлипнула Мейзи. – Он весь в бинтах, у него, кажется, сотрясение мозга и ребра поломаны. Бедный, бедный Патон!

– А кто был за рулем, выяснили?

– Увы, нет. Этот негодяй сбил его и укатил, – мрачно сказала Мейзи. – Правда, двое очевидцев там было, но они не успели записать номер машины, так быстро она скрылась.

В кухне мама накрывала на стол.

– К дяде мы поедем попозже, – сказала она, чмокнув сына в щеку. – Ты с нами, Чарли?

– Спрашиваешь! – горячо откликнулся мальчик.

После обеда они вызвали такси и поехали в больницу, которая оказалась громадным зданием, так что пришлось долго тыкаться туда-сюда в поисках нужной палаты. Еще с порога они увидели, что у одной из многочисленных коек сидят Эмма Толли и мисс Ингльдю.

– Меня так и тянет высказать этой особе все, что я о ней думаю! – проворчала Мейзи. – Все ее вина, она так ужасно обращалась с бедным Патоном!

Однако подробно огласить свое мнение Мейзи не пришлось: едва завидев новых посетителей, мисс Ингльдю вскочила и дрожащим от слез голосом заговорила:

– Простите меня! Мне безумно жаль, что все так обернулось! Это я виновата, только я! Ведь Патон направлялся ко мне в гости, и я... ах, зачем он так рисковал ради меня! Прямо не знаю, что теперь и делать! – Она высморкалась в кружевной платочек.

Мама Чарли ласково обняла ее за плечи:

– Не казните себя, Джулия, вы тут совершенно ни при чем. Просто Патон пытался провести небольшой эксперимент и... его постигла неудача. Конечно, кому-нибудь из нас следовало его сопровождать, а не отпускать самостоятельно, но он выскользнул из дому без нашего ведома.

Дядя Патон лежал укрытый одеялом до самого подбородка, с лицом блее бинтов, которыми была обмотана его голова. Глаза же его

прикрывала темная тряпочная маска вроде очков – видимо, от яркого света.

– Он без сознания? – робко спросил Чарли.

– Еще чего, – отозвался едва слышный голос дяди.

Чарли наклонился пониже:

– Дядя, вы как? Вы ведь поправитесь?

– Ну разумеется, мой мальчик. – Голос дяди упал до шепота: – Чарли! Чарли, слушай внимательно, это сделала одна из них!

– Кто?

– Ну как кто, одна из моих любящих сестричек! Она была в парике, так что которая именно, я не знаю, я их всегда только по прическам и различал.

Обалдевший, Чарли плюхнулся прямо на край койки.

Мисс Ингльдю засобиравалась, но перед уходом вручила Чарли маленькую потрепанную книжечку.

– Я нашла ее в канаве на том месте... там, где твой дядя попал под машину, – сказала она. – Он просил меня отдать эту книгу тебе. Я ведь правильно вас поняла, Патон?

– Верно, – еле слышным голосом откликнулся дядя.

– До свидания, дорогой, поправляйтесь. Я загляну завтра.

Стоило мисс Ингльдю отвернуться, как на лице у дяди возникла слабая, но несомненно торжествующая улыбка.

Прежде чем последовать за тетей, Эмма быстро наклонилась к Чарли и торопливо произнесла:

– Чарли, ты не сердись, что я последнее время была такая... так нелюбезна. Но я хочу помочь.

– А-а, – только и сказал Чарли.

– И не только хочу, но и помогу!

– Спасибо, – обрадовался мальчик. – Тогда до понедельника!

Эмма тоже была из одаренных, и талант ее мог пригодиться.

Когда Эмма с тетей удалились, Мейзи принялась излагать дяде все новости, какие только могла припомнить, и домашние, и городские, и мирового масштаба. Чарли, не особенно слушая ее болтовню, рассматривал книжку. На коричневой обложке поблекшим золотом было вытиснено: «Гейри-адур». Он перелистал книгу, но внутри оказались столбцы слов на неизвестном Чарли языке.

Через некоторое время, насытившись новостями, дядя зевнул и сказал:

– Я попросил маску из-за лампочек. Сказал, что мне свет в глаза бьет, но на самом деле просто не хочу неприятностей.

– Да уж не надо, пожалуйста! – Мейзи посмотрела на ряды ярких ламп.

– Тогда всем спокойной ночи, – невнятно сказал дядя сквозь очередной зевок.

Мейзи с мамой поняли намек и встали, а Чарли, прежде чем распрощаться, нагнулся к дядиной койке и шепнул:

– Книжка на иностранном языке!

– Это валлийский^[2], – одними губами отозвался дядя. – Пригодится тебе для разговора со Скорпио.

– Почему?

Но дядя не ответил, просто попросил:

– Береги ее.

Чарли вспомнил, что хотел посоветоваться с дядей насчет Генри, но как это сделать при нынешних обстоятельствах, решительно не знал. Тем более что пришла медсестра с подносом всевозможных таблеток и Чарли пришлось покинуть палату вслед за мамой и Мейзи.

Дома они обнаружили, что старуха Бон восседает на кухне и уминает пирог.

– Вы даже не навестили Патона! – прокурорским тоном пристыдила ее Мейзи.

– У меня было много дел, – проворчала бабушка Бон.

– Гризелда, да как же так можно! Он же ваш родной брат! – Мейзи всплеснула руками и отвернулась в отвращении. – У вас просто каменное сердце!

Старуха Бон пропустила ее слова мимо ушей и отрезала себе еще добрый кус пирога с вареньем. Но, не успев за него приняться, она заметила книжку, которую Чарли держал в руке.

– Что там у тебя? – Старуха впилась глазами в книжку.

– Книга.

– Это я вижу и без тебя, – раздраженно бросила она. – Что за книга? Ну-ка дай сюда.

– Не дам, – наотрез отказался Чарли. – Это... это личное.

После чего поспешил ретироваться к себе в комнату, пока книгу не отобрали силой. Бабушке Бон он не доверял: она наверняка полезет рыться в его вещах при первой же возможности. Он с облегчением обнаружил, что книжка тютелька в тютельку помещается в карман джинсов. Отлично, значит, завтра, когда они опять поедут в больницу, надо будет уллучить минутку и перемолвиться с дядей с глазу на глаз.

Но его планам не суждено было осуществиться. Наутро, когда Чарли вызывался навестить дядю, Мейзи мрачно сообщила:

– Сегодня к нему едут все сестрицы Юбим плюс бабушка Бон. А в машину к Юстасии я ни за какие деньги не сяду. Она гоняет как ненормальная.

– А мама как же?

– Ей сегодня не удастся освободиться пораньше, так что в часы посещения она не успеет.

Как же быть? Чарли пораскинул мозгами и решил, что должен непременно увидаться с дядей, поэтому в три пополудни, когда к дому подкатил черный автомобиль Юстасии, он забрался на заднее сиденье, рядом с бабушкой Бон. С Юстасией уже сидела тетка Венеция.

– Ах, как замечательно! – аффективно пропела она. – С нами едет крошка Чарли!

– Никаких крошек, пожалуйста! – возмутился Чарли.

– Комплексуешь из-за того, что такой коротышка? – мстительно хихикнула тетка Венеция.

Чарли решил не унижаться и тему более не поддерживал.

В палате у дяди до него дошло, что в присутствии теток никакой приватной беседы ему не светит. Заслышав голоса любящих сестриц, дядя прикинулся спящим и на вопросы не реагировал.

– Похоже, он все еще без сознания, – заметила старуха Бон и возвысила голос:

– Патон! Это мы, твои сестры! Ты что, даже поговорить с нами не желаешь?

В лице дяди не дрогнул ни единый мускул.

– А мы-то тебе винограду привезли! – вздохнула Юстасия, шлепнув пакет на столик у койки.

– И Чарли, – добавила Венеция.

Дядя по-прежнему и ухом не вел. Что ж, его можно было понять. Тогда сестрицы расселись вокруг койки и светскими голосами стали

обсуждать погоду и новости, точно Патона тут и не было. Через полчаса натужного щебета они, видимо, решили, что для визита к больному пробыли достаточно, и поднялись. Чарли понял, что ключевой миг настал, наклонился к дяде и украдкой шепнул:

– До следующих выходных!

– Удачи, Чарли, – не шевеля губами, откликнулся дядя.

– Заговорил! – взвизгнула Венеция. – Чарли, Что он сказал, что?

– Ничего, просто это он так вздохнул, – соврал Чарли.

Тетки воззрились на него с крайним подозрением, но он сделал такое же каменное лицо, что и дядя. На обратном пути все четверо его игнорировали и болтали о чем-то своем. Чарли в жизни не видел бабушку Бон такой довольной. Но раз бедный Генри заперт где-то в темном подземелье и мучается от голода, у Юбимих, конечно, есть повод для радости.

Добравшись до дому, Чарли понял, что дальше такого напряжения не вынесет, и решил посоветоваться насчет Генри с мамой. Дождавшись, когда она вернется с работы, он утащил ее в комнатку, где мама всегда шила, и сказал:

– Мам, есть разговор. Ты не против?

– Ну конечно, сынок, – откликнулась она, убрала шитье со стула, усадила Чарли, а сама села поближе к нему.

Мама всегда слушала его очень внимательно, и не в ее обычае было перебивать, однако, когда Чарли изложил ей необычайную историю Генри Юбима, глаза у мамы стали круглые – сначала изумленные, потом испуганные.

– Ах, бедный мальчик! – сказала она наконец. – Что же нам делать? А Патона... его родные сестры... Но это как раз меня не удивляет.

– Почему, мам?

– Из-за твоего отца. Я знаю, что они каким-то образом причастны и к той катастрофе. Да еще бабушка Бон, которая уничтожила все фотографии, точно его и на свете никогда не было.

– Он очень даже есть! То есть однажды он вернется! – заверил маму Чарли, но она только покачала головой и грустно улыбнулась.

– Боюсь, ты ошибаешься, Чарли. А насчет Генри у меня есть идея. Мисс Ингльдю ведь кое-что знает об этой валлийской книжке: она,

как-никак, ее нашла и разговаривала с Патонем еще до нашего появления. Почему бы тебе не повидать Джулию и не расспросить?

Чарли идею одобрил.

– Пойду вместе с Бенджи, – решил он. – И Спринтер-Боба с собой возьмем.

Ему не хотелось в этом сознаваться, тем более маме, но в темных переулках, примыкавших к собору, Чарли всегда делалось не по себе. Особенно теперь.

Бенджи, как всегда, с радостью согласился составить Чарли компанию, а уж про Спринтер-Боба и говорить было нечего. В воскресенье днем, когда старуха Бон прилегла подремать после обеда, мальчики отправились в книжную лавку Ингльдю.

Над городом неповоротливо ползли низкие тяжелые тучи, и щеки пощипывало от холода. Добравшись до магазина, мальчики успели замерзнуть и даже проголодаться.

– Хорошо бы они были дома, – вздохнул Бенджи, когда Чарли позвонил в дверь.

Им повезло – на пороге возникла Эмма.

– Заходите, – приветливо улыбнулась она. – Только не обращайтесь внимания на беспорядок.

Девочка провела гостей в уютную комнату позади магазина. На столе мисс Ингльдю лежал большой альбом для набросков, а на нем, во весь разворот, расправила крылья мастерски изображенная хищная птица, вроде орла с золотым оперением, но еще более грозная и прекрасная.

На сей раз, кроме обычного обилия книг, комнату заполняли перья – черные, белые, пестрые, сизые, они, как опавшие листья, устилали пол, а также все стулья и столики.

– Я их срисовывала, – оправдалась Эмма, сметая перья с дивана. – Смотрите не сядьте на какое-нибудь.

Гости устроились на диване, где все равно остались перышки. Им стоило большого труда вразумить Спринтер-Боба, который, принявшись, уже затеял охоту на стаю птиц, которая полиняла по всей комнате, а сама куда-то спряталась.

– Что это за птица? – Чарли показал на разворот альбома.

– Она называется тольрух, – объяснила Эмма.

– Никогда о такой не слышал, – удивился Чарли.

– И немудрено, я сама ее придумала! – Эмма протянула ему альбом. – Она вроде птицы Рух из приключений Синдбада-Морехода^[3]. Ну, помните, огромная птица, которая несла яйца в пятьдесят шагов окружностью.

– Ничего себе яйцо! – поразился Бенджи.

– Ничего себе птичка! – поддержал его Чарли.

– Мне нужно, чтобы она была сильной, очень сильной. И грозной. Обратите внимание, какие когти. Каждый коготь будет размером с мою руку, – с горящими глазами расписывала Эмма.

– Жуть какая, – искренне сказал Бенджи.

Чарли постепенно осознал, что диковинный тольрух – это не просто картинка, нарисованная для развлечения. Эмма придумала птицу не просто так!

– Эмма, – осторожно начал он, – ты таким способом... То есть я хотел спросить, тебе надо превратиться в птицу, чтобы... полететь?

– Да, но сначала мне надо эту птицу представить, и как можно подробнее. Тогда я вижу ее как наяву и взлетаю.

Мальчики уставились на нее, разинув рты.

– Ух ты. Здорово, должно быть! – восхитился Бенджи.

– На самом деле довольно-таки страшно, – смущенно созналась Эмма. – Я и превращалась-то всего три раза в жизни. А когда я только поселилась тут, у тети Джулии, она вообще слышать не желала ни о каких полетах. Но теперь она привыкла. Ничего не поделаешь, может случиться так, что мне будет необходимо полететь.

– Привет, мальчики! – заглянула в комнату мисс Ингльдю. – Как насчет пончиков с горячим какао? Нынче такая холодина!

Гости хором изъявили горячее желание отведать горячего какао и облизнулись.

Когда мисс Ингльдю принесла из кухни угощение, Чарли поведал ей о втором визите к дяде.

– Я хотел расспросить его о книжке, но мои жуткие тетки крутились рядом, а при них про наши дела не больно-то разговоришься. – Чарли протянул мисс Ингльдю коричневую книжечку и добавил: – Дядя сказал, что она мне потребуется, когда... – он замялся, – чтобы объясниться с одним человеком.

Мисс Ингльдю глянула на него с любопытством.

– Понятно, понятно. – Она пролистала книжку. – Это словарь валлийского языка, Чарли. То есть англо-валлийский. Видишь, твой дядя пометил некоторые слова? – Она показала Чарли карандашные галочки, попадавшие там и сям на полях книги.

– А почему именно эти? – озадачился Чарли.

– Насколько я заметила, все они – глаголы, причем в основном глаголы движения, – задумчиво проговорила мисс Ингльдю, – наверно, чтобы командовать. Смотри: двигаться, летать, толкать, бежать, ловить... Ага, еще «разговаривать», «смотреть» и «слушать». Ну и так далее. Обрати внимание, на первой странице он выписал их на титульном листе вместе с транскрипцией, чтобы ты знал, как они произносятся.

– Но зачем? – недоумевал Чарли. – Для чего они мне?

– Видишь ли, валлийский – необычный язык, многие слова произносятся не так, как читаются, – сказала мисс Ингльдю. – Я могу лишь предположить: твой дядя хотел, чтобы ты выучил именно эти слова по-валлийски. Но зачем именно, мне самой неясно.

– Придет время, и поймешь, – обнадежила Чарли Эмма.

Мисс Ингльдю ласково улыбнулась племяннице.

– Странные вы люди, – заметила она. – Вот уж не знаю, хотела бы я стать такой одаренной... Скорее, нет.

– И я тоже, – поддержал ее Бенджи. Когда мальчики покинули гостеприимный кров мисс Ингльдю, по узким улочкам уже стлались сырые сумерки. Стало еще холоднее, но Спринтер-Боб припустил домой таким галопом, что замерзнуть Чарли с Бенджи не успели. Прощаясь с приятелем у дома номер девять, Бенджи спросил:

– С кем это ты собираешься объясняться по-валлийски?

Чарли вкратце изложил историю про картину «Чародей».

– Это что ж, ты можешь попасть прямо внутрь? – вытаращился Бенджи. – А потом что? А зачем тебе туда?

– Он же чародей, Бенджи. Маг. А мне не мешает толика магии, чтобы спасти Генри.

– Но как ты ее получишь, магию эту? – спросил Бенджи. – И какая она будет?

– Пока внутрь не попаду, не узнаю, – насупился Чарли.

– А-а-а, внутрь, а обратно как? А если обратно не получится? Если ты застрянешь? – встревоженно тараторил Бенджи.

– Ну ты и олух! Я же не на самом деле туда полезу, не физически, как Генри в будущее, я мысленно туда попаду. Это как с голосами, которые я слышу с фотографий, только чуточку посложнее. Оно только у меня в голове происходит.

– Да? – засомневался Бенджи. – Ну, ты поосторожнее все-таки. – Свистнув Спринтер-Бобу, он двинулся домой.

Чарли тотчас пожалел, что так оборвал приятеля. На самом деле мальчику было страшновато забираться в картину, пусть даже и мысленно: кто знает, что случится с ним там, в обителище чародея Скорпио?

Вернувшись к себе в комнату, Чарли увидел, что мама уже разложила на кровати чистую одежду на завтра. Он принялся собирать сумку, но картину запаковал в последнюю очередь, причем завернул ее в рубашку, стараясь не смотреть на полотно. Однако краем глаза Чарли все-таки увидел темную фигуру чародея. И тот вновь пристально взглянул из рамы.

– Скоро! – пообещал Скорпио.

Глава 15

ПТИЦА ПОД НАЗВАНИЕМ ТОЛЬРУХ

Оливия приняла решение: раз Чарли не может отыскать Генри, тогда этим займется она. И ни единой живой душе о своей затее не скажет – просто сделает, и все. То-то друзья удивятся!

В понедельник на первой же перемене Оливия прогуливалась по саду в одиночестве, поскольку Бинди все еще сидела дома с гриппом. Общаться с другими девочками как-то не тянуло, в особенности потому, что все знакомые с театрального отделения обсуждали новую постановку, в которой Оливии дали роль тридесятого плана. Миссис Маек, руководительница театрального, напомнила надувшейся было Оливии, что та сыграла выигрышную роль злой мачехи в рождественской постановке «Белоснежки» и что надо дать и другим возможность блеснуть. Пришлось смириться с судьбой.

– Оливия, что это с тобой? – поразился Чарли, едва заведя приятельницу.

– Мамочки мои, да у тебя некрашенные волосы! – вытаращил глаза Фиделио.

– Мне некогда было краситься, дел много, – важно объяснила Оливия. – И вообще, должно же быть какое-то разнообразие в жизни! Что слышно о Генри?

Чарли сокрушенно покачал головой:

– Я точно знаю, что он где-то в руинах, но мне туда никак не проникнуть, за мной все время следят. Вон, убедись! – Он показал глазами на Зелду Добински и ее подружку Бет Бицепс, которые пристально за ним наблюдали. По другую сторону сада, ближе к лесу, паслись Манфред с неизменным Азой, отрезая путь к развалинам. Манфред оглянулся через плечо, увидел Чарли и тут же отвернулся.

– Аза уже без бинтов, – подметила Оливия.

– Значит, снова боеспособен, – мрачно констатировал Фиделио.

Новость Оливии категорически не понравилась, и девочка нервно передернула плечами. Затем она огляделась, и в глаза ей бросилась монументальная фигура надзирательницы, не сводившей взора с Чарли.

– Вон и тетка твоя тоже бдит.

Чарли, сердито прищурившись, покосился на тетку Лукрецию и изложил Оливии бедственную историю дяди Патона.

– Дядя говорит, это они подстроили, – понизив голос, закончил Чарли. – Представляешь, родные сестры сбили автомобилем!

– Но за что?

– Точно не знаю, но, по-моему, это имеет какое-то отношение к той картинке, которую они мне подсунули, – с чародеем Скорпио. Он, возможно, поможет мне спасти Генри.

– Как он тебе поможет? – удивился Фиделио. – Не вылезет же он из картины!

– Он-то нет, а вот я могу попасть внутрь. Ответом Чарли были ошеломленные взгляды.

– Но сначала тебе надо отыскать Генри, – напомнила Оливия.

– Знаю, только понятия не имею, как это проверить, – вздохнул Чарли.

Оливия задрала голову к свинцовым тучам и таинственно улыбнулась.

– Ничего, недолго ждать осталось, – загадочно пообещала она.

Чарли не успел уточнить, что имеется в виду, потому что прозвучал рожок на урок и Оливия умчалась на свою пантомиму.

Вечером, когда вся спальня младших мирно укладывалась в постель, Оливия деловито собиралась в ночной поход: поставила на своих наручных часах будильник на полночь, надела под пижамные штаны колготки, передвинула уличные туфли поближе к изголовью и тайком проверила батарейки в фонарике.

Впрочем, как оказалось, будильник можно было и не заводить: в полночь, когда он едва слышно пискнул, Оливия бодрствовала – ей не удалось уснуть от возбуждения. Шутка ли, ведь она намеревалась проникнуть в руины одна, ночью!

Итак, ровно в полночь Оливия сунула ноги в уличные туфли и завернулась в свой фиолетовый плащ. На цыпочках прокралась она к дверям спальни, и уже на пороге ее шепотом окликнули:

– Оливия, это ты?

– Положим, я, и что?

– Куда ты собралась? – приподнялась на локте Эмма Толли.

– Ш-ш-ш! В туалет.

– В плаще? Не смей меня, ты же на улицу идешь.

В темноте скрипнула койка, и через секунду Эмма уже стояла подле Оливии.

– Возьми меня с собой! – попросила она шепотом.

– Нет. Там, куда я иду, тебе делать нечего. Ложись обратно, а не то нас засекут. – Оливия выскользнула в коридор.

– Я помочь хочу! – взмолилась Эмма, но дверь спальни уже закрылась.

Интересно, с чего это Эмма вдруг вспылала дружескими чувствами к ней, Оливии? То сторонилась, а то вдруг обратно в подруги набивается. Подозрительно, в высшей степени подозрительно!

Так размышляла Оливия, продвигаясь по стылым коридорам академии. У спальни старших девочек она замедлила шаг: еще не хватало, чтобы ее поймала Зелда или Бет. Помощницы надзирательницы всегда к ночи с ног валились от усталости, так что они наверняка спят. Значит, если и есть риск на кого-то наткнуться, так это на тетку Чарли, а та уж наверняка караулит любимого племянника в другом конце академии.

Холодный ветер разогнал облака, и в окна светила луна, так что фонарик Оливии не потребовался и она без приключений отыскала дорогу к лестнице. Пустынный ночной холл казался особенно огромным, поэтому Оливия миновала его, прижимаясь к стене и стараясь не цокать каблуками по каменным плитам пола. Она не сводила настороженного взгляда с лестницы, но, к счастью, лестница была безлюдна. Благополучно достигнув двери в сад, девочка отодвинула засов и нырнула в ночь.

Луна сияла так ярко, что каждое дерево, каждая травинка казались выточенными из серебра. Оливию, окунувшуюся в лунный свет, пронзил внезапный восторг; поддавшись необоримому порыву, она раскинула полы плаща и понеслась по хрустящей траве огромными прыжками, воображая себя птицей.

Но темные стены руин заставили ее замедлить ликующий бег. Начиналось самое сложное и страшное. Воображаемые фиолетовые крылья вновь стали плащом, в который Оливия закуталась как можно плотнее, прежде чем войти под арку.

Едва девочка ступила во внутренний двор, ей показалось, что она очутилась в каком-то удивительном сне. Посреди мощеного двора

сидел кот с ярко-медной шерстью и весь светился, от кончика огненного хвоста до кончика розового носа. Кот поприветствовал пришлицу сдержанным «мяу», и Оливия вспомнила, что уже видела его на Рождестве у мисс Ингльдю. Огромный светящийся кот и в книжной лавке выглядел фантастически, а теперь, в темноте, и подавно производил впечатление чего-то волшебного.

– Ты ведь Феникс, верно? – переведа дух, спросила Оливия.

Кот утвердительно мурлыкнул, встал, потянулся и побежал к одному из пяти входов внутрь руин. Школьный садовник еще накануне заколотил все пять толстыми досками, но кот просочился в щель, оставшуюся в самом низу.

«Если уж кот размером почти с леопарда туда пролез, так и я пролезу!» – решила Оливия и, опустившись на колени, протиснулась под досками, по-кошачьи прогнувшись спиной. Оказавшись внутри коридора, она встала, отряхнулась и поспешила за котом, полыхавшим в темноте, как факел.

Коридор, точнее, туннель, резко шел под уклон, со стен сочилась темная вода, а пол под ногами был скользкий. Оливия не сводила глаз с кота и старалась не отставать: Феникс целенаправленно вел ее куда-то, и оставалось только довериться ему.

Попетляв по руинам, кот и девочка выбрались за крепостную стену, на откос, поросший деревьями. Не давая Оливии отдышаться и оглядеться, кот помчался по склону на прогалину. Там, среди прогалины, сидя на черном горбатом валуне, уже ждали оранжевый и желтый коты, и глаза их в лунном свете горели зеленым золотом.

Скользя и хватаясь за деревья, Оливия спустилась по откосу и подбежала к валуну. Кошачья тройка сверкала так, словно кто-то развел прямо на камне костер. Оливия опустила глаза и увидела, что носки ее черных туфель в сиянии Огнецов стали золотыми, а через мгновение заметила, что между краем валуна и землей чернеет щель. Значит, валун закрывает какую-то яму! А вдруг это и есть подземелье? Оливия бухнулась на колени и, почти прижимаясь губами к траве, позвала:

– Генри! Генри! Ты тут?

Ей ответил слабый дрожащий голос:

– Привет. Вроде я, хотя уже не уверен.

– Зато я уверена! – облегченно выдохнула Оливия. – Генри, ты нашелся! Они тебя голодом морили, да? Ах я, балда, не дотумкала принести тебе поесть!

– Зелда с Манфредом запихивали мне сюда ломти хлеба и бутылки с водой.

В темноте ямы что-то зашебаршилось, и на Оливию глянули два измученных глаза.

– Оливия, как я рад тебя видеть! – прошелестел Генри.

– Я тоже рада тебя видеть, только не рада, что ты сидишь в этой яме. Как они тебя подловили?

– Меня заманил альбинос.

– А, Билли Гриф! – Оливия уничижительно фыркнула. – Вот уж не думала, что он до этого докатится.

– А потом Манфред притащил меня сюда, и с ним была девочка по имени, кажется, Зелда. Они заклеили мне рот пластырем. Я потом его оторвал, но больно было – жуть!

Оливия сочувственно охнула.

– Знаешь, я видел своего кузена, Зики, – продолжал Генри. – Он такой старый стал, страшный, и все еще меня ненавидит, представляешь? Он-то и велел Манфреду меня сюда запихнуть. А эта Зелда только глянула на валун, и тот отодвинулся! А потом она его так же и задвинула, и мне никак не выбраться. Уж я пытался-пытался, все без толку, валун ни на волос не стронешь.

– Я попробую, – вызвалась Оливия.

Она налегла на валун всем весом, но Генри был прав. Еще несколько минут у нее ушло на бесплодные попытки спихнуть камень, она толкала его и так и сяк, и в конце концов Оливия даже лягнула валун с досады, но только ногу ушибла.

– Извини, не получилось, придется попробовать как-нибудь иначе, – огорченно пропыхтела она, колупая ногтем край ямы. – Подкоп тут тоже не сделаешь, яма-то камнем выложена. Я передам Чарли, где ты, и мы что-нибудь придумаем, честное слово.

– В воскресенье они собираются меня куда-то перевести, – в отчаянии предупредил Генри, – а куда, не знаю. Наверно, я больше ни с кем из вас не увижусь...

– В субботу мы тебя вытащим! – твердо пообещала Оливия. – Дядя Патон поможет. Продержишься до субботы? Ты там мерзнешь?

– Сначала мерз, а потом коты пришли и меня согрели. С ними гораздо легче, они теплые и светятся. И к тому же меня еще утешает дерево.

– Какое дерево?

– Оно растет где-то совсем рядом. Когда мне совсем плохо, то доносится шелест листьев – почти как песенка, от этого на душе спокойнее.

Девочка заинтересованно огляделась. Все деревья, окружавшие поляну, были по-зимнему голыми. Но озиралась она не зря, потому что издалека заметила две фигуры в клетчатых халатах, спускавшиеся с откоса. Коты грозно заурчали и огненными молниями метнулись под ноги Бет и Зелде. Те споткнулись и, бранясь, покатались по земле, но проскочить мимо них к туннелю Оливия не успела. Зелда вскочила и вцепилась ей в руку, так что пришлось со всей силы двинуть ее кулаком в живот. Однако это не помогло и хватку противник не ослабил.

– Помогите! – позвала Оливия, хотя вокруг не было ни души, кроме котов, которые насакивали на яростно отбивавшуюся Бет и вовсю действовали когтями и зубами. Но мускулистая Бет скинула их и тоже набросилась на Оливию.

– Попалась! – торжествующе крикнула она.

– Доигралась, Карусел, – злорадно объявила Зелда. – Сейчас вот привяжем тебя к дереву, а потом из лесу выйдет страшный хищный зверь, и к утру от тебя косточек и тех не останется.

– Вы за это поплатитесь! – заверещала Оливия. – Моя мама от вас косточек не оставит, вот что!

– Твоя мама узнает обо всем слишком поздно, – заверила ее Бет. – Нечего совать нос на улицу по ночам.

Повизгивая от смеха, Зелда вытащила из кармана халата моток веревки и уже принялась скручивать Оливии руки за спиной, когда луну внезапно закрыло огромное черное облако. Но луной оно не ограничилось, а почему-то стало стремительно снижаться прямо на поляну, и Оливия поняла, что это никакое не облако, а громадная птица.

От распростертых крыльев по поляне пролетел мощный порыв ветра. Зелда с Бет замерли в ужасе, как суслики, потом хором ойкнули

и, дергая ногами, взвились в воздух: птица подхватила их когтями за шиворот.

Оливия стряхнула с рук веревку и потрясенно прислонилась к дереву. Птица, победоносно клекоча, величественно поднималась ввысь, а вместе с ней возносились в небо и Бет с Зелдой, причем первая была в обмороке и болталась, как тряпичная кукла, а вторая пыталась брыкаться и кричать, но слышно с такой высоты ничего не было.

Переведя дыхание, Оливия поспешно двинулась к туннелю; коты, обогнав ее, пустились вперед, озаряя сырую темноту ярким теплым светом. Но, проводив ее до заколоченного выхода во дворик, они остановились, приготовившись возвращаться к Генри.

– Спасибо! – с чувством сказала им Оливия и помчалась через сад к академии, не осмеливаясь оглянуться. Дверь в холл стояла нараспашку, вокруг не было ни души. Добравшись до спальни, Оливия вздрогнула: кто-то, стараясь не хлопнуть, закрыл окно.

– Кто тут? – спросила Оливия у темного силуэта.

– Я, – отозвалась Доркас Мор. – Решила притворить окно, а то холодина страшная. Ты куда ходила?

Доркас числилась в одаренных, но Оливии ни разу не случалось видеть, в чем проявляется ее талант.

– Куда-куда, в туалет.

– А Эмму не видела? Ее тоже нет.

– Эмму? Ну... да. Она там же, – поспешно соврала Оливия.

– Тогда спокойной ночи. – Задернув шторы, Доркас юркнула под одеяло.

Оливия последовала ее примеру, но некоторое время ворочалась с боку на бок, пытаясь согреться, успокоиться и ломая голову над загадкой распахнутого окна. Кто его открыл – Эмма? И куда она исчезла? Говорят, она умеет летать. Неужели Эмма и была той птицей на поляне? Но тогда ей будет не попасть обратно! Дождавшись, пока Доркас сладко засопела во сне, Оливия на цыпочках сбегала в коридор и открыла там окно.

– Удачи, Эмма! – шепотом сказала она в морозную лунную ночь.

Наутро глаза у Оливии отчаянно слипались, да и у Эммы вид тоже был утомленный. В столовую девочки спустились вместе, одинаково бледные, и у самых дверей нагнали Чарли с Фиделио.

– Вы что, всю ночь провели на ногах? – участливо поинтересовался Чарли.

– Ага, и не только на ногах! – Оливия подмигнула Эмме. – Потом расскажем.

Свое слово она сдержала и на первой же перемене вместе с Эммой присоединилась к Чарли с Фиделио, сидевшим на поленнице неподалеку от руин.

– Ну, рассказывайте скорее! – поторопил сгоравший от нетерпения Чарли.

Оливия, не скупясь на подробности и размахивая руками в особо драматических местах, изложила ночное приключение.

Чарли с уважением посмотрел на Эмму:

– Что, тольрух ожил?

– Конечно, – приосанилась та. К ним подбежал Габриэль.

– Слышали новость? – ликующе спросил он, плюхаясь рядом. – Зелду с Бет нашли нынче утром аж на Вершинах, в одних пижамах! Обе в шоке и понятия не имеют, как там очутились.

– Зато мы имеем, – гордо сказала Оливия.

Выслушав историю про тольруха, Габриэль недоверчиво воззрился на худенькую Эмму.

– Из тебя получается такая здоровенная птица? А хомячков твой тольрух, часом, не ест? – подозрительно спросил он.

Эмма помотала головой, и все слушатели ночной эпопеи покатались со смеху. Но когда хохот стих, Чарли вспомнил о Генри, и по спине у него пробежал холодок.

– Жду не дождусь выходных, – вздохнул он. – А сегодня ночью мне потребуется помощь.

– Ты что, все-таки собираешься... – обмер Фиделио.

– Да, – решительно сказал Чарли. – Я собираюсь в гости к Скорпио.

Глава 16

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

В гости к чародею Чарли решил отправиться из мастерской живописцев: ведь там картина будет выглядеть просто как одно из пособий, а если его там кто и застанет, всегда можно сказать, что он зашел по просьбе Эммы – посмотреть на ее работы.

Покончив с уроками, Чарли заторопился в спальню.

– Куда это ты так спешишь, Бон? – спросил знакомый ледяной голос.

Чарли обернулся – точно, Манфред.

– Никуда, – самым будничным тоном ответил он.

– У меня к тебе разговор, – остановил его Манфред.

– Что, прямо сейчас?

– Да, это срочно. – Манфред шагнул вплотную к Чарли и уставился ему в глаза. Чарли знал, к чему тот ведет, и проворно отвел взгляд.

– Чего потупился? В глаза смотри! – потребовал Манфред.

– Не хочу и не буду, – отрезал Чарли. – И вообще, я тоже кое-что умею – забыл?

– Хм... – Манфред озадаченно погладил себя по подбородку, на котором пробивалось несколько волосков.

– Какая у тебя шикарная борода намечается, – делано удивился Чарли.

Манфред насупился, не в силах решить, что это – грубая лесть или просто грубость.

– Ладно, свободен, – сказал он наконец. – Но смотри, не суйся, куда не след.

– Конечно-конечно, – заверил его Чарли и улепетнул.

И зачем, спрашивается, Манфред его останавливал? Задержать, что ли, хотел?

Первое, что увидел Чарли с порога спальни, – Билли Грифф, который копошился у его тумбочки, да еще с портретом Скорпио в руках.

– Совсем обнаглел? – свирепо спросил Чарли.

– Я искал одну свою вещь, запропастилась куда-то, – самым невинным тоном оправдывался Билли. – Думал, а вдруг она случайно попала к тебе в тумбочку. А это само оттуда выпало, я ни при чем.

– Ага, как же, само! Случайно! Картина не могла выпасть, она лежала в глубине ящика! Опять шпионишь?

– Ну почему ты меня все время подозреваешь в каких-то гадостях? – с упреком спросил Билли. – Я правду говорю.

– А ну отдай картинку, – надвинулся на альбиноса Чарли.

– Да пожалуйста, забирай, больно она мне нужна! – Билли послушно протянул ему портрет чародея. – Ух ты, смотри, какой тут кинжал нарисован! – Он потыкал пальцем в мастерское изображение заваленного разными вещами стола. – Глянь, как блестит! Острый, небось, как бритва. Таким кого хочешь зарезать можно.

– Да уж наверно, – процедил Чарли, отбирая картинку. – Смотри, еще раз увижу, что роешься в моих вещах...

– Больше не буду, – криво улыбнулся Билли, втянув голову в плечи. – Я же говорю, я нечаянно.

Чарли прихватил картинку и вышел. В коридоре он выждал, убедился, что Билли за ним не шпионит, и помчался в мастерскую.

К его удивлению, друзья уже ждали и были в полном сборе: явился даже Лизандр.

– Габриэль мне рассказал про твою затею, – объяснил он. – Давай на страже постою, а то вдруг посторонние сунутся, когда ты... когда ты будешь *там*.

– Спасибо! – поблагодарил Чарли.

Для эксперимента компания выбрала закуток за одним из монументальных полотен мистера Краплака. Чарли уселся на пол, а картинку положил перед собой, Эмма с Оливией устроились по бокам, а Габриэль с Фиделио присели напротив на скамейку. Лизандр, как и обещал, караулил у дверей.

Сомнения, которые и раньше мучили Чарли, теперь обуяли его с новой силой: ведь раньше он никогда ничего подобного не пробовал. А ну как он застрянет в картине? Подобный вариант мальчик как следует не продумал, но отступать было уже поздно, да и неловко как-то, раз уж все друзья присутствуют.

Набрав в грудь воздуха, Чарли сказал:

– Так, все, я пошел.

– Минутку, Чарли, – остановил его Габриэль. – Скажи нам, ты приведешь этого старца сюда? Или как?

– Скорпио? Надеюсь, что нет. Я просто посоветуюсь с ним, ну, может, возьму у него что-нибудь. – Чарли говорил с трудом, голова у него уже слегка кружилась, и это было знакомое ощущение – так всегда происходило, прежде чем раздавались голоса. Он еще успел произнести: «Я не...», а потом чародей взглянул ему в лицо, и Чарли услышал, как шуршит по полу хламида Скорпио и как постукивает мел о камень.

– Входи, – сказал надтреснутый голос.

Лица друзей стали таять в каком-то белесом тумане, и вот Чарли уже ничего не видел, кроме костлявого лица чародея и его пронизательных глаз, желтых, как у тигра.

Мгновение-другое – и туман рассеялся. Чарли очутился в просторном кабинете, а может, и келье, озаренной свечами и холодной, как погреб. Пахло тут странно: свечным воском, какими-то диковинными приправами, смолой и плесенью. Все, что заполняло обитель чародея, сделалось реальным: закапанные воском и покоробившиеся от сырости свитки и фолианты, заточенные перья, выщербленные сосуды и блестящие реторты... и острый тонкий кинжал, который лежал поверх раскрытой книги, на самом краешке стола. Лезвие у кинжала было тонкое и такой остроты, что сверкало, как алмазный луч.

– Что надобно тебе, отрок?

Чарли дернулся: он и забыл, что чародей тоже его видит.

– Взираешь на кинжал? А ведомо ли тебе, какую силу таит сие оружие? Магическую, дитя. – Тигриные глаза чародея засверкали не хуже кинжала.

– Значит, вы все-таки меня видите, – пересохшими от волнения губами сказал Чарли.

– Вижу лишь твое лицо, и не первый день, ибо давно ты подглядываешь за мной, дерзновенный. – Выговор у Скорпио был напевный.

– Я пришел попросить у вас совета, – нервно произнес Чарли.

– И впрямь? – Чародей ответил ему недоверчивой усмешкой. – Тебе должно бы жаждать сей кинжал. Ведь он способен пронзить сердце и не оставить следов, ни царапины.

– Да я не собираюсь никого убивать, – воспротивился Чарли.
Скорпио будто и не слышал его возражений.

– Одно прикосновение, и враг твой падет замертво, – соблазнял он, вертя в костлявых пальцах кинжал.

Вот и Билли Грифф тоже зачем-то хвалил именно кинжал, а не что другое! Но Билли в число друзей Чарли не входил, так что его настырные попытки привлечь внимание к кинжалу можно считать предупреждением: раз Билли хвалил кинжал, ни в коем случае нельзя его брать.

– Кинжал мне не нужен, – отказался Чарли. – А нужно мне спасти друга.

– Тебе – нет, но кое-кому он надобен, – проворчал чародей. – Давно, давно стремятся они заполучить его. Но не те у них силы, не те. Не из полноценных чародеев эти охотнички.

«Речь явно о старике Блуре», – лихорадочно соображал Чарли, одновременно шаря глазами по столу. Что тут может пригодиться для спасения Генри? Да и как выбрать? Он, Чарли, в магических предметах ни аза не смыслит, а от Скорпио помощи пока что никакой, только отвлекает и пугает.

– Не желаешь ли какого зелья из дурманных трав? – предложил чародей. – Есть превосходные свежие яды.

– Спасибо, нет.

– Воззри на эти перья: довольно подложить одно врагу в башмак, и он охromeет на год! – Зловеще хохотнув, Скорпио положил кинжал и повертел перед носом у Чарли пестрым перышком.

– И калечить никого я тоже не намерен. – Чарли начал терять терпение. – Я же вам говорю, мне, наоборот, спасти человека надо.

– Спасти? – переспросил, как плюнул, чародей. – Спасение не по моей части, юноша. Душа моя больше лежит к убиению, к изничтожению. Изувечить, искалечить, ранить, отравить, сжечь, ввергнуть в безумие, уморить, заточить, превратить в тень – это я могу.

– Да-а, вы просто мастер, столько всего полезного умеете, – поспешно сказал Чарли, решив быть повежливее, чтобы не злить чародея. – Только именно сейчас оно все мне ни к чему. А у вас нечем сдвинуть камень – ну, валун?

Стоило Чарли произнести эти слова, и взгляд его упал на волшебную палочку, прятанную за солидным фолиантом. Наверняка

этот прутик длиной в полметра, толщиной не больше карандаша и был волшебной палочкой – чем еще он мог быть? Кончик палочки поблескивал серебром, и рука Чарли сама потянулась к ней.

– Нет, и не помышляй, этого тебе не дам, – резко сказал Скорпио. – Не моя она.

– А чья тогда? – спросил Чарли. Палочка оказалась гладкой и прохладной и сама легла в руку, как родная.

– Я похитил ее, – без тени смущения признался Скорпио, – у некоего валлийского чародея. Тебе же она ни к чему.

– А по-моему, очень даже к чему! – не согласился Чарли. – То, что надо!

– Не дам! – Скорпио метнулся вперед, пытаясь отобрать палочку.

Чарли обежал стол, который теперь отделял его от чародея.

– Я ее потом сразу верну, честное-пречестное слово!

– Ты вернешь ее мне сию же минуту, – прорычал Скорпио, – не то обращу тебя в мерзкую жабу, и будешь квакать.

– Сию минуту не могу, она мне нужна, – отказался Чарли, едва успев увернуться от Скорпио.

– Вор! Негодяй! Так получай же! – Скорпио схватил копье и метнул его в Чарли, целя в голову. Со стола с шорохом посыпались бумаги, пучки сушеных трав и перья.

Чарли, не выпуская добычи, вильнул к низенькой дверце на том конце кабинета, отчаянно дернул кованую ручку, но дверь была заперта. Он отскочил от Скорпио, на бегу зажмурился и изо всех сил попытался представить себе лица друзей и мастерскую.

– Хочу обратно, сейчас же! – крикнул он что было сил.

Но не тут-то было: открыв глаза, Чарли убедился, что так и стоит посреди логова чародея. Сам Скорпио уже за ним не гнался, но, что гораздо хуже, нараспев возглашал какие-то заклинания, занеся копье.

– Мерзавец, негодяй презренный, я выжгу тебе сердце! – грозил он.

Чарли вжался спиной в стену, отступить больше было некуда. Все пропало, конец. А ведь об этом-то и предупреждал Бенджи, а он, Чарли, сдуру не послушал, нос задрал.

– Помогите! – простонал мальчик из последних сил.

Острые копыта алело, как кончик раскаленной кочерги, и вдруг извергло тучу искр. Чародей швырнул копье в Чарли, тот пригнул

голову и прижал к себе палочку, спрятав под плащ. Копье летело прямо на него, но Чарли даже не успел зажмуриться от страха.

Прямо из воздуха возникли чьи-то руки, ловко перехватили копье и пустили обратно в Скорпио. Темные, сильные руки в золотых браслетах, они высунулись из пустоты, а их владельца видно не было.

Копье со звоном ударилось о стену и обрушилось к ногам Скорпио, причем от искр обтрепанный подол его хламиды тут же затлел, и чародей в панике заорал дурным голосом. Дальнейшая его судьба осталась Чарли неизвестна, потому что кто-то невидимый с силой потащил его прочь, сквозь клубы едкого дыма, стремительно заполнявшего комнату.

– Чарли, вернись!

Чарли закашлялся и захлопал глазами, которые все еще слезились от дыма, но кабинет чародея уже сжался и превратился опять в картину, а сам мальчик очутился снаружи. Картину держали две темнокожие руки – те самые, что его спасли. Чарли поднял глаза и встретился с обеспокоенным взглядом Лизандра.

– Ну и напугал же ты нас, Чарли, – мягко сказал тот.

– Ты... это были твои руки, ты меня спас, – обессиленно пробормотал Чарли.

– Не я, – покачал курчавой головой Лизандр. – Пришлось позвать на подмогу души предков. Как хорошо, что ты цел.

– А что тут было? – спросил Чарли.

– Ой, такое было, такое! – Над ним наклонилась Оливия. – Ты раскачивался взад-вперед и кричал, а мы тебя звали-звали: «Вернись, проснись, Чарли, ау!»

– Да, а ты не отзывался и не просыпался, – подхватил Фиделио, – и тогда Лизандр на своем наречии позвал предков, а потом ты замер и замолк и – бац! – у тебя в руках откуда ни возьмись появилась эта штука. Оп – и вот она.

Чарли обнаружил, что все еще держит в крепко стиснутых пальцах волшебную палочку, гладкую и прохладную, и ее серебряный кончик поблескивает в свете ярких ламп, свисающих с потолка мастерской.

– Что это? – заинтересовалась Эмма.

– Похоже на волшебную палочку, – уверенно сказал Габриэль. – Точно, она.

Чарли кивнул:

– Скорпио уперся и не хотел мне ее отдавать. А сам сказал, что украл у какого-то валлийского волшебника. Валлийского, понимаете? Теперь я знаю, что делать! Палочкой надо командовать теми словами из дядиноного словаря!

– Все это прекрасно, но времени у тебя в обрез, – напомнила ему Оливия. – В воскресенье эти гады собираются куда-то утащить Генри, и потом нам его будет не найти.

– И к тому же в руины никак не пролезть, – со вздохом проговорил Фиделио. – Мы же все под приглядом.

– Если бы только Танкред вернулся! – погрустнел Лизандр. – Устроил бы бурю, отвлек бы внимание...

– Да, буря бы нам пригодилась, – согласился Чарли, – но ждать, пока Танкред выпустит пар, нельзя. Значит, так, намечаем операцию на субботу.

Он не без труда поднялся и попытался упрятать палочку в рукав, но она не помещалась.

– Хочешь, я возьму на хранение, у меня руки подлиннее, – предложил Лизандр, и оказался прав: палочка без следа скрылась у него в рукаве.

– Давайте-ка расходиться, – забеспокоилась Эмма, – а то надзирательница уже по коридорам рыщет.

Чарли запихнул картинку под плащ, и вся компания гуськом потянулась из мастерской. Вскоре их настигла надзирательница, она же тетка Лукреция.

– Это что еще за безобразие? – заклокотала она. – Где вас носит, отбой был пять минут назад!

– Ой, извините нас, пожалуйста, – сверкнул белоснежными зубами Лизандр. – Мы рассматривали Эммины работы, и еще мои.

Надзирательница нахмурила брови. В воздухе запахло наказанием, и шестеро друзей затаили дыхание: вот сейчас прозвучит приговор, их всех оставят после уроков, и что тогда будет с Генри? Страшно даже подумать!

Лукреция Юбим торжествующе оскалилась.

– Вас всех... – начала она.

Но ее перебили.

– Виноват я, мадам, – сказал чей-то веселый голос. – Я им сам разрешил и, более того, позвал в мастерскую незадолго до отбоя. Так что накажите меня, договорились?

Мистер Краплак, как всегда заляпанный краской с ног до головы, встал между шестеркой преступников и надзирательницей, и торжествующая усмешка на ее физиономии сменилась просто злобной.

– Я весь раскаяние, мадам, – шаркнул ногой мистер Краплак. – Увлёкся, потерял счет времени. Художники такой рассеянный народ! – Он повернулся к замершей компании. – Ну, бегите спать. И спасибо за конструктивные замечания. Что бы я без вас делал, дорогие детки!

Все шестеро бросились наутек, а мистер Краплак, доверительно заглядывая в багровое лицо надзирательницы, принялся подробно и задушевно выпрашивать у нее, как вылечить синяк, заработанный накануне при игре в регби.

– Он просто молодчина! – прошептал Габриэль, когда они вернулись в спальню.

– Куда это вы ходили такой толпой? – настойчиво спросил со своей койки Билли.

– Если я тебе скажу, ты всю ночь от кошмаров орать будешь, – страшным шепотом отвечал Чарли и тем удачно пресек дальнейшие расспросы.

Глава 17

ТАНКРЕД И ДЕРЕВО

На последнем этаже Громового дома Танкред Торссон обозревал разгром, который сам же учинил в собственной комнате. Пинком отшвырнув прочь кучку ботинок, он плюхнулся на кровать – точнее, на то, что от нее осталось. Матрас, как мостик, горбился на другом конце комнаты, заслоняя окно, а подушка с одеялом сплюснутым комком были погребены где-то под рухнувшим комодом.

В данный момент на Танкреде был причудливый наряд, состоявший из пижамных штанов и зеленого школьного плаща. Всю остальную одежду мальчик успел или порвать, или заляпать едой. Выпускать пар ему уже изрядно надоело, он устал сердиться, но выйти из этого состояния никак не мог. Танкреда до сих пор то и дело потряхивало от ярости, отчего потряхивало и сам Громовой дом.

– Ты спустишься к ужину, сынок? – В дверь боязливо заглянула миссис Торссон. Голос у нее дрожал.

– А меня еще пускают в приличное общество? – Танкред мрачно уставился на заваленный шмотками пол.

– Но ведь сегодня у нас вроде бы потише, – мягко сказала его мама.

– Извини, я вовсе не хотел, чтобы у тебя болела голова, – расстроено уронил Танкред.

– Милый, ты же не нарочно, я прекрасно знаю, – утешила его мама и тихонько пошла вниз. Бывали дни, когда она мечтала о том, чтобы жить в нормальном, а не Громовом доме, с нормальным мужем и обычным сыном, желательно симпатичным крошкой. Но такие приступы малодушия приключались с миссис Торссон редко: она обожала своих бурных мужчин и, стоически терпя мигрени, считала, что вряд ли была бы счастлива с кем-то еще.

Танкред подтянул пижамные штаны и вслед за мамой спустился в кухню. Мистер Торссон уже сидел за столом и с аппетитом поглощал солидную порцию картофельной запеканки с мясом. Миссис Торссон, как обычно, поставила перед сыном пластиковую тарелку: о фамильном фарфоре ей приходилось только мечтать.

– Приятного аппетита, – сказала она, накладывая запеканку Танкреду.

– Пора бы тебе уже успокоиться, – сурово обратился мистер Торссон к сыну. – На этот раз ты устроил затяжную бурю.

Пластиковая чашка, стоявшая перед Танкредом, подлетела в воздух; к счастью, налить в нее горячего чая мама еще не успела.

– Я ничего не могу с собой поделать, – резко ответил Танкред. – Я пробовал, но... Это выше моих сил.

– Если хочешь знать, по-моему, во всем виноват ваш гипнотизер-староста, – прогремел мистер Торссон. – Младший Блур. Это ведь он тебя так завел?

– Не желаю обсуждать эту тему, – отрезал Танкред, и капюшон плаща вдруг вздулся у него за плечами от штормового ветра.

– Держи себя в руках! – грохнул отец. Лампа над столом угрожающе закачалась, будто на корабле.

– Да, а сам ты на это способен? – иронически заметил Танкред.

– Я, по крайней мере, способен управлять собой, – отозвался мистер Торссон. – Запомни, наш семейный талант может быть полезен, но только если ты им управляешь, а не он тобой. Понял?

– Да, да, понял. – Танкред скрипнул зубами, и окно у него за спиной распахнулось с таким стуком, что стекло чуть не вылетело из рамы. – Извините, – пробормотал он.

Сквозь открытое окно из леса, окружавшего дом, донесся странный звук – что-то вроде призрачного шелеста или шороха, но на Танкреда он оказал необычайное воздействие. Мальчик услышал не шелест, а музыку – тихую, но, несомненно, прекраснейшую музыку на свете. Беззвучно поднявшись, он одернул плащ и аккуратно придвинул свой стул к столу.

– Что случилось, Танкред? – удивилась его странному поведению миссис Торссон.

– Мне надо идти, – негромко ответил он.

– Куда? – спросил мистер Торссон.

– В лес. – Танкред махнул рукой, указывая на темные деревья за распахнутым окном. Мягко ступая, он вышел из кухни и покинул дом, не дожидаясь дальнейших расспросов.

Луна, полускрытая рваными облаками, скудно освещала лес, но Танкред шел вперед уверенно, не мешкая, потому что знал, куда идти.

Он шагал на звук той прекрасной музыки, и в самой чаще леса он нашел то, что искал.

Это было дерево.

Дерево в алом уборе. Казалось, листья, что покрывали его тонкие ветви, горят красным пламенем, бросая золотой отсвет на поляну, на которую выбрался Танкред, – точно посреди ее полыхал костер. Кору дерева испещряли глубокие темные линии, и по ним к самым корням сбегала вода, но, взглядевшись, Танкред понял, что вода эта алая, цвета крови.

Пылающая листва дерева сдержанно шелестела, рождая ту самую мелодию, которая позвала Танкреда в путь, и, слушая ее, мальчик с каждым мгновением ощущал, как на него нисходит удивительный покой. Нет, буря по-прежнему жила в его душе, но теперь Танкред знал, что властен над ней, а не она над ним. Он наконец-то стал хозяином своему дару.

Постояв на озаренной поляне, он двинулся обратно, но, прежде чем углубиться в лес, обернулся. Таинственный свет угас, песня смолкла. Дерево исчезло.

– Я подогрела тебе ужин, – сказала мама, когда Танкред вернулся в кухню.

– Что там такое было? – поинтересовался отец.

– Дерево, пап. Алое дерево, и оно... ну как будто пело, то есть шелестело, но очень мелодично, я в жизни ничего подобного не слышал.

Мистер Торссон сощурился.

– Слыхал я о таком дереве, как же, – задумчиво прогудел он. – Матушка рассказывала мне о нем в детстве, но, разрази меня гром, подробностей не помню. Одно только помню точно: она говорила, будто дерево и есть Алый король.

– Наш предок! – вскричал Танкред.

– Ой, а у меня мигрень прошла, – удивленно сообщила миссис Торссон.

Танкред просиял.

– Завтра увижусь с ребятами, – решительно сказал он.

– Давно пора, – отозвался отец. После ужина он принялся наводить порядок в комнате, и вскоре к нему зашла мама со стопкой

чистой одежды и постельного белья. Она объяснила, что припрятала все это на время «бурного приступа».

– Ты сейчас гораздо лучше выглядишь, – ласково сказала она. – Даже волосы и то больше дыбом не стоят, надо же!

– Мне и самому гораздо *лучше*, – заявил Танкред.

Спал он в ту ночь глубоко и крепко, как никогда, а проснувшись, с радостью обнаружил, что матрас и одеяло и все прочее в кои-то веки никуда не улетели за ночь. Танкред умылся, оделся и поспешил к завтраку, который прошел в самой мирной атмосфере. Миссис Торссон расхрабрилась и даже подала яичницу с ветчиной на фарфоровых тарелках, которые, как выяснилось, были припрятаны до лучших времен.

А Чарли до самого вечера ведать не ведал о возвращении Танкреда. Каково же было его изумление, когда он разложил учебники на столе в Королевской комнате и тут влетел Габриэль и выпалил:

– Угадай, кого я сейчас видел! Танкреда! Собственной персоной!

Чарли потрясенно уронил учебник и от счастья улыбнулся от уха до уха.

– Да ты что! Вот здорово!

Оба еще ахали и ухали и прыгали от радости, когда в Королевскую комнату, хромая, приплелся кислый Аза. Бинты с него уже сняли, но руки у рыжего оборотня все равно были в шрамах и ссадинах.

– Чего это вы развеселились? – недовольно процедил он.

– Так, приятные новости, – беспечно бросил Чарли.

В комнату подтянулись остальные одаренные: сначала Эмма, которая устроилась рядом с Чарли, затем Манфред и за ним хвостиком Билли и, наконец, Лизандр с Танкредом.

– Привет, Тан! – хором сказали Чарли и Габриэль.

– Как хорошо, что ты вернулся! – с чувством добавила Эмма.

Танкред и рта раскрыть не успел, как Манфред сердито сказал:

– А ну замолчать и все за уроки. Танкред и Лизандр, вы опоздали.

– Извини, приятель, – с улыбкой ответил Танкред.

– Я тебе не приятель, – огрызнулся Манфред.

– Хорошо, извини, Манфред, – мирно ответил Танкред.

Такой ответ, кажется, разгневал юного Блура еще больше. Он злобно глянул на Танкреда, но не придумал, к чему еще придраться, и

промолчал.

Билли Гриф подобострастно засматривал ему в лицо.

– Твоя подружка заболела, да? Мне так жаль! – пропищал он, явно подлизываясь.

– Что-о? – окрысился Манфред.

– Я про Зелду, – робко пояснил Билли. – Зелду Добински.

– Какая она мне подружка, эта мымра! – Манфред замахнулся, примериваясь дать ему подзатыльник. – И вообще, Гриф, не суй нос не в свое дело, целее будешь!

– Хорошо, как скажешь, – униженно закивал Билли.

Вскоре все погрузились в работу, и, хотя в Королевской комнате царило сосредоточенное молчание, от напряжения оно, как раньше, в отсутствие Танкреда, уже не звенело – Чарли чувствовал это. Наоборот, дышалось легко, как после отгремевшей грозы. «Да, – подумал Чарли, – *нас* теперь пятеро, а *их* – всего-то трое. С Доркас, конечно, непонятно, потому что никто не знает, в чем ее дар». Он покосился на Доркас, которая даже уроки делала с легкой полуулыбкой. Ладно, будем считать, что она занимает нейтральную позицию, так спокойнее.

Мальчик поднял глаза на портрет Алого короля. А вдруг вместо государя ему опять явится дерево? Интересно, а получилось бы у него, Чарли, проникнуть в эту картину? И удалось бы поговорить с королем?

Голос Манфреда вернул его с небес на землю.

– Бон, хватит в облаках витать, за это пятерок не ставят! Ну-ка, за работу.

– Да-да.

Чарли уже готов был отвести взгляд от портрета, как вдруг уголком глаза уловил какое-то движение, точно за спиной у короля возникла некая смутная тень. Мгновенно забыв о Манфреде, он всмотрелся внимательнее, и точно – то была тень, и очертания ее делались все четче, пока наконец Чарли не различил лицо под темным капюшоном. Мальчику отчего-то подумалось, что эта зловещая тень отделяет его от Алого короля и ни за что не подпустит ближе и не позволит им побеседовать.

– Ты что, Бон, после уроков остаться захотел? – с нажимом спросил Манфред, приподнимаясь на стуле.

– Нет! Извини, я просто... просто задумался, у меня домашнее задание сегодня особенно трудное. – Чарли демонстративно принялся рыться в учебнике.

– Трудное – так трудись, – буркнул Манфред.

Чарли пришлось волей-неволей последовать его совету, и до восьми он не отрывался от уроков.

Очутившись на свободе, Танкред и Лизандр нагнали Чарли в коридоре.

– Лизандр мне все рассказал, – предупредив объяснения Чарли, заявил Танкред. – Постараюсь как-нибудь помочь твоему кузену.

– Чтобы ты да не помог! – убежденно воскликнул Чарли. – Понимаешь, штука в том, что мне надо проникнуть в руины, причем в субботу, когда меня никто не заметит.

– Неужели ты хочешь пробраться туда с другой стороны? – В голосе Лизандра прозвучало сомнение. – Это слишком опасно, Чарли! Тебе придется спускаться к реке по скалам, а они почти отвесные.

Подобный пейзаж Чарли не вдохновлял даже заочно.

– В принципе я мог бы пролезть через окно одной из башен, только тогда кто-то должен отвлечь внимание. – Чарли многозначительно глянул на Танкреда.

– Желаете бурю? – усмехнулся он.

– Буря – это самое то.

– Чарли, а как насчет палочки, мне пока оставить ее у себя? – Лизандр помахал рукой в воздухе.

– Пусть и правда побудет у тебя, мне так спокойнее, – согласился Чарли.

– Что это вы тут делаете? – Из-за поворота коридора на них вышел директор. – Нечего шататься по коридорам, вам всем давно пора спать!

Мальчики покорно закивали, быстро переглянулись и, не решаясь больше ничего обсуждать, разбежались.

В эту ночь сон долго не шел к Чарли: то ему мерещилось, что он падает с отвесной скалы, то – что тонет в бурной реке. Наутро Чарли был настолько погружен в собственные думы, что едва не отправился завтракать в пижаме, и, не останови его Фиделио, вышел бы конфуз.

– Чарли, ау! – Друг тряхнул его за плечо. – В таком виде разгуливать по уставу не полагается.

– А? Ой! – спохватился Чарли. – Голова ну совсем не варит. То есть варит, но я думаю только про Генри. Что с ним станется, если мы его не спасем?

– Спасем мы его, спасем! – подбодрил друга Фиделио, но особой уверенности в его голосе Чарли не услышал.

Однако к середине дня произошло событие, которое резко изменило их настроение. Явившись в столовую на ленч, мальчики с удивлением обнаружили, что на раздаче стоит кухарка.

Когда подошла очередь Чарли, кухарка, накладывая ему макароны, заговорщицким полусшепотом сообщила:

– Мистер Комшарр просил кое-что тебе передать. Будь в «Зоокафе» в субботу в два часа дня, понял?

– А зачем? – Чарли замешкался.

– Шевелись же, Чарли! – заскулил у него за спиной Билли Гриф. – Думаешь, только ты голодный?

Фиделио, который стоял в очереди между ним и Чарли, попятился и с размаху наступил альбиносу на ногу. Тот жалобно айкнул. Фиделио рассыпался в громких извинениях, и, воспользовавшись этим, кухарка успела прошептать:

– Мистер Комшарр тебе все объяснит на месте. Он нашел выход. – И звонко добавила: – Вот твоя порция, как ты и просил, макароны без горошка.

– Ура! – воскликнул Фиделио, подсаживаясь к Чарли. – Никакого мяса! Наконец-то и о вегетарианцах позаботились! – Потом понизил голос и добавил: – Я все слышал. Выше нос, Чарли. В субботу все решится.

На следующий день, а это была пятница, Чарли с Фиделио улучили минутку и передали новости Танкреду с Лизандром. Габриэль уже был в курсе, и, его усилиями, Эмма с Оливией тоже. В конце концов, Генри нашли именно девочки, поэтому скрывать от них дальнейшие планы было бы, мягко говоря, нехорошо.

– В «Зоокафе» надо обязательно прийти с каким-нибудь животным или птицей, – предупредил подружек Габриэль. – Можно с рептилией. Хотите, я вам по хомячку одолжу? У меня их хоть завались.

– Спасибо, но у меня есть вполне подходящие кролики, – вежливо отказалась Оливия.

Эмма, решив не обижать Габриэля, согласилась на хомячка.

Вечером Чарли тщательно завернул картинку со Скорпио в пижаму и спрятал на самое дно сумки, под стопку одежды. Единственным, кто наблюдал за его сборами домой, был Билли – остальные уже разошлись.

– Зачем ты забираешь картинку домой? – как будто невзначай поинтересовался альбинос.

– Моя картинка, что хочу, то и делаю, – резко ответил Чарли. Раньше он жалел Билли, который каждые выходные оставался в пустой академии один-одинешенек, но теперь, когда он почти наверняка знал, что бедный сиротка получает неплохое вознаграждение за свои шпионские услуги, жалость как-то улетучилась. А Билли и впрямь роскошествовал: у него завелись новые ботинки на меху, фонарик; по ночам он нередко шуршал обертками от шоколадок, и, кроме того, старик Блур угощал его какао.

– Ну все, я пошел, – сказал Чарли, застегивая молнию на сумке. – Приятных тебе выходных, Билли.

– Зато тебе приятных выходных не видать как своих ушей, – мстительно отозвался Билли.

О чем это он? Но Чарли было некогда обдумывать вредные подначки Билли: он поспешил в холл, где его, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, поджидал Фиделио.

– Все уже разъехались, – сказал он.

В пятницу вечером доктор Блур и Манфред всегда торчали в холле, пока последний ученик не покидал стены академии. Чарли и Фиделио уже направились к дверям, и тут директор преградил им дорогу.

– Предъяви содержимое сумки, – велел он Чарли.

– Моей, сэр? – переспросил Чарли, обрадовавшись, что сдал волшебную палочку на хранение Лизандру.

– Да, да, твоей сумки. Вынимай все вещи.

– Что, прямо здесь, сэр?

– Да, и побыстрее, не задерживай нас.

– Сэр, – вмешался Фиделио, – он на автобус опоздает.

– Это уже не твоя забота, Дореми, – отрезал директор. – Иди своей дорогой.

Но Фиделио не шелохнулся.

– Я подожду Чарли, – твердо сказал он. Чарли расстегнул сумку и вывернул ее прямо на каменный пол, так что получилась куча из одежды, обуви и книжек. Манфред присел на корточки и принялся перетряхивать и чуть ли не обнюхивать каждую вещь, даже в кроссовках и то пошарил. Когда очередь дошла до пижамы, картинка, конечно, выпала, и стекло уцелело лишь чудом.

– Только это. – Манфред передал Скорпио доктору Блуру.

– А-а, прекрасное полотно, – без всякого восторга изрек директор. – Поищи хорошенько, Манфред, посмотри в самой сумке.

Манфред обыскал и сумку, прощупал подкладку, вывернул все карманы и даже проверил, нет ли двойного дна.

– Сэр, пожалуйста, автобус уедет! – взмолился Фиделио, хотя глаза у него сердито сверкали.

– Тебя здесь никто не задерживает, Дореми, – бросил Манфред. – Ничего нет, отец, – отрапортовал он и швырнул сумку Чарли. – Забирай, Бон, и выметайтесь отсюда оба.

Мальчики еле-еле успели вскочить в автобус, но, пока он катил по городским улицам, Чарли ерзал на сиденье, терзаясь мрачными мыслями насчет дяди. А вдруг тот еще в больнице? А если тетки учинили с ним еще какую-нибудь пакость? С них станется яду в компот подмешать! А дядя выглядел совсем скверно, когда Чарли его навещал, – бледный, обессиленный. Он же не успеет поправиться к завтрашнему дню. Или все-таки успеет?

От перекрестка к своему дому Чарли уже бежал, и на каждом шагу сердце у него падало. Вот сейчас он придет домой, и на него обрушатся какие-нибудь очередные жуткие новости! Когда дверь открыла мама, Чарли решил, что его худшие опасения сбываются: она никогда не приходила с работы так рано.

– Что еще стряслось? – выдохнул Чарли.

– Ничего, солнышко. – Мама чмокнула его в щеку. – Просто решила взять выходной, походить по магазинам.

Чарли опасливо вошел в прихожую.

– А дядя? – тотчас спросил он.

– Дома, дома, у себя. Немножко кислый, но в целом ничего.

– Ура! – Уронив сумку, Чарли через ступеньку поскакал вверх и впервые в жизни ворвался к дяде без стука. Дядя привычно ссутулился за письменным столом.

– Здравствуй, мой мальчик, – поприветствовал он племянника.

Чарли утратил дар речи – от радости, волнения, облегчения и много чего еще. Дядя Патон жив! Цел! И дома! Чарли так и подмывало броситься ему на шею, но он воздержался, решив, что столь пылкое изъятие чувств дяде может и не понравиться.

– Ух, я так рад, что вы поправились! – наконец выговорил он.

– А уж я-то как рад, – улыбнулся дядя. – Видел бы ты мои синяки, целая коллекция.

На лбу у дяди красовался один из коллекционных экземпляров и вдобавок ссадина; все это раньше скрывали бинты.

– Да, вид у вас... э-э-э... живописный, – нерешительно заметил Чарли.

– Это еще что! – Дядя иронически зафыркал. – Вот под одеждой так подлинные произведения искусства! – Он похлопал себя по рукаву бархатной домашней куртки, довольно потрепанной. Потом кинул взгляд на дверь, понизил голос и похвастался: – Им не удалось меня прикончить. Не на того напали.

– Думаете, они и впрямь собирались? – Чарли никак не мог свыкнуться с этой дикой мыслью.

– Кто знает? – поморщившись, пожал плечами дядя. – От таких любящих сестриц всего можно ожидать.

– Дядя, мне надо уйму всего вам рассказать, – помрачнел Чарли.

– Не сомневаюсь, друг мой. Иди попей чаю, а потом будем держать совет.

Чарли спустился на кухню, и, как всегда, глаза у него разбежались при виде пиршества, приготовленного Мейзи, чтобы восполнить скудную школьную еду.

– Согласись, с учетом обстоятельств, твой дядя выглядит просто шикарно! – восторженно воскликнула Мейзи.

– А виновных нашли? – спросил Чарли. – То есть их в тюрьму посадят?

– Полиции удалось установить, что автомобиль был прокатный, а за рулем сидела блондинка в темных очках, – поведала мама. – Больше пока ничего.

«Ха, блондинка! – сердито подумал Чарли. – Купила в магазине парик – вот вам и блондинка. А дядя знает все, а доказать ничего не может».

Чтобы как-то утешиться, он навалился на угощение, торопливо поглотил как можно больше вкусов и поспешил обратно к дяде. Пока Чарли пил чай, дядя успел расчистить для него пятачок на заваленной книгами и бумагами кровати, на которой мальчику раньше сидеть не приходилось. Как обычно, в комнате горели свечи и мягко мерцала керосиновая лампа.

Чарли, стараясь не путаться, изложил дяде все, начиная с исчезновения Генри и заканчивая собственным визитом к Скорпио. Когда дело дошло до подвигов Оливии и до птицы тольрух, дядя даже присвистнул.

– Так и знал, что ты отыщешь палочку, – подытожил дядя. – Итак, сейчас она у твоего друга?

– Угу. У Лизандра. На него можно положиться, он же меня от Скорпио спас.

– А книга при тебе? Я имею в виду словарь, Чарли, он понадобится, чтобы повелевать палочкой, она ведь никаких языков, кроме валлийского, не понимает.

Чарли уже успел выучить несколько слов и теперь не без гордости воспроизвел их перед дядей:

– Сими да гарег имма!

Дядя одобрительно кивнул:

– Правильно, «сдвинь этот валун». Но произносится, уж извини, иначе: саймидар гарег амма! Вот так. Сверься с транскрипцией.

– Я зазубрю, – пообещал Чарли. – Нам еще повезло, что мисс Ингльдю нашла словарь, а то он бы так и мок в канаве, ну, там, где вас...

– Да, нам повезло, – согласился дядя. – Мисс Ингльдю – дама выдающихся достоинств.

– А вы с ней... помирились? – робко спросил Чарли.

Дядя пошел пятнами.

– Хотелось бы в это верить, – тщательно подбирая слова, ответил он, затем кашлянул и осведомился: – Ну и что же вы планируете делать дальше?

Чарли уловил намек.

– Завтра мы с друзьями встречаемся в «Зоокафе», мистер Комшарр передал, чтобы мы все пришли и что он знает, как быть. Но я что-то не понимаю, о чем речь. Он-то как может спасти Генри?

– Зоокафе, зоокафе, – забормотал дядя, задумчиво потирая подбородок. – Ах да! Как я мог забыть. – Он довольно хмыкнул. – Видишь ли, существует древний, давно забытый ход. Он упоминается в одном из этих бесценных источников. – Дядя показал на стопку старинных книг, громоздившуюся на столе. – Ход ведет под землю и прямиком в самое сердце руин, а начинается он где-то в центре города, в старом квартале. Где именно, никто не знает, кроме, как я совершенно уверен, мистера Комшарра. У этого человека такой загадочный вид, что он просто обязан знать подобные тайны.

– Понял! Ход идет из кафе! – ликующе подпрыгнул Чарли.

– Вне всяких сомнений. Да, Чарли, собери вещи и скажи маме, что в субботу вечером поедешь со мной на побережье.

– Что? Куда? – не понял Чарли.

– Объясняю, – терпеливо сказал дядя. – Завтра вы общими усилиями вытащите Генри из заточения. Ты приведешь его в «Зоокафе», и там он пробудет до наступления ночи. Тем временем ты вернешься домой и доложишь мне об удачном проведении операции, после чего мы с тобой подьем к кафе и заберем нашего бедного родственника.

– Но при чем тут побережье? Куда мы его там денем? – недоумевал Чарли.

– Наберись терпения, – посоветовал дядя. – Со временем узнаешь.

Глава 18

ЗАСАДА

Субботним утром Бенджамин Браун перешел Филберт-стрит и направился к дому номер девять, как делал всю жизнь, сколько себя помнил. Спринтер-Боб, по обыкновению, бодро трусил впереди хозяина.

Однако, когда Бенджи позвонил, ему пришлось прождать довольно долго, прежде чем Чарли отпер дверь.

– Ой! – Чарли даже отступил при виде приятеля. – Это ты?

– Конечно я, кто ж еще, – отозвался Бенджи. – Чему ты так удивился?

Чарли, который напрочь забыл про Бенджи, немедленно почувствовал себя виноватым.

– Пошли наверх, – заговорщицким шепотом предложил он. – У меня уйма новостей.

– А бабушка твоя дома? – Бенджи перешагнул порог и опасливо огляделся. – Она будет недовольна, что я Боба привел.

– Не волнуйся, она куда-то ушла. И с таким коварным видом! Страшно подумать, что она затевает.

На рассказ обо всех событиях этой недели у Чарли ушел чуть ли не час, в течение которого Бенджи, затаив дыхание, сидел на кровати с разинутым ртом и глаза у него делались все круглее и круглее.

– Ничего себе! – подытожил он и тут же спросил: – А меня ты в «Зоокафе» возьмешь?

Чарли прекрасно понимал, что отстранить Бенджи от участия в авантюре невозможно.

– Конечно-конечно, – заверил он. – А Спринтер-Боб нам пригодится.

– Моя мама приглашала тебя к нам на ленч, – сказал Бенджи. – Потом можно будет выйти через черный ход, и твоя бабуля точно не узнает, куда ты подевался.

Идея пришлась Чарли по душе. Поскольку мама была на работе, он предупредил о своих планах Мейзи, и друзья отправились домой к Бенджи.

Дальше все шло как по маслу, но, когда ребята добрались до Бульк-стрит, Спринтер-Боб вдруг враждебно заворчал, а Бенджи заметил какую-то даму в красных туфлях, поспешно скрывшуюся за углом. На Хай-стрит было полно праздной публики, так что рассмотреть обладательницу красных туфель толком не удалось, но Бенджи она показалась подозрительно знакомой.

– Чарли, а Чарли! Похоже, за нами шпионит одна из твоих теток – та, что в красных туфлях! – встревоженно сообщил он другу.

– Венеция! – ужаснулся Чарли. Прежде чем свернуть на Бульк-стрит,

Чарли внимательно огляделся, выискивая в толпе прохожих тетушек. Из-за промозглой погоды добрая часть публики надвигала на нос шляпы, однако ни теток, ни бабушки мальчику заметить не удалось.

– Была не была, рискнем, – решительно сказал Чарли.

Мальчишки галопом понеслись по Бульк-стрит, предводительствуемые Спринтер-Бобом.

– Приветствую, Чарли Бон! – провозгласил вышибала Нортон, как только Чарли с Бенджи переступили порог «Зоокафе». – Насчет сопровождающего животного не волнуйся, твой приятель – вон он там – тебе одно припас.

Тут только Чарли вспомнил, что начисто забыл про правила кафе, а Спринтер-Боб, хоть и представлял собой крупный экземпляр, за двух собак сойти никак не мог. По счастью, Нортон был прав: из дальнего угла Чарли радостно махал Габриэль Муар. Чарли двинулся к нему и заметил, что все прочие участники заговора уже на месте и устроились за большим круглым столом: Оливия с белым кроликом на коленях, Танкред тоже, у Габриэля, как всегда, была с собой целая коробка хомячков, один из которых подергивал носиком на плече у Эммы. Лизандр притащил с собой внушительного попугая в клетке, а на руках у Фиделио озиралась белая голубоглазая кошка, бросая заинтересованные взоры то на хомячка, то на попугая.

– Она глухая, – пояснил Фиделио, – так что гвалт ей нипочем. Зато зрение у нее будь здоров.

При виде Спринтер-Боба кошка распушилась, но пес не обратил на нее ни малейшего внимания, привлеченный большой собачьей компанией у окна.

Соломенные волосы Танкреда вздыбились не хуже кошачьей шерсти, и в них с треском пробежала молния.

– Это кто? – кивнул он на Бенджи.

– Бенджамин, мы с ним на одной улице живем, и я его сто лет знаю.

– А, тогда ничего. – Шевелюра Танкреда приняла обычный вид. – Извини, просто я нервничаю.

– Все нервничают, – заметил Габриэль.

– Лично мы – ни чуточки, верно, Эм? – подмигнула Эмме Оливия.

– Абсолютно, – согласилась та, урезонивая хомячка, который норовил забраться ей за шиворот.

– Ну что ж, привет, Бенджамин, – широко улыбнулся Лизандр. – Не обращай на нас внимания, это у Чарли такие одноклассники. Меня зовут Лизандр, вот это – Танкред. Присаживайся, угощайся.

– Спасибо. – Бенджи устроился поближе к Чарли, оглядел стол и с энтузиазмом принялся за шоколадный торт.

– Сегодня все угощение за счет заведения, – сказал Габриэль. – Мистер Комшарр сказал, что, поскольку сегодня особый день, можем съесть, сколько влезет.

– Вот когда все получится, он и будет особым, – сказал Чарли, ковыряя ложечкой торт. Он волновался не меньше Танкреда.

– Получится! – горячо сказал мистер Комшарр, неожиданно возникший за спиной у Чарли. – Мальчик мой, пора за дело. Ты пойдешь один или прихватишь с собой кого-нибудь из друзей?

Чарли обежал взглядом напряженные лица: обижать никого не хотелось, но всех сразу не возьмешь, слишком большая компания.

– Чарли, можно я не пойду? Ты не рассердишься? – подергал его за рукав Бенджи.

– Чарли предстоит забираться в развалины? – понизив голос, уточнил Габриэль.

– Именно, – кивнул косматой головой мистер Комшарр.

– Тогда нам лучше всего подождать его здесь, – сказал Габриэль, а Лизандр с Танкредом кивнули.

– Фиделио, а ты как, идешь? – спросил Чарли.

– Спрашиваешь! – вскочил Фиделио.

Оливия вздохнула:

– Моя миссия, я полагаю, окончена.

– Еще не совсем, – напомнила ей Эмма. Лизандр незаметно огляделся, извлек из рукава волшебную палочку и передал Чарли.

– Удачи, – одними губами сказал он.

– Спасибо. – Чарли поспешно запихнул палочку под куртку.

Фиделио передал кошку Габриэлю и вместе с Чарли последовал за мистером Комшарром. Тот раздвинул позванивающую занавеску из бусинок, отделявшую кафе от кухни, а затем провел мальчиков к двери черного хода. Они очутились в длинном коридоре, от пола до потолка занятом полками с кошачье-собачье-птичьим питанием в виде пакетов, жестянок и банок.

– Вперед, – поторопил озиравшихся друзей мистер Комшарр.

Когда полки кончились, коридор приметно сузился. Некоторое время под ногами был мощный каменный пол, но вскоре он сменился просто утоптанной землей. Мистер Комшарр беззвучно скользил вперед и с каждым шагом делался все больше похож на какого-то настороженного зверька, ушки на макушке.

Вокруг делалось все темнее, сырой потолок понижался, и Чарли уже мог достать до него рукой. Продвигаясь вперед почти в полной темноте, путники оказались в небольшой круглой пещере, озаренной слабым мерцанием светильника, свисавшего с потолка. Здесь по стенам тоже тянулись полки, а на них теснились деревянные ящики и туго набитые мешки. Других входов в пещеру на первый взгляд не было,

– А дальше что? – шепотом спросил Фиделио у Чарли.

Но слух у мистера Комшарра был отменный.

– Ха! – неожиданно воскликнул он, так что мальчики даже подпрыгнули. – Интересуетесь, где же оно? Полагаете, Комшарр завел вас в западню?

– И в мыслях не было, – быстро возразил Чарли.

– А что такое «оно» и где оно? – не унимался Фиделио.

Мистер Комшарр показал в улыбке все свои превосходные зубы, а затем, с удивительным проворством и легкостью, отодвинул от стены один из ящиков. Так вот что он имел в виду! Мальчики увидели дверцу – маленькую замшелую дверцу. Улыбка исчезла с лица мистера Комшарра, и он заговорил таким серьезным тоном, что слова его навсегда отпечатались в памяти у Чарли.

– Юноши, прежде чем вы войдете, я прошу вас поклясться, что вы не расскажете об этой дверце ни одной живой душе. Даете слово?

– Клянусь, – четко произнес Чарли.

– Клянусь, – повторил за ним Фиделио.

– Отлично, – удовлетворенно кивнул мистер Комшарр и, запустив шерстяную лапку под свою ворсистую рубашку, вытащил ключик на золотой цепочке. Ключ он мягко повернул в замочной скважине, и дверь с легким скрипом отворилась.

– Там ждут коты, они и поведут вас дальше, – объяснил он. – Вперед, молодые люди. Я запру за вами дверь, поскольку рисковать мы не можем.

Чарли опасливо сунул нос в сумрак за дверью: ему едва удалось различить выложенный камнем туннель. Потом где-то вдалеке возникло теплое сияние, которое постепенно приближалось.

– Я их вижу! – обрадовался Чарли и шагнул за дверь, а за ним Фиделио. Чарли ожидал, что им придется пробираться по узкой и сырой норе, но туннель, проложенный много лет назад, был выстроен на совесть: красноватые камни сводчатого низкого потолка плотно смыкались друг с другом, под ногами была ровная плитка, и идти по ней было удобно. Топ-топ-топ – отзывались шаги мальчиков в каменной прохладе.

– Интересно, сколько лет этому туннелю? И для кого он предназначен? – Голос Фиделио эхом разлетелся под сводами потайного хода.

– Наверно, для солдат, – предположил Чарли. – Чтобы можно было выбраться из крепости, ну из замка, в случае осады.

– И для детей, – добавил Фиделио. – Теперь через него выберется Генри.

Сияние делалось все ярче, будто впереди полыхал костер; вскоре стали различимы и три кошачьих силуэта. Но коты, дождавшись, пока мальчики подойдут поближе, мягкими прыжками понеслись вперед, указывая дорогу.

Чарли с Фиделио невольно пришлось перейти на бег. Туннель извивался, как змея по песку, но в конце концов впереди приветственно замаячило пятнышко дневного света. Однако коты внезапно свернули в какое-то ответвление туннеля, и мальчикам ничего не оставалось, как протиснуться за Огнецами. Этот проход

оказался таким узким, что продвигаться по нему можно было только боком, а у выхода из него стояла толстенная колонна. Обогнув и ее, Чарли с Фиделио оказались в каком-то зале, огляделись и хором ахнули.

Весь пол здесь был выложен удивительной красоты и сохранности мозаикой: алый круг на белом фоне, а от него расходились, переплетаясь, желтые, красные и оранжевые лучи. А по стенам переливались яркие фрески, на которых под лазурным небом блистали золотые купола и величественные фигуры в просторных одеяниях прогуливались по прекрасным рощам. Узор на куполе повторял рисунок на полу, только вместо алого круга под потолком было сферическое окно в небо.

– Это же солнце! – понял Чарли. – Смотри, солнце, и от него лучи расходятся!

– А свет-то какой яркий! – Фиделио жмурился и утирал слезившиеся после сумрака глаза. – Какой-то фокус или волшебство.

– На щите у него полыхало солнце, – пробормотал Чарли. – На щите у Алого короля. Фиделио, это его зал. Наверно, с тех пор, как он ушел, сюда ни единая живая душа не заглядывала.

– Думаешь? – поеживаясь, спросил Фиделио.

– Да, мне почему-то так кажется, – твердо сказал Чарли.

Фиделио здесь явно чувствовал себя не в своей тарелке, а Чарли... Чарли и сам не понимал, отчего у него так легко и радостно на душе. Мальчик был бы рад остаться здесь подольше; ему казалось, будто он дома.

– Коты исчезли, – нервно заметил Фиделио. – Что будем делать дальше?

Чарли, все еще рассматривавший напольную мозаику, вдруг увидел, что под ногами у него золотится осенний палый лист. Но как он сюда попал – через крышу влетел? Чарли пригляделся к десяти колоннам, поддерживающим свод: они были вытесаны из того же красноватого камня, что и все руины, и почему-то восемь из них стояли очень тесно к стене, а две – на некотором расстоянии. Мимо одной из них мальчики как раз и пробрались в зал, и теперь Чарли решил обследовать вторую. И не зря! За колонной оказалось маленькое круглое окошко, выходившее на опушку лесной чащи. За деревьями

виднелась поляна, посреди нее высился черный валун, а на нем сидели три огненных кота.

– Там! – воскликнул Чарли. – Фиделио, это там!

Фиделио подбежал к другу и тоже выглянул в окошко.

– Что там?

– Подземелье! Видишь, вон валун, про него и говорила Оливия. Видишь, где коты сидят?

Фиделио присвистнул, затем сказал:

– Полежай первым, я за тобой. Мальчики выкарабкались через окошко и спрыгнули на землю – оказалось не так уж высоко. Обернувшись, оба увидели сплошную стену плюща. Да, в жизни не догадаешься, что за ней такое!

Чарли вихрем домчался до валуна под одобрительное мяуканье Огнецов, плюхнулся на колени, приблизил губы к щели и позвал:

– Генри? Генри, ты тут? Это я, Чарли.

Под землей зашуршало, точно кто-то поднимался по каменным ступенькам, а потом из щели на Чарли глянули несчастные серые глаза.

– Чарли? Привет! Как хорошо, что ты пришел! – отозвался Генри.

– Как хорошо, что ты цел! Извини, что не сразу нашли. Но мы тебя отсюда вытащим, прямо сейчас.

– Каким образом? – В серых глазах возникло беспокойство.

– У меня с собой есть одна мощная штука. – Чарли вытащил из-под куртки волшебную палочку и показал Генри. – Видишь?

– Это же просто палочка, – разочарованно протянул Генри. – Даже для рычага слабовата. Какой от нее прок?

– Это не просто палочка, – вмешался Фиделио, выглянув из-за плеча приятеля, – а волшебная палочка. Она что хочешь наколдует.

– А кто это? – спросил Генри.

– Мой друг Фиделио, – представил Чарли. – Незаменимый человек на случай приключений. Всегда спокоен, как утюг. Вот что, Генри, отодвинься-ка ты лучше вглубь, а то вдруг у нас валун как-нибудь не так сдвинется.

– Если щель закроется, я задохнусь! – испуганно предупредил Генри.

– Все пройдет нормально, – заверил его Фиделио.

– Будем надеяться. – Генри спрятался поглубже в подземелье.

Чарли отошел от валуна на несколько шагов, примериваясь, поднял палочку.

– А если не сработает? – усомнился он.

– Сработает как миленькая, – подбодрил его друг. – Вспомни, откуда она взялась, и перестань дергаться. Смелее!

Воодушевленный, Чарли взмахнул волшебной палочкой, указал ею на валун и нараспев произнес:

– Саймидар гарег амма!

Коты проворно скатились с валуна, но больше ничего не произошло.

– С первого раза мало что получается, – успокоил его Фиделио. – У нас и машина всегда только со второй попытки заводится. Попробуй еще.

Чарли старательно повторил заклинание, произнося каждый слог в точности как научил его дядя Патон:

– Саймидар гарег амма!

Но валун по-прежнему не двигался с места. У Чарли в животе возник пренеприятный холодный комок, точно он лягушку целиком проглотил. Неужели коварный Скорпио его надул? Эх, не надо было выбирать палочку, от нее и правда ни малейшего проку.

– Все без толку, – скулчился Чарли. – Что будем делать, Фиделио?

– Попробуй еще раз, – настаивал Фиделио. – Знаешь что, моему, тебе следует сменить... э-э-э... тональность. Ты произносишь заклинание так, словно ты не чародей, а только им прикидываешься. Получается как-то фальшиво, и вдобавок словно ты командуешь палочкой. А настоящие чародеи наверняка обращаются со своими палочками по-дружески. Попробайся не командовать, а просить. Дружелюбно, но твердо. Ей же уважение нужно.

– Л-л-ладно, попробую. – Чарли решительно прочистил горло и в третий раз направил волшебную палочку на скалу, стараясь представить себе, что обращается не к ней, а к дяде Патону, почтительно, но твердо:

– Саймидар гарег амма!

Стоило мальчику произнести заклинание, как палочка у него в пальцах мгновенно потеплела и как будто даже зашевелилась. Она засветилась алым, а серебряный ее кончик заискрился, как если бы палочка превратилась в бенгальскую свечу.

Вжик!

Испустив яркую вспышку света, палочка вырвалась из руки Чарли и полетела, к скале.

Вспугнутые птицы с пронзительными криками взвились в небо над поляной. Коты и Фиделио поспешно подбежали поближе к Чарли, а валун издал странный звук, нечто среднее между громом и раскатистым стоном, который шел из-под земли, а потом медленно сдвинулся в сторону.

Мальчики в изумлении приросли к месту и очнулись только тогда, когда из темной ямы показалась растрепанная голова Генри.

– Ура! – тоненько крикнул он. – Свобода! Чарли, какой же ты молодчина!

Ох и измученный же вид был у Генри: осунувшееся лицо бледнее мела, а под глазами такие круги, что можно было подумать, будто он пытался раскраситься под индейца. Сбросив с себя оцепенение, Фиделио и Чарли подбежали к яме и помогли Генри выбраться наверх. Ноги у пленника подкашивались, но он так радовался свободе и свету, что даже попытался подпрыгнуть от счастья, – нельзя сказать, чтобы ему это особенно удалось.

Чарли бочком подошел к краю ямы и с ужасом заглянул в темноту. Как тут можно было столько просидеть в темноте и не спятить, просто в голове не укладывалось.

Между тем волшебная палочка погасла и вновь превратилась в гладкий прутик с серебряным наконечником. Генри потрясенно наблюдал, как Чарли прячет ее под куртку.

– Потом расскажу, как она мне досталась, – пообещал Чарли. – А сейчас некогда. Все, сматываемся, пока кто-нибудь нас не застукал.

Все трое поспешно углубились в лес, но, когда они очутились у подножия сплошь затканной плющом стены, Чарли с Фиделио показалось было, что окошко в королевскую залу пропало. Однако, подтянувшись на длинных и крепких, как тропические лианы, плетях плюща и порывшись в листве, Фиделио в конце концов обнаружил его. Он и полез первым, чтобы помочь взобраться обессиленному Генри, которого Чарли как мог подсаживал снизу.

Едва приземлившись на мозаичный пол, Генри ошеломленно завертел головой.

– Как похоже на мир во Времявороте! – благоговейным шепотом произнес он, обводя рукой фрески с золотыми куполами и лазурным небом. – Должно быть, это и есть мир Алого короля.

Генри с радостью остался бы в чудесном зале подольше, но друзья поторопили его. Протиснувшись мимо колонны, они зашагали по туннелю.

По дороге Чарли рассказал Генри, как забирался в картину к чародею Скорпио и как добыл валлийскую волшебную палочку. Но Генри, еще толком не очухавшийся после заточения, воспринимал невероятную историю с трудом; зато когда Фиделио принялся в красках расписывать ему «Зоокафе», то пленник, который провел две недели на хлебе и воде, стал облизываться в предвкушении пирожков и торта.

Мальчики уже почти добрались до конца туннеля, когда дверь в кафе внезапно распахнулась и навстречу им, отчаянно семафоря руками, понесся кто-то, в ком путники не сразу признали миссис Комшарр.

– Ах, мальчики, туда нельзя! – вскричала она, оглядываясь. – Все пропало! Там засада!

– Что стряслось? – Чарли остановился как вкопанный и ухватил Генри за рукав.

– В кафе пришли доктор Блур и одна из твоих теток. Они глаз с нас не спускают.

Да уж, ничего не скажешь, веселенькая новость.

– Может, нам удастся протащить Генри на улицу, пока они заняты едой? – робко предложил Чарли.

– Ничего не выйдет, милый. – Миссис Комшарр осмотрела Генри. – Так вот он, значит, наш юный путешественник. Приятно с тобой познакомиться. Я – миссис Комшарр.

– Как поживаете? – Даже после двух недель в заточении Генри был сама вежливость. – Мне столько рассказывали... о ваших пирожках.

Миссис Комшарр одарила его сочувственной улыбкой.

– Тогда в самом скором времени ты познакомишься с ними поближе, милый. Но тебе придется некоторое время посидеть тут, и смотри, веди себя тихо, как мышка, а мы с твоими друзьями пойдем обратно и посмотрим, что можно предпринять.

– Но оставлять здесь Генри одного нельзя! – воспротивился Чарли.

– Придется, выбора у нас нет. Директор и твоя тетка видели, как вы вошли в кафе. Она уже интересовалась, где ты, так я ей сказала, что ты помогаешь на кухне, но вряд ли она мне поверила. Она в любой момент может сунуть нос в кухню, так что лучше не рисковать.

Миссис Комшарр провела Фиделио с Чарли в кладовку. В последний момент Чарли оглянулся и увидел растерянное и бледное лицо Генри во мраке туннеля.

– Генри, прости меня, – отчаянно прошептал Чарли. – Мы постараемся обернуться побыстрее. Имей в виду, будет буря, но ты не бойся, так надо. Мы ее устроим, чтобы тебя защитить. Никуда не уходи и дождись мистера Комшарра: он тебя заберет, когда опасность минует.

– Прощай, Чарли, – отозвался Генри. Когда миссис Комшарр закрыла дверь в туннель, по спине у Чарли пробежала дрожь. Генри говорил так, будто прощался навсегда!

– Вот уж не думал, что придется опять оставить его одного в темноте, – в полном расстройстве пробурчал он себе под нос.

– Это же ненадолго, – утешил его Фиделио.

Чарли только плечами пожал. Кто знает, сколько тетки будут держать кафе под наблюдением? И вообще, мало ли что может случиться в ближайшее время. Тем более, когда стемнеет, Аза перекинется и выйдет на охоту.

В кафе Чарли и впрямь поджидала одна из теток, Лукреция, в обществе директора. Эта парочка заняла центральный столик, чтобы ничего не упустить. Завидев Чарли с Фиделио, тетка Лукреция кивнула с самым бдительным надзирательским видом, а доктор Блур просто проводил их взглядом, но таким, что встречаться с ним не хотелось.

Компания друзей, оставленная ждать в углу, уже изнывала от нетерпения.

– Мы беспокоились! – было первое, что сказала Оливия. – Ну как, удалось?

– Угу, – кивнул Чарли.

– Тише! – шикнул Габриэль. – Давайте-ка поскорей выбираться отсюда. А то у меня такое чувство, будто тут на каждом шагу соглядатаи.

Дети гуськом направились к выходу. В ответ на кивок доктора Блура – не особенно приветливый – Лизандр вежливо поздоровался и пожелал ему приятного аппетита.

Тетка Лукреция пристально воззрилась на Чарли и с подковыркой спросила:

– Что, Чарлз, карманные деньги зарабатываешь? Надеюсь, они пойдут на твоё обучение, а не на всякую ерунду.

– Ч-ч-что? – Чарли чуть не споткнулся. О чём это тетка?

Фиделио вовремя подоспел на помощь.

– Нам здесь очень неплохо платят, мадам надзирательница, – светским тоном ответил он вместо Чарли. – Мы моем посуду, и иногда нам даже разрешают готовить бутерброды.

– Да что ты говоришь? – с неприятной усмешкой переспросила тетка Лукреция. – Лучше бы вы все дома почаще посуду мыли. К тебе, Чарлз, тоже относится. Ну и молодежь пошла – пока им не заплатят, пальцем не пошевелият!

Доктор Блур величественно закивал, выражая полное согласие, и собирался уже высказаться об общем падении нравов, но тут из-под стола раздался пронзительный собачий взвизг. Чарли шарахнулся и понял, что наступил на знакомый облезлый хвост, видневшийся возле начищенных ботинок директора.

– Осторожнее, мальчик! – гавкнул директор.

– Извините, сэр, я нечаянно! – Чарли поспешно отступил подальше. Ну конечно, это Душка, который попал в кафе в качестве животного, сопровождающего доктора Блура. Ну-ка, а что там у тетки Лукреции? Она принесла с собой клетку с такими частыми прутьями, что сквозь них только смутно различались очертания какого-то синеватого клубка.

– Змея! – выдохнул Фиделио в ухо Чарли, после чего оба заторопились к двери.

Стоило компании выйти из кафе, как кто-то, карауливший возле кафе, метнулся за угол так, что пятки засверкали. Чарли успел заметить красные туфли и мрачно констатировал:

– Ну вот, опять тетка Венеция.

Лизандр и Танкред погнались за ней в направлении Хай-стрит так же азартно, как совсем недавно псы за Азой, но тетка успела раствориться в субботней толпе. Нагнав их, Чарли убедился, что враг

не дремлет: на лавочке автобусной остановки с самым непринужденным видом сидела бабушка Бон.

Чарли подошел поближе и требовательно спросил, что, собственно, она тут делает.

— А что можно делать на автобусной остановке, кроме как ждать автобуса? — невозмутимо отозвалась старуха, в жизни не ездившая по городу иначе чем на такси или на машине сестрицы. — О-о-о, сколько у тебя друзей, Чарлз, никогда бы не подумала.

— Ага. — Чарли не нашелся что еще сказать и двинулся дальше. Как только компания отошла от старухи на безопасное расстояние, Оливия не выдержала:

— Ну, не томи, рассказывай! Как вы вытащили Генри? Палочка сработала? А куда он потом делся?

Чарли отчитался о походе в руины.

— Так бедный Генри остался в туннеле? — Оливия притормозила. — Что же делать?

— Дядя Патон сказал, чтобы дальше мы положились на него, — честно ответил Чарли.

У перекрестка их поджидала в машине мама Габриэля, обещавшая подбросить Танкреда с Лизандром на Вершины. На прощание Танкред похлопал Чарли по плечу и с многообещающей ухмылкой предупредил:

— Похоже, вот-вот начнется гроза. Или буря. По крайней мере, я гарантирую, что всех любопытствующих она с улицы выметет.

Чарли, который как раз краем глаза заметил тетку Юстасию, топтавшуюся в дверях аптеки, обрадовался:

— Буря — это самое то!

Габриэль, Лизандр и Танкред направились к машине. Волосы у Танкреда встали дыбом, и по Хай-стрит пролетел резкий порыв холодного ветра. Закапал дождь.

— Танкред держит слово, — улыбнулся Фиделио, поднимая воротник. — Давайте-ка по домам, пока гроза не разыгралась по-настоящему.

Чарли клятвенно пообещал сообщить друзьям, когда Генри наконец будет в безопасности, после чего Эмма с Оливией заторопились в книжную лавку Ингльдю, Фиделио нырнул в море

зонтиков и скрылся, а Чарли с Бенджи и псом поспешили на Фил-берт-стрит. Вдали то и дело прокатывался гром.

– Я забегу попозже, – крикнул Бенджи, взбегая на свое крыльцо.

– До встречи! – отозвался Чарли со своего. Дождь хлынул вовсю ровно в тот момент, когда мальчик вошел в дом. Не теряя ни минуты, он помчался в дядин кабинет.

– Ну, как все прошло? – спросил поджидавший его дядя Патон. – Без сбоев?

– Почти, – сознался Чарли. – Пришлось оставить Генри в туннеле, потому что в кафе появился доктор Блур, а тетки... ох, тетки вообще были везде, куда ни плюнь. Даже бабушка Бон и та приняла участие в операции.

– Успокойся, друг мой, – сказал дядя. – Скоро они сдадутся. Слышишь, как льет? Гроза будет преотменная, а мои сестрицы терпеть не могут ненастья. А о Генри позаботится мистер Комшарр. Нам же остается только ждать.

– Но сколько?

– К десяти часам вечера все благополучно окончится, – заверил Чарли дядя. – Я позвоню в «Зоокафе», чтобы лично в этом убедиться, после чего мы с тобой подьем туда на авто и заберем нашего Генри. А потом в путь, Чарли! Обещаю, ночь будет сказочная.

Дядя говорил так уверенно и так энергично сверкал глазами, но на душе у Чарли все равно кошки скребли.

– Зря мы оставили Генри в туннеле, ой зря, – пробормотал мальчик себе под нос.

Глава 19

ВРЕМЯВОРОТ

Генри разбудил раскат грома, и он вскочил, испуганно озираясь. Правда, Чарли предупреждал его о грозе, но что она будет такой силы, не сказал. Новый удар грома эхом отозвался под сводами туннеля, и мимо Генри в полутьме пронеслось что-то маленькое и юркое. Один из Огнецов ринулся в погоню, что-то пискнуло и захрустело. Генри передернулся.

Сидеть в туннеле оказалось еще тоскливее, чем в яме под валуном. Мальчику вспомнился зал с мозаичным полом и солнечным окошком в куполе. Как там было славно! Вот бы попасть туда снова!

– А почему бы, собственно, и нет? – спросил самого себя Генри. – Когда будет надо, меня найдут.

И он зашагал прочь от запертой двери в кафе. Коты всполошились: они принялись кружить под ногами у Генри, возмущенно мяукая и, видимо, пытаясь его остановить.

– Да я недалеко, – успокаивал их Генри. – Всего-навсего в солнечный зал.

Огнецы не пожелали отпускать его одного и беззвучно заскользили за ним, освещая своими шубками темный туннель. Когда Генри добрался до вожденной солнечной комнаты, расстелил свой синий плащ посреди красного мозаичного круга и улегся прямо на пол, коты вроде бы успокоились – они уселись рядом и сосредоточенно занялись умыванием.

Гроза приближалась, свет в круглом окошке под куполом померк, потом его затянуло непроглядной темнотой. Над куполом бушевала гроза, и яркие вспышки молний то и дело отблескивали на стенах. Но котов ни гром, ни молнии не беспокоили: Огнецы свернулись клубком и мирно спали.

А вот Генри бодрствовал, и, когда до его слуха донесся странный звук, он настороженно приподнялся на локте, потом сел. Где-то за окном, выходящим на лес, не то стонал ветер, не то плескал дождь. Но Генри показалось, что это рыдания, он тотчас вспомнил о младшем

братишке и поднялся. Генри просто не мог слышать, как кто-то плачет, и бездействовать.

На цыпочках, так, чтобы не услышали коты, Генри подкрался к круглому окошку и вылез наружу. Но не успел он сделать и нескольких шагов в сторону леса, как за спиной у него раздалось свирепое рычание, и Генри с перепугу бросился не обратно в зал, а к лесу, туда, где на поляне чернела пасть ямы, а рядом темнел отодвинутый валун. Голодное рычание не отставало, зверь преследовал Генри, и казалось, он все ближе.

Выбежав на поляну, беглец заметался в поисках укрытия, но со всех сторон были только колючие кусты терновника да густой плющ и каменные стены. Новая вспышка молнии на миг высветила поляну, Генри увидел впереди каменную арку и со всех ног бросился туда. Миновав арку, мальчик очутился в темном сыром коридоре. Пол здесь шел под уклон и зарос скользким мхом, так что Генри спотыкался на каждом шагу, тем более что бежал он вслепую, ориентируясь лишь на вспышки молнии, которые мелькали в дальнем конце коридора.

Рычание настигало, Генри уже слышал стук когтей по каменному полу и даже как будто чувствовал зловонное дыхание зверя. Из последних сил мальчик надал ходу, протиснулся в щель заколоченного досками выхода и буквально выпал на каменные плиты двора. Не оборачиваясь, Генри вскочил и, миновав еще одну арку, выбежал в сад при академии.

Беглец неся по мокрой траве, а вокруг бушевала гроза – выл ветер, хлестал дождь. До здания академии Генри добрался промокшим до нитки. К счастью, дверь в сад была не заперта, и Генри, мысленно возблагодарив судьбу, шмыгнул внутрь. С широких ступеней лестницы по ту сторону холла на него вытаращился Билли Гриф. Он не проронил ни слова, только пристально проследил красными кроличьими глазами, как Генри кинулся в ближайшую дверь – ту, что вела в западное крыло.

«Долго прятаться не придется, – понял Генри. – Билли не станет зря терять время. Через несколько минут Блуры уже будут знать, что я удрал, и начнут прочесывать академию».

Тяжело дыша от усталости, мальчик ринулся вверх по винтовой лестнице, в музыкальную комнату. Один раз ему уже удалось там

укрыться, вдруг и второй раз получится? Конечно, преподаватель музыки – чудака, но не предатель, положиться на него можно.

Гроза достигла пика, гром сотрясал музыкальную башню, и Генри казалось, что камни дрожат от страха. Стоило беглецу миновать очередное окошко, как небо за ним немедленно прочерчивала молния. Он уже почти добрался до последнего этажа, когда снизу донесся крик:

– Он туда побежал, туда!

По винтовой лестнице затопали тяжелые шаги, и Генри понял, что за ним гонятся двое, споткнулся от испуга и растянулся на полу.

– Вот! Он там, я же говорю! – яростно прорычал Манфред.

Генри с трудом встал. Куда бежать? Да и стоит ли? Все равно они его изловят рано или поздно. Он смерил безнадежным взглядом крутые ступеньки, отделявшие его от ненадежного убежища, и испустил судорожный вздох. Сил больше не было.

На плечо беглецу легла легкая, как лист, женская рука, затянута в перчатку.

Рядом с Генри возникла миссис Блур. Как она изменилась! Как сверкали ее глаза, как танцевали локоны! Да и от траурных одеяний не осталось и следа: на ней было алое пальто и пестрый шарф. В здоровой руке миссис Блур бережно держала скрипичный футляр, а с плеча у нее свисала кожаная сумочка.

– Пора в путь, Генри! – воскликнула она, разжав пальцы больной руки. – Смотри, что у меня есть!

На фоне темной ткани перчатки синий Времяворот блестел особенно ярко. Мальчик поспешно отвел глаза.

– Мы отправимся вместе, ты и я, – твердым голосом продолжала миссис Блур. – Смелее, возьми меня за руку и идем.

Недолго думая, Генри повиновался, и миссис Блур повлекла его за собой по темным коридорам в глубь западного крыла. Почти сразу она перешла на бег, и Генри еле поспевал за ней.

– Время сейчас самое подходящее, лучше не дождешься! – лихорадочно говорила она. – Понимаешь, в ту ночь, когда они сломали мне руку, тоже была гроза. А теперь я могу вернуться и стать такой, как прежде.

Я вернусь и сбегу от них раньше, чем они успеют меня остановить и искалечить – там, в прошлом!

Обессиленный Генри спотыкался и глотал воздух.

– А если... – не сразу выговорил он. – А если вы попадете не туда?

– Что ты, Генри! Я только и думала о том, куда хочу вернуться. И я верю этому древнему кристаллу. Я вернусь, опередив их ровно на пять минут, я успею выбежать из дому, поймать такси и исчезнуть, прежде чем они успеют спохватиться.

– Ой, я, кажется, не смогу пойти с вами, – пропыхтел Генри.

– Ты должен!

По коридору разнесся громовой приказ:

– Дороти, остановись!

– Скорее же, Генри! – поторопила мальчика миссис Блур.

Грудь у Генри разрывалась от боли, горло тоже. Он уже не бежал, а летел за миссис Блур параллельно полу.

– Манфред, лови их! – орал из темноты доктор Блур.

Манфред ринулся за беглецами, но под ноги ему метнулось что-то четвероногое, низенькое и толстенькое, и младший Блур, споткнувшись о Душку, со всего размаху грохнулся на пол.

– Ах ты, мерзкая, вонючая, поганая псина! – прохрипел он.

Пока Манфред на чем свет стоит проклинал пса, миссис Блур с Генри на буксире удалось выиграть время: они свернули за угол, где из-под арки начиналась лестница, которая вела к узкому стрельчатому окну.

– Вот незадача, – карабкаясь по ступеням, выдохнула миссис Блур. – Не хотелось мне идти этой дорогой, но другого выхода нет. Ну же, Генри, скорее.

Генри выпустил ее руку: он никак не мог решить, отправляться с миссис Блур или нет, хотя, похоже, выбора у него не оставалось.

– Генри, пожалуйста, пойдем, – настаивала она.

Преодолев последние ступеньки, миссис Блур рывком распахнула окно, шагнула на карниз и точно растворилась в воздухе. Полыхнула молния, Генри ошарашенно замер. Что случилось с миссис Блур? Неужели она шагнула из окна и разбилась? Или она уже на пути в прошлое? Мальчик почти на четвереньках добрался до окна и выглянул наружу.

Миссис Блур, с развевающимися волосами и шарфом, стояла на широком парапете, между изваяний каменных чудовищ, щерившихся на шумящий сад, там, далеко внизу.

– Пойдем, Генри, милый, не бойся, – звала миссис Блур, не оглядываясь и не сводя взора с Времяворота, который держала на ладони. Шарик искрился ярче любых молний.

Помимо собственной воли Генри сделал шаг вперед. За спиной у него неумолимо приближался топот преследователей.

По-прежнему не спуская глаз с Времяворота, миссис Блур на ощупь ухватила Генри за край плаща.

– Еще чуть-чуть, еще мгновение, – прошептала она. – Я чувствую, сейчас, сейчас! Мы вот-вот отправимся, Генри!

И миссис Блур, звонко рассмеявшись, легко побежала вдоль парапета над бездной сада, огибая каменных чудищ и таща за собой Генри. Он не сопротивлялся, но никак не мог понять, что же будет, когда они добегут до края? Но через несколько шагов фигура миссис Блур стала какой-то зыбкой и начала таять в ослепительном белом сиянии.

– Генри! – донесся до него призрачный, все удалявшийся голос. – Я совсем забыла... я хотела сказать Чарли, что знаю, где его отец! Поздно, не успеть, слишком поздно! Он так и не узнает! Ах, Генри, какая жалость! В путь, Генри!

Но Генри передумал, ему напрочь расхотелось отправляться в неведомый мир: он и к этому толком не успел привыкнуть. В последний момент он вывернулся из плаща и обхватил массивную печную трубу, возвышавшуюся над крышей. Плащ с шорохом опал на каменный парапет, а призрачная миссис Блур ступила в радужный вихрь и пропала. Над темной крышей и мокрым садом пролетел, затихая, ее смех и замолк.

Ветер улегся, гром прокатился уже где-то в отдалении, но, когда гроза напоследок полыхнула молнией, Генри, прятаясь в тени трубы, увидел Манфреда. Тот стоял на самом краешке парапета, вглядываясь во тьму, и что-то придушенно кричал. Может, Генри и ошибался, но ему показалось, будто Манфред звал:

– Мама!

– Она все-таки сбежала? – высунулся в окно доктор Блур.

– Оба сбежали, – буркнул Манфред, громко сморкаясь. Он подобрал синий плащ Генри и показал отцу. – Вот, мальчишка оставил. Надо понимать, там, куда он отправился, форменный плащ ему будет ни к чему.

– Куда бы он ни отправился, – пробормотал доктор Блур.

– Прапрадедушка будет очень недоволен. – Манфред, не заметив Генри, бросил плащ и выбрался обратно на лестницу. – Он рассчитывал еще потешиться с этим гаденышем.

Генри задрожал: звучало это угрожающе.

Тем временем Манфред захлопнул за собой окно и закрыл задвижку.

Из-за туч показалась тусклая, как будто потрепанная грозой луна. Генри отважился выбраться из тени и опасливо посмотрел вниз, в сад. Ну и что дальше? Как выскользнуть отсюда незамеченным? Блуры двадцать раз его поймают, прежде чем он доберется до руин. А если даже случится чудо и ему это удастся, то в развалинах его подстерегает тот зверь.

На всякий случай беглец подергал оконную раму: точно, заперто. Генри замерз, непередаваемо устал и с тоской вспомнил о пирожках, знакомство с которыми ему сулила миссис Комшарр.

– Не судьба, видно, мне их отведать, – тяжело вздохнул он.

Походив взад-вперед по карнизу, чтобы согреться, и закутавшись в подобранный плащ, Генри уже дозрел до идеи разбить окно. Он даже примерился, но тут что-то мощно прошуршало у него над головой, и прямо на парапет плавно опустилась величественная птица, рядом с которой каменные чудища казались котятками. По крыльям ее, поблескивая, скатывались дождевые капли. Генри в жизни не видывал такого громадного орла – или это был не орел? Мальчик присмотрелся: грозный клюв, острые когти изогнуты, как ятаганы, и все-таки страха птица ему не внушала, напротив, круглый золотой глаз смотрел на Генри вполне дружелюбно и даже приветливо.

Мальчик сделал робкий шаг вперед, и птица тотчас склонила голову. Тогда он расхрабрился, взобрался птице на спину, покрепче обхватил ее за шею и закрыл глаза. Будь что будет!

В семь часов Бенджи позвонил в дверь к Чарли.

– Какие-нибудь новости про Генри есть? – взволнованно выпалил он.

– Пока нет, но я вот-вот попрошу дядю позвонить мистеру Комшарру, – ответил Чарли. – Не могу больше сидеть, ждать и ничего не знать, так и спятить недолго!

Бенджи с неизменным Спринтер-Бобом поднялись к Чарли в комнату. На этот раз препятствий в виде бабушки Бон вновь не возникло: старуха до сих пор не вернулась домой, и это наводило Чарли на самые мрачные мысли. Не то чтобы он боялся, что бабушку Бон унесло ветром во время грозы: такая, пожалуй, и ураган выдержит. Его тревожило другое: а вдруг она так и караулит подле «Зоокафе»? А если она подстережет их с дядей Патон, когда они приедут за Генри? Тогда все пропало. Он с содроганием вспомнил, что помимо бабушки все три тетки тоже могут вмешаться и нарушить план. Кроме того, Чарли беспокоился за Генри. Каково ему там, в туннеле, пусть даже и в обществе Огнецов?

Ожидание становилось нестерпимым, и Чарли не выдержал: он постучался к дяде и, не дожидаясь дежурного «кто там», сказал:

– Дядя Патон, это я. Как вы думаете, не пора ли позвонить мистеру Комшарру? Я за Генри волнуюсь.

– Хорошо, я позвоню, – согласился дядя, – только вот телефон найду, где-то он у меня под книгами закопан.

В этот момент входная дверь гневно хлопнула, и в прихожей затопали тяжелые шаги. Бабушка Бон! Чарли поспешно ретировался в свою комнату.

Через несколько минут к нему заглянул дядя Патон. Вид у него был озабоченный.

– Телефон нашел, в кафе позвонил, но Генри исчез!

– Исчез? – в ужасе переспросил Чарли. – Куда? Как? Мистер Комшарр его искал?

– Да, он сказал, что прошел до самого конца туннеля, и даже в руины, но Генри как в воздухе растворился. Бедняга Комшарр сам не свой.

– Генри наверняка отправился в солнечную комнату, – задумчиво пробормотал Чарли. – Ему там понравилось, и там спокойнее, чем в туннеле. Но почему он из нее ушел?

– Наберемся терпения и будем ждать, больше нам ничего не остается, – сумрачно сказал дядя. – Ждать и надеяться. Мой отец тоже ждет.

– Твой отец – это...

– Да, Джеймс, младший брат Генри. Я ему все рассказал. К нему-то, в домик у моря, я и надеялся отвезти Генри. Он тоже волнуется.

Ждать и надеяться – занятие не из приятных, особенно когда ни на то, ни на другое уже нет никаких сил. Какие только ужасы не лезли Чарли в голову! А вдруг за Генри гонится оборотень и Блуры, а он в отчаянии петляет по руинам? А вдруг его уже схватили? А вдруг Аза его уже растерзал?!

Бенджи сидел рядом с Чарли сколько мог, чтобы друг для успокоения мог чесать Спринтер-Боба за ухом, но потом покосился на часы и сказал, что ему пора домой, а не то мама начнет беспокоиться.

– Ладно, иди, что ж делать, – подавленно кивнул Чарли.

– Спринтер, за мной! – скомандовал Бенджи, но пес скатился с кровати, на которой незаконно валялся все это время, скакнул к окну и оглушительно залаял.

– Тихо ты! – велел ему хозяин.

Но пес опять гавкнул, поднялся на задние лапы и заскреб задернутые шторы.

– Фу, Спринтер! – рассердился Бенджи. – И замолчи, не то бабушка Бон нас убьет.

Пес оглянулся на недогадливых двуногих и настойчиво заскулил.

– Послушай, Боб, мы через окно не полезем, мы пойдем через дверь, – нетерпеливо сказал Бенджи. – Что на тебя нашло? Ну-ка, ко мне!

– Бенджи, погоди! – остановил его Чарли. – По-моему, за окном кто-то есть. Сейчас проверим. – С этими словами он отдернул занавески.

В опасной близости от окна Чарли рос огромный старый каштан, который всегда служил предметом споров в доме номер девять: упадет дерево на дом или нет, а если да, то будут ли жертвы? Еще каштан имел обыкновение ронять на голову Чарли свои твердые плоды.

В данный момент на одном из голых толстых сучьев сидел Генри Юбим. Он приветственно сделал ручкой и шепотом сказал: «Привет!»

Чарли мгновение стоял, разинув рот, потом стрелой вылетел из дому, изо всех сил стараясь не топтать, чтобы не привлечь внимания бабушки Бон. Задрав голову, он озабоченно следил, как Генри сползает с дерева. Приземление прошло удачно, и мальчики бегом вернулись в дом.

Запирая входную дверь, Чарли приложил палец к губам и показал вверх – мол, по лестнице и направо. Генри кивнул и заспешил в

указанном направлении, но не успел он спрятаться в комнате у Чарли, как из гостиной выплыла старуха Бон.

– Это кто еще? – резко осведомилась она, вытягивая шею.

– Бенджамин, – поспешно солгал Чарли, поднимаясь по лестнице и заслоняя Генри.

– В самом деле? – Бабушка подозрительно прищурилась. – Надеюсь, пса он наверх не потащил?

– Ну что вы, бабушка!

Старуха недоверчиво покачала головой и скрылась в кухне, а Чарли впихнул Генри в свою комнату и запер дверь.

– Уф, – сказал он.

– Привет, очень приятно, я – Генри. – Гость уже жал руку Бенджамину, а затем пожал и лапу, которую ему настойчиво подавал Спринтер-Боб. – Рад с вами познакомиться, только не пугайтесь, пожалуйста.

Бенджи смутился, поняв, что так пялиться на гостей, как он это сейчас делает, просто неприлично.

– А я Бенджамин, – представился он. – Вообще-то на вид ты вполне нормальный.

– Он и есть! – вступился Чарли. – Он просто...

– Не в свое время, – подхватил Генри. Присев на краешек постели, он обрадованно объявил: – Ура, наконец-то я в безопасности! Блуры возомнили, будто я улетел в прошлое, так что искать они меня больше не станут.

– Одного не пойму, как тебя занесло из туннеля на дерево? – спросил Чарли.

– Долго объяснять, – развел руками Генри, но все же объяснил, и достаточно подробно.

– Тебя спасла птица?! – потрясенно переспросил Бенджи.

– Наверняка это была Эмма, – заметил Чарли.

Генри с Бенджи посмотрели на него в недоумении, и настал его черед объяснять.

– Как бы я хотел поблагодарить всех твоих друзей! – воскликнул Генри. – Они мне так помогли.

Но Чарли был вынужден его разочаровать: времени на благодарности у Генри не будет.

– Нынче ночью дядя Патон отвезет тебя в надежное убежище, – сообщил он. – Тебе надо смотаться отсюда, пока бабушка Бон не пронюхала, что ты тут.

– А куда меня отвезут? – заволновался Генри.

– Домой, – успокоил его Чарли. – Да, да, к тебе домой, в коттедж у моря. Я поеду с вами, – добавил он. – Представляешь, никогда еще не видел собственного двоюродного дедушку!

– Погоди-ка, а он кто? – наморщил лоб Генри.

– Как кто, твой брат, Джеймс!

– Джеймс? – Генри даже вскочил. – Маленький Джейми? Так он еще жив?

Если бы не чуткие уши Спринтер-Боба, не видать бы Генри своего братишку. Но пес проявил бдительность и угрожающе заворчал, глядя на дверь. Чарли проворно затолкал Генри под кровать, и вовремя: дверь распахнулась, и на пороге возникла грозная бабушка Бон.

– И не стыдно тебе врать, Чарлз? – холодно поинтересовалась она. – Все-таки протащили сюда пса. Ну-ка, гоните его отсюда немедленно!

Старуха обвела глазами комнату, принюхиваясь, как гончая на охоте.

– Может, ты прячешь кого-нибудь еще, а? Что тут был за шум и гам?

– Да ничего особенного, миссис Бон, – пришел на выручку другу Бенджи. – Просто мой пес боится грозы, вот я и взял его с собой, чтобы ему было не так страшно.

– Гроза уже давно кончилась! – нависла над ним бабушка Бон. – Или вы тут так галдели, что не заметили? Тебе давно пора домой, мальчик.

– Уже ухожу, миссис Бон, – самым покладистым тоном отвечив Бенджи и юркнул за дверь. Спринтер-Боб, прежде чем нагнать хозяина, зарычал и от всей души показал старухе, какие у него большие зубы и как их много.

– Ай! Безобразие! – завопил враг, пятясь к дверям. – Уберите от меня это чудовище!

Выставив Бенджи с псом за порог, бабушка Бон одарила Чарли взглядом, не сулившим ничего хорошего, и велела живо укладываться спать. Чарли послушно кивнул и, как только старуха убралась к себе,

кинулся к окну и высунулся в форточку. Бенджи как раз перешел улицу.

– Бенджи! – позвал Чарли. – Передай дальше! Новости передай дальше!

Вернувшись к себе, мадам Гризелда Бон решила больше не ломать голову над причиной таинственных скрипов, перестуков и хождений по дому, которые продолжались весь вечер, до самой полуночи. Насколько ей было известно, Генри Юбим исчез – в прошлое или в будущее, какая разница? А все остальные затеи этой дерзкой компании, возглавляемой ее нахалом внуком, – детский сад и собачья чушь. Стоит тратить на них внимание и нервы! Приняв такое решение, старуха выпила на сон грядущий стаканчик неразбавленного виски и улеглась спать.

Глава 20

В ПУТЬ, К МОРЮ

Таинственные скрипы, перестуки и хождения объяснялись очень просто: Чарли сообщил всем обитателям номера девять о появлении Генри, и они потихоньку начали наносить гостю из прошлого визиты – в комнату к Чарли.

Первым явился дядя Патон. Он на мгновение замер на пороге, утратив дар речи и растерянно моргая, затем устремился к Генри:

– Дорогой мой, я просто глазам своим не верю! Какое чудо, какое удивительное чудо! Нет слов, нет слов! – Он воодушевленно затряс руку мальчика и прибавил: – Премного о тебе наслышан, Генри. Знаешь, а ведь мой отец тебя всю жизнь боготворил.

– Что, правда? – улыбнулся Генри, глядя на него снизу вверх. – А ведь получается, что я вам кто? Дядя?

Это так рассмешило дядю Патона, что он расхохотался, зажал себе рот подушкой и долго не мог успокоиться. Следующей к компании присоединилась мама Чарли. Тот представил ее Генри, а она тем временем тоже смотрела на гостя, не веря своим глазам.

– Так ты и есть Генри! Длинную же дорогу ты проделал – почти в сто лет! – воскликнула она и задумчиво добавила: – Значит, такие чудеса и впрямь случаются...

«Хотел бы я знать, о ком она подумала? – мелькнуло в голове у Чарли. – Наверняка о папе. Может, мама надеется, что он явится из прошлого и снова будет с нами?»

Генри поздоровался с мамой Чарли Бон, а потом вспомнил:

– Миссис Блур просила передать, что она знает, где...

Но договорить он не успел (а может, и передумал); в этот момент в комнату подтянулась Мейзи.

– Генри чем-то похож на нашего Чарли, ты не находишь? – спросила она дочку.

– Да, что-то есть, – отозвалась мама Чарли.

На этом вопрос о семейном сходстве был закрыт, чудеса же Мейзи волновали в последнюю очередь: откуда бы Генри ни явился, прежде всего он был голодным и усталым мальчишкой, а значит, его

надлежало накормить и обогреть, но прежде всего – обнять как можно крепче, к чему Мейзи тут же и приступила.

– Ах ты, бедный малютка! – вскричала она, чуть не задушив Генри в объятиях. – Отощал-то как! Бледненький-то какой! Немедленно идем в кухню, я тебя накормлю как следует.

– Нельзя, – охладил ее пыл Чарли. – Бабушка Бон может высунуться в любую минуту.

– Да чихать я на нее хотела! – с обычным жаром возразила закаленная в боях Мейзи. – Пусть попробует только пальцем дотронуться до бедного крошки, я ей задам!

– Мейзи, дорогая, сделайте милость, не шумите! – тихо, но твердо велел дядя Патон. – Если хотите помочь, покормите Генри здесь. Да, кстати, с собой в поездку нам тоже потребуется еда, и еще пледы – я ведь, кажется, об этом уже говорил?

– Да, Патон, я помню, – ответила Мейзи.

– Пойдем, мама, приготовим им корзинку с продуктами, – позвала миссис Бон.

Они спустились в кухню и взялись за дело, а Чарли открыл шкаф, чтобы Генри мог выбрать себе одежду для новой жизни.

– Странно как-то получается, – сказал Генри. – Я ведь всегда был старшим, заботился о Джейми... о Джеймсе. Как же мы теперь будем? Как он ко мне отнесется?

– Мне и самому интересно, – откликнулся Чарли.

Без десяти минут двенадцать Генри с Чарли забрались в автомобиль дяди Патона – синий, как полночное небо. Мама с Мейзи заботливо загрузили в машину целую гору пледов и еды.

– Как проголодаетесь, сразу перекусите, – наставляла мальчиков Мейзи, подтыкая вокруг них пледы.

Дядя Патон уже сидел за рулем и нетерпеливо посматривал на часы. Он привык отправляться в путь к морю в двенадцать и сегодня собирался сделать то же самое.

Когда часы на соборе пробили полночь, он сказал:

– Устраивайтесь поудобнее, мальчики. Можете пока подремать, а завтракать будем уже у моря.

Генри с Чарли как можно тише прикрыли дверцы машины и, провожаемые воздушными поцелуями и приглушенными возгласами, отчалили с Филберт-стрит. Во избежание своих лампочных

неприятностей дядя Патон выбирал окольный путь. Мимо промелькнула одна темная улица, другая, и неожиданно быстро путешественники очутились за городом. Над дорогой раскинулась непроглядная ночь без единого фонаря, и лишь изредка где-то за холмом или через поле сонно моргал тусклый огонек в окнах какого-нибудь коттеджа или над воротами коровника.

Чарли уже начал задремывать, но вдруг проснулся: он вспомнил кое-что важное.

– Генри, ты вроде начал говорить моей маме, что миссис Блур о чем-то знает, – потормошил он соседа. – Что она имела в виду?

Генри зевнул и сонно ответил:

– Знает про твоего отца. Перед тем как исчезнуть, она успела мне крикнуть – мол, хотела тебе что-то передать насчет него. Скорее всего, она знает, где он.

Чарли сел как подброшенный и отшвырнул плед:

– И где он? Она не сказала?

– Не успела, – сквозь зевок отозвался Генри. – Не договорила и исчезла.

– Ты можешь повторить, что она сказала – слово в слово? – Чарли едва удержался, чтобы хорошенько не тряхнуть Генри.

Но ответа не последовало: измученный приключениями, Генри крепко спал. Ну не будить же его, в самом деле! Но молчать Чарли не мог и обратился к дяде:

– Вы слышали? Миссис Блур, оказывается, знает... то есть знала, где мой папа... или где он был.

– Да-да, Чарли, я все слышал, – кивнул дядя, не сводя глаз с дороги. – Возможно, это значит, что он где-то совсем рядом. Обещаю тебе, когда-нибудь мы его обязательно отыщем.

Чарли никак не думал, что сможет уснуть после такой потрясающей новости, но сам не заметил, как провалился в сон. Он так и не узнал, наяву то было или во сне, но на пути к морю дядя вдруг повел рассказ об Алом короле. Чарли не помнил, упоминал ли он дяде об осеннем дереве, которое то появлялось в заснеженном саду, то возникало на портрете короля, и все же впоследствии дядин рассказ четко запечатлелся в его памяти.

– Я верю, что Алый король – это дерево, и о том же самом свидетельствуют книги, – убаюкивающим голосом говорил дядя под

мерное гудение мотора. – Когда король странствовал по лесным чащам и единственное его общество составляли верные леопарды да окружающие деревья, он и сам превратился в часть леса. Ты спросишь, могут ли деревья передвигаться? Кто знает, мой мальчик... Кто знает, может ли дерево возникнуть в саду на рассвете, а затем явиться в сумерках среди зловещих развалин или под сенью огромного парка? Настанет день, и ты, быть может, сам найдешь ответ на этот вопрос...

Когда Чарли проснулся, глазам его предстала серая поверхность моря. Автомобиль мчался по узкой дороге вдоль скалы, а небо над морем наливалось светом. Чарли потеревил Генри, тот проснулся и протер глаза.

– Смотри, море! – воскликнул Чарли. Генри опустил стекло и высунулся в окно.

– Ой, эти места я знаю! – радостно вскрикнул он. – Мы уже почти дома.

– Осталось несколько миль пути, – сообщил неугомонный дядя Патон. – Предлагаю сделать привал и подкрепиться.

В ответ мальчики восторженно завопили, и вскоре все трое уже уплетали Мейзину снесь. С моря задувал ледяной ветер, поэтому перекусывали прямо в машине, глядя, как пенные буруны с шорохом разбиваются о берег.

Покончив с завтраком, компания вновь пустилась в путь. Дорога так и шла вдоль моря, но зрелище прибоя, скал и далеких туманных островов Чарли не приедалось. Потом машина свернула в бухту, и Генри подпрыгнул:

– Мы дома!

За поворотом, который они миновали, море сердито шумело и пенилось под тяжелыми низкими тучами, а здесь, в бухте, вода была гладкой и спокойной, и, точно приветствуя гостей, сквозь облака пробился луч солнца, освещая сверкающую, как стекло, синеву воды и белый песок пляжа. Можно было подумать, что они очутились совсем в другой стране!

– Что такое? – удивился Чарли. – Все стихло.

– Чудеса какие-то, – поддержал его Генри.

Дядя остановил автомобиль на узкой полоске травы между дорогой и пляжем. По ту сторону дороги, на пологой скале, уютно

белел маленький коттедж.

– Это и есть твой дом? – спросил Чарли.

У Генри от волнения перехватило горло, и он только и смог, что кивнуть.

Перейдя дорогу, путники стали подниматься по ступенькам, вырубленным в известняке; дядя Патон шел первым, за ним Чарли, а вот Генри держался в хвосте. Похоже, он боялся войти в свой прежний дом почти сто лет спустя.

Вот и крылечко, вот и дверь, выкрашенная в синий цвет и гостеприимно приоткрытая. Дядя Патон явно знал, куда идет; вслед за ним мальчики миновали еще одну дверь и очутились в залитой солнцем комнате.

Навстречу им поднялся высокий седой старик с серыми глазами. Несмотря на многочисленные морщинки, лицо его было молодым – может быть, оттого, что все эти морщинки, казалось, возникли из-за морского ветра и улыбки.

– Я видел, как вы подъехали, – сказал старик, обнимая дядю Патона. – Так, значит, это и есть Чарли. Наконец-то мы познакомимся!

– Давно пора! – ответил Чарли. Генри неуверенно топтался в дверях, пристально глядя на старика, и, когда тот его заметил, в комнате воцарилось молчание.

Потом Генри шепотом сказал: «Джейми», точно сквозь паутину морщинок, сквозь седину, он вдруг различил знакомые черты младшего брата, которого покинул давным-давно, так и не доиграв партию в шарики.

Джеймс Юбим молчал, и глаза его блестели от слез, так что дядя Патон отвел Чарли в сторонку, давая братьям возможность обняться. Потрясение было для старого Джеймса слишком сильным: он опустился в кресло и все качал головой, повторяя:

– Глазам своим не верю! Это и в самом деле ты, Генри!

Потом старик вытащил из кармана кожаный мешочек и протянул брату:

– Смотри, Генри, я сберег твои шарики.

Генри присел на подлокотник его кресла и пообещал:

– Я научу тебя играть в «Двойное кольцо».

– Самое время! – И Джеймс тихонько рассмеялся.

А потом дверь отворилась, и, неожиданно для мальчиков, в комнату вошла... кухарка! Она или не она?

– Это вы? – спросил Чарли.

– Нет, это не она, – ответила женщина, похожая на кухарку как две капли воды. – Я – Перл, ее сестра.

– Тогда понятно, почему море в бухте такое тихое.

Перл ласково улыбнулась и кивнула. Как выяснилось, она уже двадцать лет состояла в экономках у Джеймса.

Далее разговор зашел о будущем Генри: Джеймс предлагал ему поступить в местную школу на той стороне бухты, и Перл всячески поддержала идею.

– Школа маленькая, тихая, тебе там будет хорошо, – пообещала она Генри. – Можешь начать ходить туда с осени, а пока Чарли просветит тебя насчет всяких современных штуквин – компьютеров, мобильных и так далее.

Решено было, что Чарли будет навещать Генри каждый раз, когда дядя Патон соберется в гости к отцу.

– И на каникулы пусть тоже приезжает! – сказал Генри. – Обязательно!

– Конечно, конечно, – охотно согласился дядя Патон.

Каникулы у моря Чарли еще не проводил ни разу и даже не представлял, что такое возможно. Как зачарованный, он смотрел в окно, на белый песчаный пляж и сверкающее море.

А вскоре уже и бегал по этому пляжу, щурясь от танцующих на воде солнечных зайчиков. Старый Джеймс, как выяснилось, от беспокойства не спал всю ночь и теперь, переволновавшись, прикорнул прямо в кресле. Дядя Патон тоже прилег отдохнуть перед ночной поездкой обратно, а Перл, хлопотавшая в кухне, отправила мальчишек на пляж:

– Идите-ка проветритесь, а я пока приготовлю нормальный обед вместо бутербродов. Бледные вы оба как не знаю что! Одно слово, горожане.

Мальчики ничуть не возражали и остаток дня провели на пляже – бросали камушки в воду, прыгали по валунам, лазили по скалам и обследовали пещеры, которые так хорошо знал Генри.

День как-то быстро кончился, с моря потянуло вечерней прохладой, надвинулись сумерки, и вот дядя Патон уже позвал Чарли с

Генри обедать.

Перл накрыла в столовой, окно которой выходило на море. Только луна, ее отражение в море да расставленные на столе свечи и освещали комнату: старый мистер Юбим всегда выкручивал лампочки перед приходом сына. Чарли поглощал восхитительный обед и невольно вспомнил о кухарке. Каково-то ей там, в темном подвале академии, так далеко от света и моря?

– Жаль, что кухарке не найти себе похожего жилья, – сказал он.

– Не расстраивайся, ей и в академии хорошо, – утешила его Перл. – Дара... ах, ты не знал, что мою сестру зовут Дара?.. Она довольна, что присматривает за детьми. Дара частенько мне звонит, и мы часами беседуем, и она рассказывает мне обо всем, что происходит с детьми Алого короля. Иной раз мне даже кажется, что я многое теряю.

– Теперь у вас есть Генри, – напомнил Чарли.

– О да, теперь у нас есть Генри, – подтвердила Перл. – И сдается мне, его одного будет более чем достаточно.

Все дружно рассмеялись, а потом дядя поднялся и сказал:

– Нам пора домой, Чарли, а то тебя завтра в школу не добудишься.

– Ох уж эта школа, – вздохнул Чарли, которому страстно хотелось погостить в домике у моря подольше.

Братья Юбимы – один такой старый, а другой совсем юный – долго махали им на прощание с крыльца домика. Чарли поудобнее устроился рядом с дядей, и автомобиль, синий, как полночное небо, тронулся с места.

– Генри теперь заживется хорошо, правда? – спросил Чарли.

– Хорошо?! – Дядя прибавил скорость. – Ему заживется просто роскошно! Молодец, племянничек!

Глава 21

ДЯДЮШКА ПАТОН ДАЕТ ВЕЧЕРИНКУ

Каждый год накануне дня рождения дяди Патона бабушка Бон и три ее сестрицы отправлялись «отдохнуть», как они это называли. Все они терпеть не могли тратиться на подарки и вообще принимать участие в «бессмысленном веселье», согласно коронному выражению бабушки Бон, которое она не уставала повторять из года в год.

На сей раз дядин день рождения пришелся на первый день каникул, и Мейзи решила, что, прежде чем отпускать Патона с Чарли на побережье, следует в кои-то веки устроить вечеринку.

– Мы раньше никогда не устраивали праздников, – сказала она. – Но теперь у Чарли уйма новых друзей, а у них всех такие интересные родители, что мы просто обязаны познакомиться с ними поближе.

Мейзи написала приглашения красивым почерком, и, что удивительно, все обещали прийти, даже занятой судья – отец Лизандра.

Праздник до последнего держали в строжайшем секрете от бабушки Бон, на случай если она захочет воспрепятствовать. Мейзи проявила выдающиеся конспиративные способности: шампанское было спрятано в кладовой, под мешками с мукой, а пирог – в коробке с надписью «Цветная капуста», каковую бабушка Бон терпеть не могла, так что наверняка не стала бы совать в коробку нос.

Утром накануне праздника Чарли снес вниз по лестнице чемодан бабушки Бон, шествовавшей за ним. Он вышел в прихожую, и за спиной у него раздалось сначала «бах», а потом «дзынь»: это бабушка вновь хлопнула своей дверью так, что нанесла урон обстановке. Чарли поставил чемодан и обернулся.

– Ах, какая жалость, – иронически сказала старуха. – Опять эта несчастная фотография упала, а Патон только-только вставил в рамку новое стекло.

Фотография Генри с Джеймсом, Дафной и родителями валялась на полу, а стекло и вправду разбилось на тысячу кусочков. Неужели

бабушка нарочно ее разбила? Иначе почему она так противно усмехается?

– Что ж, поделом *ему*, – процедила старуха, ткнув рамку носком ботинка.

Чарли считал за лучшее промолчать, хотя внутри у него все пело. Ха, знали бы вы правду, дорогая бабуля Бон!

Как только старуха вышла за порог, все в доме номер девять вздохнули с облегчением.

– За работу! – боевито вскричала Мейзи, повязывая передник. – Превратим этот дряхлый дом во дворец!

К семи часам вечера дом сверкал, а дядя, Чарли, его мама и Мейзи ждали гостей. Мейзи предусмотрительно выключила электричество и зажгла множество свечей, отчего в доме стало необыкновенно уютно.

Первыми прибыл Танкред с родителями, причем при их появлении пламя свечек испуганно задрожало, а кое-где даже погасло.

– Простите великодушно! – прогремел мистер Торссон. – Мы постараемся не бушевать.

Но Мейзи пришла в восторг и заявила:

– Какая прелесть! Если что, вы будете нашим вентилятором!

Затем явился Бенджамин и его родители-детективы, а через минуту – Фиделио с мамой и неизменно напевающим папой, а потом почти сразу – Габриэль с родителями. Как выяснилось, мистер Муар писал приключенческие романы, так что, едва его представили родителям Бенджи, он вытащил блокнот, увел их в уголок и принялся выспрашивать профессиональные тонкости.

Следующими прибыли Комшарры, Огнецы и Оливия с родителями, причем все одновременно, так что воцарилась неразбериха. Папа Оливии оказался знаменитым кинорежиссером, и неординарная внешность мистера Комшарра произвела на него такое впечатление, что он тут же поинтересовался, не хочет ли мышелов сниматься в кино.

– Я как раз провожу пробы для «Ветра в ивах»^[4], – пояснил он.

– Я подумаю над вашим предложением, – пообещал мистер Комшарр, одергивая мохнатый жилет и топорща усы.

К восьми вечера праздник был в разгаре. Чарли уже думал, что гости в полном сборе, но дядя глянул на часы и таинственно пообещал, что скоро придет еще кое-кто. И не обманул: через несколько минут

раздался звонок в дверь, Чарли побежал открывать и с удивлением увидел на крыльце кухарку, то есть Дару.

– Перл мне позвонила и все рассказала, – сразу же сообщила она. – Наконец-то Генри пристроен, теперь у него все будет хорошо.

– И у миссис Блур тоже, – добавил мальчик.

Они отправились на кухню и обнаружили там Габриэля, разливавшего напитки.

– Хотелось бы мне знать, – прихлебывая вино и одобрительно оглядываясь, сказала кухарка Дара, – где Дороти раздобыла Времяворот?

– Это я ей дал, – вступил в разговор Габриэль.

– Ты? – поразился Чарли.

– Так-так, а у тебя он откуда взялся? – спросила кухарка.

– А мне его дал мистер Пилигрим, – объяснил Габриэль, расставляя бокалы на подносе. – Мне кажется, он знал, что я захочу отдать его миссис Блур. Она ведь так много времени проводила в западной башне, так внимательно слушала его игру, вот он и решил ей помочь.

– Понятно, – кивнула кухарка. – Загадочный он человек, этот мистер Пилигрим.

– А как вы думаете, где сейчас миссис Блур?

– Полагаю, Дороти отправилась в Париж – это была ее давняя мечта, – обзавелась маленькой уютной квартиркой и наверняка скоро начнет давать уроки скрипки. Быть может, она станет играть в оркестре, кто знает? Главное, что руки у нее теперь будут целы и она сможет вновь взяться за скрипку. И еще... еще она будет в безопасности. – Кухарка благодарно улыбнулась Габриэлю. – Спасибо тебе.

Бух! Бух! Бух!

Внезапно раздался громкий, требовательный стук в дверь: на крыльце дома номер девять стоял кто-то, кто даже не пожелал воспользоваться звонком.

– Кому это так нейдет? – насторожился дядя Патон и пошел в прихожую, а Чарли побежал за ним.

На пороге стояла бабушка Бон с тремя своими сестрицами.

– Что происходит? – грозно спросила она.

– У нас вечеринка, – хладнокровно объяснил дядя. – А позвольте узнать, вы что здесь забыли?

– Ключи, – отрубил старуха. – Патон, как ты посмел устраивать вечеринки в моем доме?! Немедленно прекратить эту оргию!

– Моментально! – поддержала сестру Лукреция таким же тоном, каким в школе выкликала «отбой!».

– Всех вон! – присоединилась Юстасия.

– Ты не имеешь никакого права закатывать праздник без нашего на то официального дозволения, – прошипела Венеция.

Дядя Патон выслушал сестриц, а затем сказал:

– Замолчите! Прекратите пороть чушь! Хочу устраивать вечеринку – и устраиваю. У меня сегодня день рождения, и, если вы забыли, дом наполовину принадлежит мне.

В прихожую вышел мистер Торссон и громогласно спросил:

– Что-нибудь не так, Патон?

– Ничего страшного, – спокойно отозвался дядя. – Я сам справлюсь.

Но мистер Торссон не стал проверять это на практике: он смерил незваных посетительниц оценивающим взглядом, надул щеки и дунул на сестриц так, что все четверо легче пушинок вылетели за дверь и покатались по улице.

Чарли в ошеломлении смотрел, как бабушка и тетки, кряхтя, поднимались на ноги, отряхивались, приглаживали волосы и грозили кулаками дяде и мистеру Торссону. Последний угрожающе хохотнул, и в ту же секунду небо над Филберт-стрит расколол удар грома, по улице пронесся резкий порыв ветра – и сестрицы Юбим с визгом обратились в бегство, бранясь на ходу, как базарные торговки.

– Нам придется за это поплатиться, – вздохнул дядя Патон.

– По крайней мере, не сегодня, – подбодрил его Чарли.

Когда бабушку Бон и трех теток, по выражению дяди, «как ветром сдуло, причем буквально», Оливия Кару сел на радостях предложила устроить танцы.

– Танцы, танцы! – горячо поддержал ее Фиделио.

Вдвоем они проворно отодвинули стол и скатали ковер, а Эмма тем временем включила магнитофон, и вскоре все трое уже отплясывали посреди столовой.

Остальные, особенно мальчики, поначалу стеснялись, но после того, как Мейзи вытащила танцевать судью, веселье охватило всю компанию. Столовая, та самая холодная и темная столовая, видевшая только унылые парадные обеды для теток, совершенно преобразилась: в ней звучала музыка, мигали веселые огоньки свечей, качались фигуры танцоров. Даже дядя Патон отважился пригласить мисс Ингльдю, а, поскольку столовая была полна народу, танцевать им приходилось в довольно стесненных условиях, но, как заметил Чарли, мисс Ингльдю не возражала.

А вот мамы что-то нигде было не видать, и Чарли отправился на поиски. Она сидела в кухне при одинокой догорающей свече и как зачарованная смотрела в окно, за которым у снежинок происходил свой бал. Но Чарли знал, что мама глядит сквозь снегопад на что-то другое, невидимое.

– Папа обязательно вернется, – тихонько сказал Чарли.

Мама обернулась, и, к его удивлению, на лице у нее играла улыбка.

– Знаешь, Чарли, я начинаю тебе верить, – так же тихо ответила мама. – После этой невероятной истории с Генри я готова поверить во что угодно.

КОНЕЦ

notes

Примечания

Речь идет о той самой игре, в которую играл со своими друзьями Том Сойер. Она широко распространена в Европе и Америке, но, увы, не у нас; играют в нее разноцветными шариками, стеклянными, фарфоровыми, а также из камней полудрагоценных пород (агат, оникс, халцедон, сердолик, опал); шарики, соответственно, бывают прозрачными, дымчатыми, узорчатыми и так далее. По сути, игра напоминает бильярд, только без кия и на земле, или русское пасхальное катание яиц. У каждого игрока свой набор шариков. Задача игрока – загнать своим шариком в ямку или выбить из круга как можно больше шариков противника, которые он тем самым выигрывает. Поскольку шарики бывают удивительно красивых расцветок, в том числе редких, ими не только играют, но и меняются, их коллекционируют, и у детей они иногда заменяют деньги. Описание такой игры можно найти в «Приключениях Тома Сойера». – Здесь и далее прим. пер.

Валлийский язык – один из древнейших языков Англии. На нем говорили и до сих пор говорят в Уэльсе. В этом языке много гласных, и он очень напевный.

О приключениях Синдбада-Морехода рассказывается в «Сказках тысяча и одной ночи». В ходе одного из них путешественника занесло в горную долину, где обитала гигантская птица Рух, и Синдбад чудом выбрался оттуда – в основном благодаря своей смекалке.

«Ветер в ивах» – знаменитая детская книга английского писателя Кеннета Грэма, посвященная приключениям сельских жителей: мистера Крыса, мистера Крота, мистера Жабба и других. На иллюстрациях герои обычно изображаются как зверюшки в человеческой одежде.